

Гай Юлий
Орловский

Любовные чары

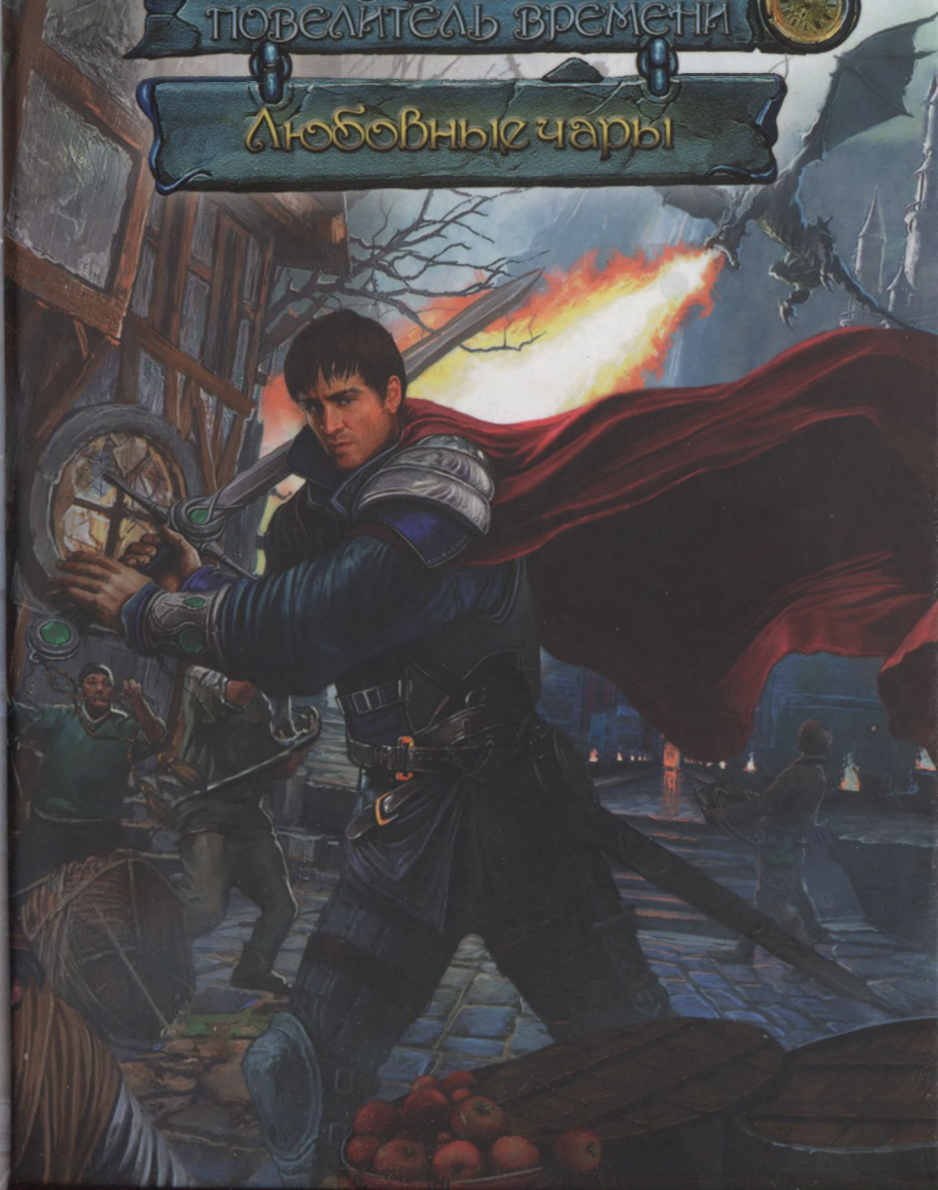
ПОВЕЛИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Гай Юлий Орловский

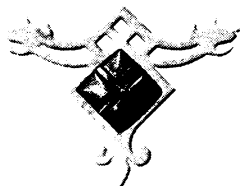
Юджин

ПОВЕЛИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Любовные чары

Юджин

Юджин

ПОВЕЩАНИЕ В ДЕСЯТИ КНИГАХ

- Книга 1. Мир Трех Лун
- Книга 2. Высокий глэд
- Книга 3. Патроны чародея
- Книга 4. Все женщины — химеры
- Книга 5. Любовные чары
- Книга 6. Небоскребы магов

Гай Юлий Орловский

Юджин

ПОВЕЩАТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Книга 5

Любовные чары

Москва
2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-66

Оформление серии *А. Старикова*

В оформлении переплета использован рисунок *А. Липаева*

Орловский, Гай Юлий.

О-66 Юджин — повелитель времени. Книга 5. Любовные чары : [фантастический роман] / Гай Юлий Орловский. — Москва : Эксмо, 2015. — 416 с. — (Юджин — повелитель времени).

ISBN 978-5-699-81084-0

«Ну тупые они, тупые!.. Глерды, бароны, герцоги, даже короли. А вот я весь в белом, да еще и колдовать подучился...»

Но это проклятое превосходство, кроме понятных и ожидаемых радостей, почему-то переполняет тягостным чувством, дескать, если можешь больше, то и обязан... чего-то там больше. А глерд Юджин, как и все, очень уж не любит отвечать даже по мелочам.

**УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-699-81084-0

© Орловский Г.Ю., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Во дворе перед главным зданием дворца музыканты в праздничных одеждах играют бравурно-бодрое, три пары придворных церемонно вытанцовывают, как журавли в свадебно-ритуальном, все мирно и светло, никакого предчувствия близкой войны.

Справа и слева у двери башни Рундельштотта двое королевских гвардейцев в красных мундирах поверх кирас, при моем приближении подтянулись, крепче стиснули украшенные золотом древки копий.

— Спокойно, ребята, — сказал я, — свои.

Один ответил почтительно:

— Глерд Улучшатель, вам все открыто. Нам сообщили.

— И не только сюда открыто, — сообщил я скромно. — Но обойдемся без подробностей. Остальное додумывайте...

Один распахнул передо мной дверь, но второй зыркнул поверх моей головы и вскрикнул испуганно:

— Дракон!

Я развернулся, высоко в оранжевом небе парит зеленый, как лягушка-квакша, дракон с широко распахнутыми крыльями. Я бы, увидев без подсказки, решил бы, что ястреб или коршун с такой странной расцветкой, но оба стражника смотрят с ужасом, хотя дракон

на таком расстоянии страшным не смотрится: худой, с тонкими костями и непропорционально огромными крыльями, вынужденными держать немалый вес в воздухе.

— Это нарушение, — сказал я сквозь зубы, — наших священных воздушных границ! Надо заявить решительный протест.

Они продолжали смотреть как замороженные в небо, а я вбежал в башню и понесся по винтовой лестнице.

Фицрой резко обернулся на треск распахнувшейся двери, ладонь метнулась к рукояти меча. Рундельштотт испуганно вскинул голову, оба мирно наслаждаются жареным мясом с только что испеченным душистым хлебом, запивают вином.

— Тревога! — крикнул я. — Неопознанный дракон в небе!.. Фицрой, хватай мешок и бегом за мной.

Фицрой вскочил, вскрикнул ликующе:

— Вот это жизнь!

Рундельштотт не успел раскрыть рот, я выбежал, до крыши не так уж далеко, два-три оборота на винтовой, это примерно два-три лестничных пролета.

Фицрой догнал с мешком в руках, я как раз поднимал крышку люка, он вслед за мной выбрался на обзорную площадку.

— Взял, — заверил он и добавил, глядя невинными глазами, — правда, свой мешок. У меня там еще вино осталось... а на Рундельштотта оставлять нельзя, я ему не доверяю.

— Свинья, — сказал я. — Не превратит он твое вино в воду, не превратит!

Он развязал мешок, я быстро вытащил и собрал винтовку, тяжелую и громоздкую, вот бы еще ее научиться создавать, но это уже вряд ли, слишком сложно.

Фицрой следил взглядом за драконом в оранжевом небе.

— В городе теплее, — определил он, — потому эта тварь на восходящих ходит... Даже крыльями не шевелит, скотина ленивая!

— Сейчас зашевелит, — пообещал я. — И крыльями, и лапами.

Он с жадным интересом смотрел, как я шелкнул коробкой с патронами и начал ловить дракона в прицел. Тот в самом деле неподвижно висит в небе, идеальная цель, но руки мои подрагивают, снайперская винтовка тяжелее связки утюгов.

Фицрой все понял, подставил спину.

— Обопрись.

— Хорошая идея, — сказал я с облегчением. — А я думал, ты только красивый.

— Еще и нарядный, — напомнил он.

— Теперь не дыши, — велел я.

Он не ответил, дыхание задержал, чтоб не шевелиться, а я поймал в прицел фигурку с растопыренными крыльями и легонько нажал на спуск.

Дракон парит как ни в чем не бывало, я тут же повторил выстрел, а потом еще выстрелил дважды, но только после третьего дракон дернулся и начал косо уходить в сторону.

Я выстрелил еще и еще, дракон задергался и, часто взмахивая крыльями, как пытающаяся лететь худая курица, пошел в сторону леса. Крылья от чрезмерных усилий начали заламываться, мне даже почудилось, что в левом то ли перебита кость, то ли переломилась от перегрузки.

Фицрой прошептал:

— Ты его ранил!

Я снял с его спины винтовку, он расправил плечи, посмотрел на меня, потом вслед улетающему дракону.

— Нет у меня зээрка, — сказал я мстительно, — этого крылатого гада разнесло бы, всем на потеху, так, что собаки за кишки дрались бы по всему городу!

— А сколько алмазной чешуи бы посыпалось, — добавил Фицрой. — Хотя это не боевой дракон, те покрыты с головы до ног, но у таких тоже есть на ногах, как у петухов и кур.

Я сложил винтовку, убрал в мешок и сунул ему в руки.

— Возвращайся допивать, но не увлекайся. Тебе еще своих ледей посещать, а то обидятся.

— Я вольная птица, — заявил он гордо. — Это ты не попадись.

Пока спускались, он рассказывал, какие у него наметки насчет глердесс, потом вдвинулся в покои Рундельштотта, а я сбежал вниз, где гвардейцы встретили меня восторженными воплями.

— Глерд! Это вы... заявили протест?

— Как он драпал, как он драпал!

Я ответил скромно:

— В следующий раз крылья оборву. Как мухе. Вы мухам крылья в детстве обрывали? Нет? А как же стали профессиональными военными... В общем, нечего ему тут как у себя. Если что, зовите. Не будут крылья черные над родиной летать.

Они выпрямились, глядя мимо меня, в нашу сторону спешит Мяффнер, очень взволнованный, обеспокоенный и отдувающийся после быстрого шага.

Моя снайперская в мешке, а мешок у Фицроя, так что Мяффнер сперва посмотрел на мои свободные руки, потом взгляделся в мое лицо.

— Вам удалось... его отогнать? Или он сам улетел?

— Не смеют крылья черные над родиной летать, — повторил я. — Если драконы в самом деле огромная

ценность, то больше здесь не покажутся. Как мне кажется, по моему скромному мнению.

Он чуть наклонил голову, одновременно делая с таким изяществом жест в сторону главного корпуса, словно это приглашение, а не приказ лорда-канцлера.

— Глерд...

— Я только что оттуда, — ответил я и добавил многозначительно, — от королевы.

— Знаю, — сказал он, — однако ситуация не позволяет. Скорее требует. И очень даже, хотя и не. Я доступно излагаю?

— Весьма, — заверил я с восторгом. — Обожаю язык дипломатии и учусь ему со всем рвением души и фибров.

Пока спешили в главный корпус, а потом по залам, к нам, как металлические опилки, тянулись прогуливающиеся в залах придворные, о драконе еще ничего не слышали, даже издали сворачивают, чтобы попасться по дороге и поклониться, свидетельствуя что-то такое им нужное или ритуальное.

Мяффнер почти никому не отвечает даже милостивым наклоном головы, а я тем более смотрю вперед бесстыжими глазами простолюдина и демократа.

Так вошли в здание, Мяффнер сказал непривычно строго, не сбавляя шага и не поворачивая головы:

— Глерд, дело гораздо серьезнее, чем мы полагали!

— Да уж вижу, — буркнул я.

Он не удержался, на ходу всплеснул ручками, превращаясь в прежнего Мяффнера.

— Вы даже и не представляете!.. Если бы дракон из Уламрии, то это еще было бы понятно, но на нем упряжь с гербом Опалоссы! Наши часовые рассмотрели отчетливо!

— Хорошее зрение, — одобрил я.

Он кивнул.

— В часовые на башни отбирают только таких.

— И что это значит? — спросил я. — Что дракон не из Уламрии?

— Есть предположение, — сказал он с испугом, — что королевство Опалосса тайно помогает Уламрии!.. Раньше это казалось немыслимо в силу ряда очевидных и не совсем очевидных причин, но теперь, когда этот дракон... Может быть, у них даже договор подписан о совместных действиях?.. У Опалоссы и Уламрии? Тогда мы пропали!.. Это два сильнейших королевства!.. Обычно они враждовали, но сейчас уж и не знаю, что на них нашло...

Он указал на ступени широкой лестницы, но я остановился, покачал головой.

— Глерд канцлер, мне нужно в королевскую библиотеку. Если вас не очень затруднит, скажите коротко, в чем проблема?.. Я же человек простой, простодушный, извините мою безманерность... В самой Уламрии проблема или в возможности ее союза с недавним противником?

— В возможности союза, — ответил он кисло. Моя безманерность, которую я мог бы назвать и хлеще, явно не понравилась, но дело ставит выше амбиций, пояснил: — Уламрия не сильнее нашего королевства, но воинственнее. И люди там такие, и король... А вот Опалосса в самом деле сильнее.

— В смысле, крупнее?

Он посмотрел на меня чуточку удивленно.

— Ну да, а как еще?.. В полтора раза крупнее. Если они заключат союз...

— Если собака и кошка заключают союз, — сказал я, — то он будет направлен против повара. Какие у них силы?

Он посмотрел с сомнением, на лице отчетливо видна борьба. К нам начали прислушиваться, а некоторые придворные, вроде невзначай и ох как занятые разговором, стали приближаться, я видел, как их уши удлиняются вдвое, а у самых продвинутых вчетверо.

Мяффнер поморщился, ухватил меня за локоть и почти силой отвел в сторону от лестницы.

— Простите, глёрд канцлер, — сказал я вежливо, — мне нужно в библиотеку. Королевскую! Хотя, догадываюсь, других в стране вообще-то и нет.

Он сказал рассерженно:

— Вам кажется, что я что-то скрываю?

— Простите мою неучтивость...

Он отмахнулся.

— По молодости всегда всех подозревают. Я могу сразу же перечислить вам все их войска и даже отдельные отряды, кто чем командует... но есть и такие тайны, о которых мы только слышали... но не больше.

— Какие? — спросил я. — Обожаю тайны. Чужие, конечно.

Он посмотрел несколько беспомощно.

— Чародеи. Колдуны. Маги.

Я сказал с чувством:

— На месте королей я бы их всех истребил. Во всех королевствах. Все мы боремся за понятный и предсказуемый мир, а с ними то и дело хаос... Но дракон точно указывает на их мерзкий союз? Может быть, у Опалоссы свои планы?

— Какие? — ответил он безнадежным тоном. — Вторгнуться самим?.. Но Уламрия путь перегораживает полностью.

— Наблюдение с дракона, — напомнил я, — еще не объявление войны. Дракон, как я понял, не нападаль-

ный. Он и свою жопу едва носит, куда уж перевозить войска... или горы камней.

Он посмотрел на меня пристально.

— Вы и это поняли?

— Законы воздухоплавания, — ответил я скромно, — если, конечно, дракон подчиняется физическим законам, а не какой-то черной магии, что идет явно от черной энергии...

Он кивнул.

— Кое в чем верно. Приказ о наблюдении с дракона могли отдать давно. Это не так просто, глерд Юджин! Драконы все-таки животные тяжелые, потому на долгие перелеты не способны.

— Да, — сказал я скромно, — я заметил.

— Чтобы мы могли увидеть над столицей, этого могучего зверя перегоняли сюда несколько недель. И вернется не в Опалоссу, как вы наверняка подумали...

— Подумал, — признался я.

— Где-то поблизости, — пояснил он, — у него временное убежище. А уже оттуда могут забрать... и скажу честно, хороший конь пройдет за сутки сотню миль, а дракон не больше чем сто пятьдесят, потом ему нужен отдых.

— Не впечатляет, — согласился я.

— Но жрет много, — сказал он, — ухода требует особого... В общем, человек на драконе расположил его где-то в лесу сравнительно недалеко от города.

Я сказал быстро:

— Искать животное не пойду.

— Я просто информирую вас, — сказал он поспешно. — Вы, как Улучшатель, должны знать как можно больше, вдруг где-то что-то улучшите на пользу ее величеству и королевству?

Я прервал:

— Спасибо, глёрд канцлер. Поспешу в библиотеку, пока королева не передумала. Я тоже стараюсь узнать как можно больше для пользы ее величества, хотя и говорят, что во многих знаниях много горя.

— Успеха, — сказал он кисло, — надеюсь, отыщите что-то для защиты королевства.

«Щас, — подумал я, но улыбнулся и вежливо поклонился, — Только и мечтал спасти эти ваши Нижние Долины».

Глава 2

Итак, в королевской библиотеке множество старинных манускриптов, где есть шанс отыскать нечто о Зеркале Древних Королей, но не той кустарной поделке, которой пользуюсь сейчас, да и то тайком, будто ворую, а еще она жрет энергию, как электрическая свинья размером с гору, но открывает портал только в одно место.

Вот бы нащупать следы того, настоящего, элегантного, что в любой момент в любое место по щелчку пальцев...

Мимо плывет, словно пава, министерски важный и сановитый слуга, я грубо ухватил его за плечо, с ними нужно без церемоний, иначе не приучить кланяться.

— Эй, морда!.. Как пройти в библиотеку?

Он замер, глядя выпученными глазами, как-то даже ошалел от такого простого вопроса.

— Библиотеку?... Библи... отеку?

— В чем дело? — потребовал я. — Сейчас что, полночь, а я тебя встретил в темном переулке?

Он проямлил:

— Библио... тека... она там...

— Где?

— Дальше, — проговорил он. — Это старшие знают, я туда не допущен пока ввиду малости звания и веса.

— Ладно, — сказал я, — живи пока. В другой раз сразу в жабу...

Оглядевшись, я увидел еще одного, тот постарше и еще солиднее, но молодится так, что почти в детских штанишках, я рыкнул и поманил его пальцем.

— Парнишка, — сказал я властно, — где библиотека?

— Библио... библиотека?

— Я что, — спросил я, — заикаюсь?

Он торопливо повернулся влево, вытянул руки.

— Ее величество, когда однажды изволила посетить, шла вон в ту сторону... но слуги с нею не ходят!

— Гм, — сказал я, — ладно, живи. Какие вы все здесь неначитанные.

Он поклонился и удалился как можно поспешнее, но не теряя достоинства слуги первого ранга.

Потоптавшись на месте, я наконец увидел вдали начальника охраны дворца, идет в мою сторону, сердито выговаривая Терминусу, своему помощнику.

Терминус кивает, тяжело вздыхает и так виновато разводит руками, словно вот-вот кого-то схватит.

— Руперт! — заорал я. — Глерд Картер!.. На ловца и зверь... Хотя я не ловец, но вы еще тот зверюга. Смотрю, и страшно становится. Но все равно вы кстати. Я тут малость одурел, пытаюсь объяснить простые и непонятные вещи.

Он посмотрел на меня исподлобья и с некоторой опаской.

— Глерд?

— Вы меня поймете, — объяснил я, — вижу по вашему лицу, полному интеллектуальной мощи. Решил зайти в библиотеку, представляете? Восхотелось почитать

что-то легкое, знаете ли... Диваны же у вас есть? Нет, я не имею вашу квартиру в виду, не бойтесь, это я вообще. Есть диваны, должны быть и книги. Жорж Санд читала только на диванах. Но, странное дело, никто даже не знает, где она есть, эта самая библиотека!

Он посмотрел на меня пытливо.

— Глерд, вы шутите?

— Неужто похоже? — изумился я. — Когда шучу, то ржать начинаю первым, чтобы все понимали всю глубину моего остроумия. А что, здесь все неграмотные?

Он покачал головой.

— Глерд... Библиотека не столько библиотека, как семейный архив королевской династии. Понимаете?

— А-а-а, — сказал я, — династические тайны, кто-то кого убил, кто кого зарезал, а кто еще и ограбил труп, надругавшись над ним самым непристойным...

— Глерд, — прервал он строго, — не забывайте, мы говорим о королевских особах.

— Да-да, — ответил я. — Согласен со всем, глерд Руперт, со всем, что вы скажете. Вы мне нравитесь, потому и согласен. А что насчет королевской библиотеки...

Он взглянул на Терминуса, тот кивнул и быстро, уже с явным облегчением, заспешил к выходу из зала.

— Начало королевской библиотеке, — сказал Картер приглушенным голосом, — положил прапрадед королевы Орландии. Дела королевства шли как никогда хорошо, а он оказался любителем старинных рукописей и манускриптов. Сперва собрал по королевству все, что мог скупить, а потом принялся и за соседей... Его люди рыскали по королевствам и покупали редкие книги у таких же собирателей редкостей, но которые победнее, вызнавали, где и у кого хранятся рукописи умерших

гениев прошлых времен, что-то покупали, а что и выкрадывали...

— Настоящий король, — сказал я, — гуманист! А мог бы и бритвой по горлу...

Он вздохнул.

— К сожалению, доступ в королевскую библиотеку закрыт. Даже для самых доверенных.

— Почему?

Он появился, ответил тихонько и поглядывая по сторонам:

— С родословной в династии не все гладко, так поговаривают. Сохранились легенды... или просто слухи, что основатель династии в прошлом заурядный разбойник, что, понятно, оскорбляет всю родословную... а есть нечто и похуже...

— Ну-ну? — сказал я заинтересованно.

— Говорят, сохранились бумаги, в которых задокументировано, что одна из королев слишком уж развлекалась со своими слугами, и настоящая династия Орнидов давно пресеклась...

— Гм, — сказал я, — а просто изъять эту запись и хранить в королевском кабинете?

Он вздохнул.

— Вы не видели, сколько в библиотеке всего-всего... Там наткнуться можно только случайно.

Я сказал торжественно:

— Глерд Картер, у меня есть позволение ее величества... даже соизволение... посещать библиотеку, читать и даже копировать нужные данные.

Он дернулся.

— Вы... шутите?

— Проверьте, — сказал я с готовностью.

Он появился, сказал с осторожностью:

— Простите, глерд, но я в самом деле вынужден...

Он взмахнул рукой, от стены отделился один из гвардейцев, выслушал Картера и бегом помчался по лестнице вверх.

Я посмотрел ему вслед, минувя взглядом Картера. Как истинный фанат футбола, я вообще-то презираю копание в своей так называемой душе. Недостойное демократа занятие, мы знаем, что никакой души у человека нет, это религиозный предрассудок и мракобесие, но сейчас вдруг с чего-то вдруг подумал: а чего это я здесь и на хрен мне эта библиотека?

Я что, в самом деле буду пытаться что-то сделать для этого жалкого королевства? Меня же вдернул сюда сумасшедший Рундельштотт, я с первой же минуты пытался найти способ вырваться из этого кошмара... и что сейчас? Чего я здесь, когда стоит только выйти из здания, а на том конце двора башня Рундельштотта с работающим порталом в мой мир!

Сам чародей отдыхает в своей комнате, а я сейчас войду в его лабораторию, а оттуда шагну в Зеркало Древних. И все, забуду этот кошмарный мир...

Неужели начал кому-то здесь сочувствовать, если не сочувствовал ни жертвам цунами на Таиланде, где погибли десять тысяч человек, кому это нужны эти тайландцы, если они так далеко, ни жертвам жестокой резни в Севилье, это тоже далеко и не наше...

— Да ладно, — пробормотал я мысленно, — успокойся, ты не заболел никаким благородством. Все проще, скажи себе честно: я — тварь хитрая, хочу еще что-нить поцупить для дома, для семьи, которой еще нет, но вдруг да будет?

Сразу стало легче, я ощутил себя хитрым, изворотливым и хапающим все, что могу хапнуть, как и положено либералу и демократу, красиво и многословно разглагольствующему о базовых ценностях культурного человека.

Картер буркнул:

— Глерд, что с вами?

— А что? — удивился я. — Неужели я как бы волнуясь?

— У вас лицо, — сказал он, — то как грозовая туча, то как будто свет изнутри, и тут же снова вот-вот грянет гром... Для чародеев это опасно. Держите себя в руках.

— Я не чародей, — заверил я.

— Улучшатель выше чародея, — напомнил он и встрепенулся, выпрямился. — Ее величество!

Я развернулся к лестнице и поклонился раньше, чем сообразил, что я делаю.

Королева опускается по лестнице замедленно, величественная и надменная, темное платье с золотым шитьем волочится по ступенькам, а рядом с королевой идет принцесса Андрианна, вся светлая и чистенькая, даже платье того солнечного цвета, какой видишь только у новорожденных цыплят.

Она улыбнулась мне светло и застенчиво, а Орландия издали вперила холодный и немигающий, как у рептилии, взгляд, вся неподвижная настолько, что даже не понимаю, как спускается по ступенькам.

На груди изящная жемчужная цепь, но в центре крупный рубин или что-то подобное, такое же злое, сразу напоминающее о проливаемой крови.

Я подумал, что, заявив насчет посольства к королю Антриасу, она вовсе не имела в виду, что отправлюсь один, таких посольств не бывает вовсе. Посольство — это большая группа специально подготовленных людей, имеющих опыт общения при королевских дворах. На вершине пирамиды сам посол, он возглавляет команду, а в самом низу всякие мелкие помощники.

Можно не переспрашивать, мне уготована роль самого мелкого, а то и мельчайшего. Кстати, меня вполне

устраивает, это понимает и королева. Бывает так, что именно на плечи самых неприметных и ложится основная ноша, а глава посольства играет чисто декоративную функцию, на которую обращено все внимание, что очень кстати для неприметных.

Наверняка королева уже спешно комплектует состав посольства и, конечно, с горечью видит, что послать особенно и некого. Кадровый голод был всегда и у всех. И приходится довольствоваться тем, что есть, а не тем, что возжелалось...

Она остановилась, взглянула на меня в упор почти с ненавистью.

— Мне сообщили, глерд, что вы в такое опасное для королевства время хотите поотдыхать, читая королевские хроники?

— Во славу отечества, — пояснил я и, наткнувшись на ее непонимающий взгляд, пояснил: — В вашу славу, ваше величество, ибо вы и есть наше отечество... или хотя бы его символ. Или и как отечество вполне даже. Я, как знаток, в диком восторге.

Она поморщилась.

— Следуйте за мной.

— В пыточную? — спросил я деловито. — Веревку свою брать или казенную дадут?

— В библиотеку, — отрезала она и, повернувшись к сопровождающим, сказала холодно: — Все свободны.

Принцесса снова улыбнулась мне с сочувствием, следовать за королевой — опасно и страшно, я ответил ей понимающим взглядом, но королева моментально перехватила и нахмурилась еще больше.

Я на всякий случай слегка наклонил голову и опустил взгляд, это как бы признание доминантности того, перед кем стоишь, королева прошла мимо так близко, что на меня пахнуло холодом, как от всей Антарктиды.

Я послушно двинулся следом. Даже фрейлины остались на лестнице, а королева неспешно прошествовала через малый зал, потом еще и еще, слуги почтительно распахивают перед нею двери, а я двигался следом, словно заносающий ее подол на поворотах.

Наконец очередной слуга распахнул перед нами тяжелую массивную дверь. Навстречу пахнуло незнакомо-знакомым запахом. Я приняхался, на аромат книг не похоже, у моих родителей была огромная библиотека, досталась от деда, до сих пор помню, как чихал и кашлял.

Королева величественно ступила первой, слуга придержал для меня дверь, тем самым признавая мой статус. Хотя я не столь знатен, как всякие тут высококородные, но иду с самой королевой, она допускает в королевскую библиотеку именно меня, а это значит, на какое-то время я выше всех, кому допуск сюда закрыт.

Стены из настолько массивных глыб, что их точно не люди складывали, хотя, конечно, египтяне вообще нечто ужасное возводили, чтобы враги смотрели и ужасались.

— А здесь мило, — сказал я.

Голос прозвучал неестественно громко, словно эхо еще и усиливает звуки.

Королева проронила на ходу, не поворачивая головы:

— Вы о чем, глерд?

— Романтика подземелий, — сказал я с чувством. — Что нас манит в них?.. Но все же что-то манит и влечет. А такая волнительность в душе, что как бы вообще... А вы, ваше величество? У вас должна быть одухотворенная душа, вы же королева!

Она не удостоила меня ответом, слуга некоторое время нес древко факела, а когда сумерки сгустились, пе-

ревернул его дважды, и верхушка беззвучно вспыхнула ярким пламенем.

Я постарался не выказывать изумления, этот факел явно горит без всякой копоти, заметно, да и сам способ зажигания надо будет запомнить, вдруг да получится.

Королева двигалась вперед уверенно, мы шли сзади и старались не наступать ей на волочащийся по ступенькам подол, хотя меня почему-то подмывало вроде бы невзначай прижать подошвой сапога. Нет, платье не сдернется с королевы, просто иногда желания возникают не от ума, а у меня такие возникают почему-то чаще, чем у человека нормального.

Лестница привела в обширный зал с низким полотком и массивными колоннами, удерживающими земную твердь. Я окинул взглядом столы с манускриптами, толстые кипы рукописных и несшитых листов, тут только сообразил, почему нет запаха книг.

На самом деле под запахом книг я понимал запах мельчайшей древесной пыли, а эти фолианты то ли из пергамента, то еще из чего-то, но точно не из привычной мне бумаги, так как даже саму бумагу раньше делали из шелка, тряпок и прочего уже забытого материала.

— Это она и есть, — произнесла королева, в ее голосе я уловил некий оттенок грусти.

— Весьма, — заявил я. — Недурственно. Художественный беспорядок, мне нравится. Я и сам эстет временами. Спонтанно, так сказать, если к селу, но не к городу.

Она сказала со вздохом:

— За сотни лет так и не удалось разобрать, упорядочить, распределить в каком-то порядке.

— По важности, — спросил я, — или по нужности?

Она окинула меня надменным взглядом.

— Глерд...

— Ваше величество?

— А как по-вашему, это не одно и то же?

— Ваше величество, — воскликнул я. — Вы же сами знаете, в вашем правительстве... я имею в виду ваших советников, есть люди важные, а есть нужные.

Она поморщилась.

— Я говорю о книгах.

— Книги тоже, — ответил я со вздохом, — делятся на важные, нужные и красивые. Я вообще-то предпочитаю нужные. А вы?

Глава 3

Из-за стеллажей медленно выбрел, с кряхтением разгибая спину, косматый и толстый гном, хотя, конечно, не гном, гномов не бывает, а низкорослый и толстый старик с лохматой бородой.

— Ваше величество! — проскрипел он.

Не удостоив меня ответом, она обратила царственный взор на сгорбленного гнома..

— Фернандель, покажите этому глерду здесь все, что этого... глерда заинтересует.

Гном поклонился, спросил со значением:

— Ваше величество...

— Да?

— Все, — уточнил он, — это все?

Она наклонила голову.

— Да. Глерд Юджин волен читать все, что изволит. Чтение не наказуемо. Наказуемо не чтение, а если он вынесет из чтения могущее повредить королевству.

Он наклонил голову, а я поинтересовался смиренно:

— А если вынесет то, что может повредить королевству, но не применит во вред?

Она ответила холодно:

— Я все сказала.

Мы оба поклонились, все — это как бы все, а она повернулась и пошла обратно.

Я проводил ее взглядом, а когда двери за ее королевским величеством захлопнулись, словно отрезали от нас вселенную, повернулся к Фернанделю.

— Ну, любезный, королевское повеление нужно исполнять. Вы мне показываете, что тут и как, а я усердно читаю. Или смотрю картинки, если интересные.

Он ответил недружелюбно:

— В рукописях нет картинок.

— Чего-чего? — спросил я в неимоверном огорчении. — Тогда с чего это меня сюда принесло? С картинками всегда интереснее.

Он спросил сухо:

— Вы что именно хотели?

Я пожал плечами.

— Королевство в опасности, потому нужно какое-то мощное оружие. Или то, что может быть оружием. При модернизации.

Он проворчал:

— Королевство всегда в опасности. Любое. Постоянно. И всегда все ищут оружие.

— Только люди и муравьи воюют друг с другом, — сообщил я. — Потому и совершенствуются. Воевали бы друг с другом кабаны или волки — они бы стали венцом творения и царями природы! Потому что за царский венец приходится платить кровью. А для этого нужно оружие все более мощное... Так как?

Он посмотрел на меня искоса.

— Я ничего не знаю про оружие Древних.

— А полудревних? — спросил я. — Мне вообще-то все сойдет. Я скромный и непереборчивый. Лишь бы много и побольше.

Он буркнул:

— Я могу показать, где у нас самые старые рукописи, свитки, отдельные листы из древних книг, неведомо как уцелевшие... Но читайте сами, у меня совсем другие заботы.

— Намного более важные? — спросил я.

Он ответил высокомерно:

— Разумеется! Я составляю полную генеалогию родословного древа династии Орнидов. Со всеми боковыми ветвями.

— Ого, — сказал я потрясенным голосом. — Да-а, ради этого стоит жить!.. Ладно, не буду мешать.

Он сказал высокопарно:

— Это самое умное решение в вашей жизни.

— Хорошо-хорошо, — сказал я. — Вот на том столе, говорите?

Он кивнул.

— Да. И на полках вдоль той стены.

Я скользнул взглядом по стене, полки с манускриптами закрывают ее всю от пола и до потолка, а тянется эта стена о-го-го.

Когда я под взглядом Фернанделя сел и открыл первый манускрипт, он вскрикнул шокировано:

— Как вы можете?.. Это грубо!.. Нужно открывать специальной дощечкой... Вот она. Пользуйтесь только ею!

— Может быть, — поинтересовался я, — вы мне и перелистывать будете? Чтоб свои драгоценные слюни не тратить? Ваши наверняка дешевле.

Он фыркнул и ушел с таким оскорбленным видом, словно я предложил что-то совсем уж непристойное.

Я еще только посмотрел на все эти тысячи томов и уже ощутил тоскливое бессилие, смешанное с дурнотой. Искать неизвестно где и непонятно что, и если знатоками как-то умно объяснено, как именно древние греки вычислили размер Земли, расстояние до Луны и до Солнца, их массу, то совсем непонятно, как Демокрит сумел сделать открытие, что все в мире состоит из атомов, а именно в этом и есть фокус древних. Возможно, они чувствительнее, у них озарения происходили чаще.

Да, некое озарение, согласен. Кто-то сумел использовать мощь Солнца для создания порталов в пространстве, мало кто вообще-то знает, что все мы существуем только благодаря Солнцу, оно превращает неживую материю в живую с помощью фотосинтеза, а уж мы жрем эти листья, а также друг друга, не замечая, что находимся в атмосфере Солнца...

Найти бы записи этого умника, я же не простой древнегрек, у меня широкие познания, хотя никто из моих знакомых это не назвал бы познаниями, но я чувствую, что с моим багажом я бы понял, как он это сделал.

А что сделал древнегрек, могу и я.

Фернандель то и дело проходит мимо полок, смотрит вроде бы на книги, но вижу, с каким жгучим нетерпением косит в мою сторону. Наконец не выдержал, подошел как бы невзначай, с подозрением заглянул в манускрипт, разложенный у меня на столе.

— А что именно ищите? — спросил он. — Как создавали оружие... или где спрятано?

— Все ищу, — пояснил я.

— Все, — ответил он с легким презрением, — это слишком много. Всего не найти никогда.

— Любые зацепки ищу, — пояснил я, — чтобы помочь родному отечеству в лице нашей обожаемой королевы. Пока хрень какая-то...

Он дернулся.

— Глерд, что вы говорите?

— А кому нужны, — спросил я, — записи, за сколько покупали рыбу на базаре три тысячи лет тому?.. Тоже мне, хроники...

— Здесь все, — сказал он нравоучительно. — Так было заведено. Каждый шаг королей важен. От этого зависело, каким быть королевству.

— Долой самодержавие, — пробормотал я. — Это я так, была такая форма правления. Самодержавное самодержавие.

— В библиотеке масса всего, — сказал он нравоучительно. — В древние времена случались вещи, непостижимые не только нам, простым людям, но даже высшим магам.

— Нынешним?

— Ну да, — сказал он. — И сама магия была иной.

— Правда? Как это?

Он ответил нехотя:

— Может быть, не сама магия, а люди. А магия делает то, что люди жаждут и к чему стремятся. Желания же в разные времена бывают разными.

— Золотые слова, — согласился я. — А вон там дверь, как я понял, в подвал?

Он ответил с огромной неохотой:

— Там самые древние записи. Но с ними нужно обращаться крайне осторожно.

— Закрыты заклятиями? — спросил я. — Прочтешь — и сразу копыта в сторону?

Он поморщился.

— Нет, но рукописи очень хрупкие.

— Идем туда, — сказал я решительно. — Ее величество изволили велеть! Кто мы, чтобы роптать?

Он вздохнул, явно жалея, что не прикрыл от моего взгляда дверь какими-нибудь ящиками.

— Хорошо, я открою. Только там неуютно...

— Стерплю, — заверил я. — Знания — сила! В погоне за знаниями можно все стерпеть. Даже подвалы.

Он буркнул с заметной неприязнью:

— Подвалы вообще-то самое надежное место. Подвалы и пещеры. Время над ними не властвует, это наверху все сносит. Быстро — человеческими руками, ветрами и дождями — медленнее, но все равно все ровняет с землей. А здесь тысячи тысяч лет неизменно...

Я кивнул.

— Даже перепады температуры исключены. Я слышал про термопреферендумы, хотя и не понял, что это такое. Хорошо, открывайте.

Он с натугой потянул на себя дверь, я помогать не стал на тот случай, чтобы остаться чистеньким, я сюда не ломился, меня впустили, так и скажу королеве. Если, конечно, спросит, а она может.

Широкая каменная лестница уходит вниз, по обе стороны сами собой вспыхнули факелы. Я сделал вид, что не обратил внимания, это для народа магия вредна, но королям все можно, заразы.

— В глубинах, — сказал он почти равнодушно, — огромные пещеры, которые даже пещерами язык назвать не поворачивается.

— Исследованы?

Он пожал плечами.

— Кому они нужны? Раньше там жили гномы, хотя поговаривают, что и сейчас живут.

— Вымерли?

— Или ушли глубже, — ответил он. — В старину там были настоящие города. Туда переселились те, кому не понравились три солнца.

Я насторожился.

— А что, их когда-то не было?

— Есть и такие легенды. Правда, многовато их. Некоторые говорят вообще про одно, как будто такое вообще возможно!.. Ладно, я вас пока оставляю. У меня работа...

Он ушел, а я уже с волнением ринулся заглядывать во все рукописи, пробегая взглядом по одной-двум строкам, чтобы определить, о чем речь вообще.

Как-то само собой воспринимается, что читаю с легкостью, хотя не латиница и не кириллица, вообще непонятно что, однако раз мы все люди, то какие-то общие принципы остались, так что здесь я не только понимаю всех, но и читаю, чему, наверное, способствует разлитая повсюду магия.

Мне кажется, она способствует не только этому, нужно только прислушиваться, потому прислушивался из всех сил и наконец ощутил, что к одним толстым свиткам тянет больше, к другим меньше.

На всякий случай тихохонько, боясь спугнуть легкое, как эфир, ощущение, открыл рукопись, от которой теплом не веяло, а потом ту, которая казалась как бы милее.

Первая оказалась регистром всех конюшен королевства, а во второй шли рассуждения неведомого мага, как обращаться с Духами Природы, то бишь элементами, и чем элементаль Огня опаснее элементаля Воды и почему элементали воздуха опаснее весной, чем летом.

Тоже хрень, но ближе к моим поискам. Прислушиваясь, я медленно, почти по сантиметру, продвигался вдоль полок и всматривался, посылая свой запрос.

Откликается совсем немного, но на этот раз я решил ничего не трогать, пока не обыщу все-все, и, вот уж я молодец и вообще гений, где-то ближе к концу полок ощутил странное тепло от одного из самых потрепанных манускриптов, самое интенсивное, хотя, если бы не вслушивался так, что из кожи лезу, не услышал бы в нормальном состоянии.

Ага, вот оно, рассуждение неведомого умника древности, что особо сильные чародеи умели брать магию прямо из Солнца. Звучит нелепо, если для человека этих времен, но я-то знаю, что мы не только чувствуем гравитацию Солнца и его магнитные бури, но и живем в его атмосфере.

Корона Солнца — самая внешняя и самая горячая его часть, распространяется от Солнца в виде солнечного ветра, что прет у Земли со скоростью пятьсот километров в секунду, а иногда и в тысячу, это и представить страшно.

Земля защищена мощным магнитным полем, а сам поток плазмы несется дальше и дальше, за Юпитер, Сатурн, и все это окружено гелиосферой.

Мы тысячи лет пользовались солнечной энергией, запасенной в деревьях, зерне, угле, нефти, газе, вот только сейчас начали использовать напрямую с помощью солнечных панелей, а древние наткнулись на какой-то подобный способ чисто случайно, овладели и успешно пользовались.

Я читал и читал, позабыв обо всем. Оказывается, для того чтобы суметь создавать те порталы, человеку прежде всего нужно почувствовать себя частью этого, как бы сказать точнее, сверхорганизма.

Древние мудрецы путаются в терминах и объяснениях, да и как объяснить в их время, что Солнце генерирует чудовищную энергию, но вся уходит бесполезно

в пространство, а на Землю попадает лишь стомиллиардная или стотриллионная часть, неважно, да и та пропадает зря.

Кто-то из древних мудрецов, свихнувшись от великого ума, представлял себе вообще всякие дикие вещи, он и вообразил себя частью чего-то огромного, и это огромное по его заказу создало портал. Он шагнул в него и оказался в другом королевстве.

К счастью, мудрец сумел поделиться своим открытием с другими, и еще двое таких же полоумных научились создавать порталы. Хотя, как гласит рукопись, удавалось даже им не сразу, а после долгих попыток.

Фернандель несколько раз заглянул в подвал, даже прошел мимо меня, такого начитанного, наконец не утерпел:

— Вам что-то еще нужно?

— Сгоняй за пончиками, — велел я.

Он набундючился.

— Что-что?

— Ну за пирожками, — уточнил я. — Или за гамбургером. Тут что, вообще не кормят?

— Нет, — отрезал он, — здесь не кормят. Здесь, если вы еще не поняли, библиотека, а не конюшня!

— В конюшне людей тоже не кормят, — сообщил я. — Уж и не знаю почему. А самому жрать овес, отнимая у коней...

Он сказал сухо:

— А вы попробуйте. Судя по вашему поведению, вы способны отнять у бедных коней даже сено.

— Ладно, — отетил я, — сдохну, но науку не брошу. Пусть вам будет стыдно. Науки юношей питают, отраду старым подают... Я уже так начитался, что совсем старый. Вон шея скрипит...

Он надменно задрал нос и удалился, а я продолжал лихорадочно думать, что я вот, как современный человек и понимающий настоящую картину мира, как раз могу вообразить себя частью Солнца и не свихнуться, так как все живое в самом деле его часть, от самых мелких амёб и до человека, все растения, даже камни, пронизаны его лучами, его энергией.

Мы живем в самой внешней части атмосферы Солнца и самой горячей, но не замечаем ее точно так же, как не замечаем плотного воздуха, всем нам по-детски кажется, что двигаемся в безвоздушном пространстве...

Эволюция идет от простейших все выше и выше, миром правят самые высшие, они преобразовывают вселенную, и преобразовывают не мышцами, то от простейших, а интеллектом.

Я пересмотрел остальные книги на тему Великой Магии Древних, от которых идет неведомое тепло, что не настоящее тепло, но все-таки тепло. То же о магии, но уже отвлеченные рассуждения и некие туманные общие принципы, словно кто-то просто нагоняет листаж для диссертаций.

Похоже, та гениальная догадка была единственной, что дала некий результат, а все остальное такое же знахарство, как и сейчас, и только иногда результат работы великих чародеев, которым повезло либо выжить при свете трех лун, либо наткнуться на подземные скопления магии.

Фернандель не появлялся долго, а когда наконец вошел в эту часть библиотеки, я ощутил по его виду, что он подкрепился вовсю, даже винцом пахнет мощно и призывно.

Я поднялся ему навстречу, поясница затрещала, хочется есть, во рту пересохло.

Он спросил с сытой солидностью:

— Что-то еще?

Я кое-как разогнулся, помахал руками, разгоняя застоявшуюся кровь. Раньше думал, что она может заставиться совсем в другом месте, но, оказывается, я тоже умный или хотя бы похож на умных своей страстью к чтению в неудобных позах.

— Нет, — ответил я. — Спасибо за помощь. Сколько я тут просидел?

— Остаток вчерашнего дня, — сообщил он, — всю ночь, а сейчас уже утро... нет, ближе к полудню.

— Что наука с нами делает, — пожаловался я. — Ладно, все здесь было очень даже интересно. Начитался на три жизни вперед. Жаль, что в нашей жизни все это как бы...

Он приятно улыбнулся.

— Неприменимо?

— Именно.

— Сожалею...

Но вздохнул он с облегчением. Мне кажется, все же опасался, что полезу в личные хроники династии Орнидов, а там наверняка много и любопытного, и пикантного. Всем простолюдинам и подлым людишкам страстно хочется знать подробности жизни великих людей, а еще больше — просто знаменитых, знаем, проходили.

— Рад был помочь, — ответил он. — Еще придете?

— Вряд ли, — сказал я. — Во всяком случае, не планирую в ближайшие сто лет. Я уже весь начитанный настолько, что мои дети останутся неграмотными.

Он довольно заулыбался.

— Всего хорошего!

Да уж, мелькнула опасливая мысль, хорошее тоже есть, но опасное. Суметь настолько ярко и полно во-

образить себя частью этого мира, чтобы воспользоваться сокрушающей мощью энергии Солнца?

Он провел меня до самого выхода из библиотеки, словно боялся, что передумаю и вернусь, а когда взялся за ручку двери, сказал с той гордостью, что паче гордыни:

— Жаль, вы не видели наше основное сокровище...

— А чё за? — спросил я.

Он ответил с напыщенностью:

— В дальнем схроне есть особая книга, что сама себя пишет. Заполняет страницу за страницей, творит летопись событий. Такого чуда нет нигде больше!

Я сказал с сомнением:

— Ну, не знаю... Кажется, я понимаю, почему она в самом дальнем углу засекреченного подвала.

— Почему?

— Мало ли что она пишет, — сказал я. — Писать может только человек! Излагая свою точку зрения. А эта книга чью излагает?.. А если вражескую?

— Эта книга принадлежала всегда династии Орнидов!

— Но мировоззрение менялось, — напомнил я. — То, что считалось раньше доблестью, может быть переоценено потомками. Все эти походы за зипунами...

Он отрезал с негодованием:

— Там истина!

— Но если нечеловеческая? — спросил я опасливо. — Я вообще-то не стал бы доверять такому летописцу... Хотя надо заглянуть, что он там пишет... Но не в этот раз. Будни всегда важнее праздников!

Он распахнул передо мной дверь.

— Успехов вам в боевых буднях.

— Спасибо, — ответил я.

Глава 4

Поднимаясь по лестнице в королевский зал, я напомнил себе, что я — Улучшатель, а не хвост собачий. Улучшатели здесь те, кто натыкался на то, что другие не замечают. Научного прогресса нет из-за магии, а всякое продвижение по лестнице цивилизации идет только из-за озарений, случайных открытий, потому здесь все так медленно.

Наверное, Демокрит тоже был Улучшателем, иначе в каком таком диком озарении понял, что он сам и весь мир состоит из атомов? Возможно, тоже чувствовал свое единство со вселенной, а то и мог пользоваться солнечной мощью.

Хотя земная атмосфера и задерживает большую часть излучения Солнца, но и оставшейся хватает, чтобы жить всему растительному миру, который только благодаря Солнцу, используя фотосинтез, создает органические соединения. Это благодаря фотосинтезу в прошлом были получены нефть и уголь, но человек может и будет пользоваться энергией Солнца без этих пока что примитивных посредников. Кто-то из древних сумел нащупать этот путь, мне ничего открывать не нужно, если удалось кому-то, получится и у меня...

В этом месте я ощутил некое странное чувство, словно во мне есть еще другой «я», и это его голос слышу, называя внутренним. Наверное, что-то съел не совсем такое, не узнаю себя, не узнаю вовсе. Могу же из этого жестокого мира слинять, запросто могу, но что меня держит, почему стараюсь сперва что-то сделать для этих людей, а слинять потом?

Или все-таки из-за жажды спереть какую-то особо важную технологию?

Когда я выбрался наверх в залы, один из гвардейцев, увидев меня, бросился навстречу.

— Глерд, вас разыскивает начальник охраны.

— Форнсайн?

Он покачал головой.

— Картер.

— Хорошо, — сказал я, — а Форнсайн куда делся?

Он коротко улыбнулся.

— Здесь, во дворце.

— Что-то на глаза не попадается, — пробормотал я.

Он коротко усмехнулся.

— Это и мы заметили.

— Ладно, — сказал я, — так еще замечательнее. Мне лучше не попадаться. Я дурной, могу и обидеть.

Он убежал, я остался рассматривать придворных, а они, встречаясь со мной взглядом, либо опускали головы, либо начинали смотреть в стороны. Похоже, о нашем победном возвращении Рундельштотта узнал не только Форнсайн.

Картер, высокий и суровый, с худым костистым лицом, в кирасе и доспехах, привел Мяффнера, коротенького и толстенького, пухло-розового. Одежда глерд-канцлера то ли в кружевах, то ли такая мода, но выглядит, словно все еще завернут в одеяло, однако оба при всей несхожести показались мне как близнецы и братья с одинаково встревоженным выражением.

— Глерд, — обратился Мяффнер с упреком, — как вы можете!

— Могу, — заверил я осторожно, но спросил на всякий случай: — Что я еще натворил? Надеюсь, пока что не государственную измену локального масштаба?

— Пока нет, — сообщил он, — а что, уже задумали?

Картер подобрался и посмотрел на меня, как волк на ягненка.

— Локальные, — ответил я гордо, — не мой масштаб. Я человек с размахом.

— Тогда пойдемте, — сказал он.

— Ищем место для размаха?

Он повернулся к Картеру.

— Глерд Руперт, благодарю, что сумели отыскать этого... Улучшателя.

— Я его сумею даже поймать, — сказал Картер. — Хотя ловить как раз бы не хотелось.

— Да, — согласился Мяффнер, — я сам заметил, что скользкий больно.

Он взял меня под руку и повел через зал к лестнице, что ведет на верхние этажи дворца.

— Ее величество, — сообщил он, — сейчас собрали у себя членов посольства.

— На инструктаж?

— Вам надлежит быть тоже, — сказал он, не обращая внимания на мой недостаточно корректный вопрос. — Вы включены в состав.

— Счастлив, — сказал я. — Как же, буду представлять королеву! Да я с ума сойду.

Он поморщился.

— Ее величество будет представлять глерд Финнеган. Так что останетесь при своем разуме.

— А что буду я?

— А вы так, для мелких услуг.

— А-а-а, — сказал я, — принести, подать, свечку подержать?..

— Если вам доверят, — сообщил он.

— Буду стараться, — заверил я. — Особенно со свечкой.

Мы прошли через зал, где у стен на двух треногах слуги расставляют нечто занавешенное длинными полотнищами.

Я засмотрелся, Мяффнер сказал отрывисто:

— Не отвлекайтесь. Это всего лишь новые зеркала.

— А почему...

— Чтобы никто не проник, — ответил он сухо. —

Есть слухи, что через зеркала можно пробраться даже в закрытые помещения. Потому они должны быть занавешены.

— Но у вас не, — сказал я осторожно. — Я имею в виду, все те, которые я во дворце видел...

Он отмахнулся с аристократической небрежностью.

— На каждом мощное заклятие. Сам Строуд, он знаток, накладывал... Потому те зеркала всего лишь зеркала, и ничего больше. А вам, кстати, раз уж не знаете нужных заклятий, нужно предохраняться как-то проще.

— Надо, — согласился я.

— Но вы всегда рискуете, — сказал он с неодобрением. — Я видел вас с фрейлиной королевы Кареллой Задумчивой. Вы разве не знаете, что она владеет кое-какими тайными знаниями? С нею даже рядом уже опасно. Вы как-то предохранялись?

— Да, — ответил я. — По самой древней и надежной методике. На морду ей штаны набрасывал.

Он вздохнул.

— Да, это помогает, но с женщиной предохраняться нужно иначе.

— Как? — спросил я. — А то мы в наших медвежьих углах все по старинке, по старинке...

Он вздохнул.

— Все шутите, глерд?.. Вот мы и пришли.

Гвардейцы у королевского кабинета не сдвинулись с мест, но слуги распахнули перед нами двери проворно и почтительно.

«Сколько же у королевы кабинетов, — мелькнуло у меня. — Вроде бы я здесь еще не был...»

В комнате Финнеган, Баффи и Эллиан, все у стены, беседуют вполголоса, хотя посреди кабинета стол и дюжина удобных стульев с подлокотниками, но вроде бы страшатся почему-то подойти, потому делают вид, что не очень-то и хотели.

— Мое почтение, — сказал я.

Мяффнер поморщился, сказал сухо:

— Глерды, этот человек тоже приглашен к совещанию.

Все трое воззрились на меня, как на пса, что самозабвенно рылся на помойке, а потом счастливый такой вбежал в этот зал, пачкая ковры грязными лапами, и даже готов броситься на шею.

Финнеган посмотрел на меня, потом на Мяффнера.

— Полагаете... оно должно слушать, о чем здесь будет изложено и даже сказано?

Мяффнер развел руками:

— Дорогой глерд, что полагаю я и что полагаете вы, не так важно в сравнении с тем, что полагает ее величество?

Финнеган вздохнул и умолк, даже с укором посмотреть не решился, а Эллиан сказал примирительно:

— Если глерд Юджин запланирован тоже быть в посольстве, то ее величество знает, что нам нужен будет человек, смотрящий за конями, собирающий хворост для костра, если вдруг заночуем в лесу.

Я посмотрел на Эллиана в упор.

— Глерд Эллиан, да что конь, я могу посмотреть и за вами.

Он чуточку смешался.

— За мной необходимости нет.

— Есть, — ответил я. — Потому я посмотрю.

— Не стоит, — произнес он уже нервно.

— Я все-таки посмотрю, — сказал я. — Я посмотрю, глерд Эллиан.

Мяффнер заговорил суетливо:

— Глерд Юджин!.. Благородный глерд Эллиан не нуждается в опеке, как он сам сказал.

— А если он не знает, — возразил я, — что нуждается? А я люблю делать людям добро... как я это понимаю. И я ему сделаю.

Эллиан чуточку побледнел и повернул голову, чтобы меня и не видеть вовсе. Я не стал дожимать, Финнеган и Баффи поглядывают обеспокоенно, уже поняли, что на мне где сядешь, там и слезешь, это в лучшем случае, а вообще-то есть и плохой вариант, когда всадников норовистые кони иногда сбрасывают да еще и лягают, за что их зовут лягушками.

Мяффнер сказал быстро:

— Внимание всем! Пока ее величество не прибыло, давайте определимся. Как мне кажется, вам всем надлежит остерегаться лордов Денза Краммона и Лореса Самринера. Первый проводит политику королевства Опалоссы, регент Ригильт опасается за свою власть и всячески натравливает короля Антриаса на Нижние Долины. Мне кажется, он недопонимает, что Антриас потом станет сильнее и посмотрит на Опалоссу другими глазами...

— Ригильт просто выигрывает время, — сказал Финнеган. — Есть сведения, что он спешно возводит новые крепости на границе с Уламрией и укрепляет старые.

Глерд Баффи спросил у глерда Эллиана:

— А что лорд Самринер?

Эллиан поморщился.

— Жаждет подвигов и воинской славы едва ли не больше, чем сам король Антриас.

— А Нижние Долины, — сказал Баффи, — самая лакомая добыча.

— Богатое королевство, — сообщил Мяффнер, — у всех вызывает зависть и желание пограбить.

Глава 5

Двери распахнулись, королева вошла без громогласных криков церемониймейстера «Ее величество королева!», все-таки к себе, а не на общее обозрение.

Все чинно склонили головы, а она прошла к столу, сказала сухо:

— Садитесь. Глерд Мяффнер?

Мяффнер сказал торопливо:

— Все, кого вы назвали, здесь. Я уже обрисовал собравшимся в общих чертах, что предстоит. И даже некоторые моменты успели, да.

Я сел, как и все, глерды держатся с достоинством, они хоть и не королевы, но высшие из высших, ведут себя прилично, воспитанные или запуганные, что вообще-то все равно для государства полезно.

Королева произнесла четким голосом:

— Главой посольства назначаю глерда Финнегана. Его помощниками и заместителями, буде он окажется недоступен, глердов Эллиана и Баффи. В посольстве будет также глерд Юджин...

Они косились в замешательстве, наконец Финнеган поинтересовался почтительнейшим тоном:

— Ваше величество... а могу я поинтересоваться, какова роль глерда Юджина... и какие функции на него возложены?

Королева коротко взглянула на меня, я стою смиренный, как пингвин на утесе, помедлила чуть с ответом.

— Глерд Юджин... самый молодой член посольства... он будет учиться и набираться опыта. Потому у него особых функций просто еще нет. Посмотрим, что он сумеет. А пока его роль будет самая неприметная и малозначительная.

Финнеган с самым удовлетворенным видом наклонил голову.

— Ваше величество, ваша мудрость может соревноваться только с вашей... проницательностью.

Судя по заминке, хотел сказать «с вашей красотой», как все мы врем в подобных случаях, но не решился, хотя королева и красива, но как-то слишком зловеще, даже страшновато, а зайцы вряд ли решатся делать комплименты львице, даже сытой.

— Тогда уточним детали, — сказала она. — Вы должны узнать, каковы настоящие планы короля Антриаса.

— Ваше величество? — спросил Финнеган.

Она сказала чуть резче:

— Планирует ли вторжение в Нижние Долины или это провокация. Это самое главное. Все остальные сведения, которые добудете, уступают по важности этой. Так что сконцентрируйтесь...

— А зачем это ему? — пробормотал Эллиан. — Я имею в виду провокации? Он воинственный король, делает то, что говорит.

— Короли делают то, — ответила она, — что нужно королевству, а говорить можно разное. Нужно оценить риски вторжения, для этого вы и отправитесь.

Финнеган заверил:

— Мы все сделаем, ваше величество!

Я ощутил, что королева сейчас закончит инструктаж, поднялся и после поклона произнес смиренно:

— Ваше величество, в составе посольства наверняка будут слуги, конюхи? Наверняка наш мудрый глава посольства глерд Финнеган даже личного повара возьмет.

Она сказала с неудовольствием:

— Глерд, учитесь выражать мысли короче.

— Это я от волнительности, — заверил я. — Ваше величие у меня просто дух вышибает! Все, что хотел ска-

зять, забываю, а что было не со мной, помню... В общем, я хочу взять в собой в любом качестве, что позволяет штатное расписание, доблестного глерда Фицроя.

Она приподняла одну бровь.

— Это с которым ездили выручать Рундельштотта? Да, конечно. Он в вашем распоряжении.

Поморщились не только Финнеган, но даже Эллиан и Баффи, предпочли бы, чтобы слугой на побегушках у них был я, а тут получается, что у меня самого будет слуга. А раз так, то меня как бы не пошлешь поить коней.

— Благодарю вас, ваше величество, — сказал я с чувством. — Вы... э-э... великая королева. Хоть режьте меня, но вот прямо в глаза вам так и скажу всю правду-матку, ваше величество: вы — великая королева!

Она ответила холодно:

— Все свободны.

Финнеган с Эллианом и Баффи вышли, надменные и величавые, я держался за ними, как серая мышка, но приотстаивал из почтительности все больше, а когда они начали спускаться по лестнице, вернулся к двери королевского кабинета и сказал старшему слуге:

— Доложи королеве, что у меня неотложное дело.

Он, не меняя выражения лица и не делая лишних движений, чуть приоткрыл дверь и буквально просочился вовнутрь, как струйка дыма.

Я терпеливо ждал, наконец он вышел и сделал почтительный жест ладонью в сторону кабинета.

— Королева готова принять вас.

Двери он распахнул, правда, одну половинку, но все же распахнул, этакая полупочтительность, но лучше полупочтительность, чем полунепочтительность.

Я быстро вошел в кабинет, поклонился коротко и сказал отрывисто:

— Ваше величество, вы очень заняты, потому не оторву вас от дел. А если и оторву, то ненадолго. Вы поступили мудро, что не стали вызывать лорда Кельвина — так зовут полномочного представителя Уламрии при вашем дворе?.. — и обвинять во вмешательстве короля Антриаса в наши... простите, ваши дела. Посланник ответил бы, что король ничего не знает о похищении Рундельштотта, однако теперь я настоятельно рекомендую написать письмо.

Она сказала холодно:

— Королю Антриасу?

— Как король королю, — ответил я. — Простите, королева, хотя в делах государства властители должны быть бесполоыми. Как королевская особь королевской особи.

— И что я ему напишу? — сказала она резко. — У нас нет доказательств!

— И не надо, — ответил я.

— Что-о?

— Вы всего лишь, — пояснил я, — попросите строго наказать мерзавцев, посмевших похитить вашего любимого лекаря. Не указывая пальцем на короля. Дескать, он вне подозрений, потому и обращаетесь с такой естественной просьбой... Как к кузену. Кузен к кузену. Э-э-э, кузина к кузину. Тьфу, кузина к кузену!

Она откинулась на спинку трона, лицо хмурое, в глазах недовольство.

— А что он должен сделать?

— Не знаю, — ответил я откровенно, — но вы же, короли, как бы одна семья, даже обращаетесь друг к другу «кузен», «кузина». Повязаны! Одна... простите, команда. Мафия. Коза ностра. Общество королей. Так что он, как король, королеву выслушает.

— А что ответит?

— Неважно, — сказал я настойчиво, — главное для вас — дать понять, что мы здесь обо всем знаем, учитываем и готовим адекватный, но несимметричный ответ. Потом поясню. Главное, чтобы прочел, а я доскажу на словах остальное.

Она впилась в меня взглядом.

— Что у вас за игра?

— Ваше величество, — объяснил я, — то, что скажу, это я скажу. Вы за меня не отвечаете. Во всяком случае, если возникнут вопросы, вы дезавуиру... дезавуируете... тьфу, какое слово длинное, что, проще говоря, скажете, это он сам, то есть я, молот спяну, а вы вообще не позволяли мне рта раскрывать, так как рылом... в смысле рангом не вышел! Вы повелели только передать письмо, и усе. А в письме будет выверено лично вами, это ж слова улетают, а на бумаге остаются.

Она слушала внимательно, кивнула с некоторой задержкой, все еще до конца не убежденная.

— Хорошо. Напишу.

Я сказал твердо:

— Ваше величество, любое посольство — это всего лишь посольство, но в нем должен быть человек, который занимается делом. Официальная часть будет за глердом Финнеганом, а мне вы поручите неофициальную.

Ее лицо отвердело, а голос стал жестче:

— Вы о чем, глерд?

— Первое, — сказал я, — вы мне уже изволили возжелать, повелеть то есть, вы напишете письмо королю Антриасу, а я передам. Это будет личное письмо, которое он предавать огласке не станет.

— Дальше, глерд.

— Давайте я вам сразу продиктую? — предложил я и, увидев, как меняется ее лицо, сказал поспешно: — Да

пошутил я, пошутил!.. Вы сами найдете правильные слова. Просто я предлагаю написать вот так: «Дорогой кузен, сообщаю о неприятном случае, который связан с вашими людьми. На днях прямо из башни королевского дворца был похищен наш любимый лекарь Рундельштотт. Похитители повезли его в сторону Уламрии. Двое его учеников вызвались догнать похитителей, строго наказать и освободить своего учителя, что и было сделано. При этом им пришлось защищаться от ваших воинских отрядов, что привело к некоторым человеческим потерям. Прошу вас, кузен, строго наказать виновных в столь дерзком похищении. Мои глерды волнуются, требуют мести, но я уверена, что это было сделано без вашего ведома, и что вы строго накажете виновных».

Она смотрела на меня без всякого выражения, но изменившийся голос показал, что напряженно раздумывает над таким неожиданным предложением.

— И что он должен ответить?

Я вздохнул.

— Как вы догадываетесь, это письмо никому не покажет. Но каким бы горячим ни был, это его немного отрезвит. Не совсем, но вам и малость важна, не так ли?

— А вам, дерзкий глерд, это сойдет с рук?

Я изумился.

— Ваше величество! Вы что, беспокоитесь за мою шкуру?

Она продолжала смотреть на меня тем же холодным и ничего не выражающим взглядом, а когда заговорила, голос полностью соответствовал ее облику:

— Я беспокоюсь за миссию посольства.

— Ваше величество, — сказал я с одобрением, — что всякие там люди, когда на кону честь?.. Люди — тлен, их еще много будет, а честь так быстро не воз-

рождается, как эти двуногие! В общем, подожду в коридоре, пока изложите все на бумаге, как видите и понимаете. А то, боюсь, глядя на меня, не совсем то напишете, больно у вас лицо как бы не весьма задумчивое...

Она поморщилась, а я тихохонько вышел в коридор, подчеркивая всем своим видом, что потрясен ее величием, мудростью и вообще королевистостью, пусть женщине будет приятно.

Послышался женский смех и веселый щебет, в конце коридора, где лестница, показались поднимающиеся фрейлины королевы, Карелла Задумчивая и две ее подруги уже собирались топать еще выше, но Карелла увидела меня, остановилась, заулыбалась.

На таком расстоянии не поговоришь, а кричать неприлично, леди не повышают голос, не кухарки и не торговки рыбой, она кивком пригласила подойти, но я сделал печальное лицо и указал большим пальцем на дверь королевского кабинета.

Она кивнула, поколебалась, но что-то шепнула подругам, обе тут же заторопились наверх, а она решительно поплыла, приподняв платье с боков обеими руками, в мою сторону.

— Глерд?

Я поклонился препочтительнейшим образом.

— Глердесса... вы... э-э... прекрасны!

Она мило наморщила носик.

— Как оригинально!.. Глерд, разве вам не дали отдохнуть после такого подвига?

Я отмахнулся.

— Да какого подвига... Мы только нагнали повозку, а Рундельштотт уже всех перебил и разворачивался в обратную сторону.

— Повезло, — сказала она.

— Я вообще-то везучий, — согласился я. — Вот думаю, где мне еще повезет...

Она хитренько улыбнулась.

— Думайте, глерд, думайте. Мне кажется, я даже знаю, где вам может повезти, если приложите усилия...

— Ой, — сказал я, — я так волнительствую, так волнительствую!.. Но я недогадлив из-за своей удивительной и непорочной чистоты и духовности!.. Может быть, вы, как натура глубоко одухотворенная и чувственная, снизойдете до моих страданий и подскажите, что же мне такое изделать, чтобы приложить так приложить...

Она поощряюще улыбнулась.

— Глерд, вы умеете разговаривать с женщинами!.. Но раз уж у вас такие затруднения, то, как вы точно сказали, будучи существом отзывчивым и сострадательным, откликнусь и помогу вам с вашими трудностями.

— Это меня спасет! — воскликнул я жарко.

Она поощряюще улыбнулась.

— Увидимся, глерд.

Она произнесла таким голосом, что я почти отчетливо услышал: «Встретимся в постели». Все-таки, несмотря на строгие нравы, что процветают и культивируются в обществе, некоторые ухитряются извлекать для себя немалую пользу за счет простаков, что все соблюдают свято и даже истово.

Старший слуга, я про себя его уже начал называть королевским секретарем, приоткрыл дверь и, поймав меня взглядом, сказал негромко:

— Глерд Юджин...

— Иду, — ответил я.

Королева за столом держит в обеих руках лист бумаги и внимательно читает, вернее, перечитывает то, что написала.

Я остановился и ждал, а она, закончив, подняла на меня холодный взгляд.

— Глерд...

Я прервал, что есть неслыханное нарушение этикета, но когда-то это сделать надо и внести ясность:

— Ваше величество, вы сказали глердам, что как-то случайно удалось узнать о моем высоком происхождении? Хоть и не выяснить точно, кто и откуда?

Она кивнула с кислым выражением на лице.

— Да.

— Тогда и сами, — сказал я с нажимом, — уж простите за дерзостнейшее напоминание, должны для поддержания этой нужной королевству и миру легенды вести себя так, будто у меня до жути длинное древо могучего и знатнейшего рода! В смысле, слушайте меня так, как слушаете глерда Финнегана или хотя бы Эллиана. Внимательнее. А не так, как...

— Как?

— Будто слуга несет какой-то бред, — сказал я зло. — Если я для других отныне знатный глерд, что не хочет раскрывать свое имя, то и для вас должен быть им, ваше величество! Разве не так? Иначе все коту под хвост. У вас кошки есть?

— Нет, — отрезала она.

— Хорошо, — сказал я.

Она сказала в легком раздражении:

— Хорошо, давай вернемся к делу. Ты полагаешь, есть какие-то способы остановить короля Антриаса?

— Не вижу таких, — вынужденно признался я. — Но затормозить можем. Намекая на некие возможности. Чтоб он с галопа перешел на осторожную рысь. А то и на грунь.

Она посмотрела на меня очень внимательно.

— А разве у нас такие возможности есть?

— Нет, конечно, — ответил я, — но это мы знаем, а король Антриас пусть думает иначе.

— А если вдруг...

— Он король, — напомнил я. — Короли должны быть осторожнее.

Она продолжала смотреть внимательно, я ощутил, что малость перегибаю, не мое дело знать, как должны вести себя короли.

— Хорошо, — ответила она замедленно. — Надеюсь, он рисковать не станет.

— Не должен, — заверил я.

— Хотя человек он отважный и очень безрассудный...

— Рискуют обычно малым, — поддержал я, — а у королей, за что ни возьмись...

— С другой стороны, — сказала она, — он молод, горяч, честолюбив и жаждет прослыть великим полководцем.

— Великие полководцы, — сказал я, — знали силы противника. В смысле, всегда сперва разузнавали, а потом думали. Пусть даже у противника сил было больше, но когда знаешь, кто где стоит, кто здесь уже трое суток, а кто прибыл только что после изнурительного марша... действовать можно. Однако мы напустим тумана и создадим ситуацию неопределенности. Пусть он не знает, какими силами мы располагаем.

Она покачала головой.

— Он знает.

— Ваше величество, — сказал я твердо, — позвольте этим щекотливым делом заниматься мне. Не в том смысле, что мне, а в том, что вам не стоит в него лезть. Простите, что объясняю так доступно.

Ее глаза вспыхнули гневом.

— Глерд...

— Ваше величество, — ответил я почтительно. — Короли должны быть выше. Положение обязывает!.. Вы же королева... Вы отдали прямые указания глерду Финнегану, а мне вы отдали приказания... не прямые, а так, общие. Чтобы я мог толковать их, как подскажет момент. А вам, чтобы оставаться чистой, лучше вообще о них не знать. Простите, что я вслух говорю то, что обычно понимается и так, но это я для ясности... Вдруг вы устали или дни у вас трудные. Я слышал, что у женщин они бывают хотя бы раз в месяц...

— Короли не устают, — отрезала она высокомерно, полностью проигнорировав неясный намек на какие-то трудные дни. — Но у меня могут быть более важные дела... потому в самом деле не изволю вникать в мелочи.

— Вот-вот, — сказал я с облегчением. — А я, как человек мелочный, займусь всей этой ерундишкой.

Она сказала резко:

— Но мне обо всем докладывайте. Я не выношу, когда принимаются какие-то решения за моей спиной.

— Я вам доложу, — заверил я, — докладу потом в общих чертах. Если чё. Дабы не утруждать. Ибо. Вы королева и должны королевить, а не!

Она сделала брезгливо движение кончиками пальцев.

— Возьмите письмо, глерд. И убирайтесь.

Глава 6

Посольство собиралось засветло во дворе под бдительным присмотром глерда Джуэла, главы дипломатической службы королевы, и благожелательным и заботливым глерда Мяффнера, глерд-канцлера.

Привели лучших коней из королевской конюшни, мы же представляем королевство и королеву, так что у нас все должно быть лучшее, как одежда, так и кони, а у коней сбруя. В самом деле уздечки украшены золотом и мелкими рубинами, седла и попоны расшиты золотыми нитями.

Глерд Финнеган явился в камзоле золотистого цвета, на груди две массивные золотые цепи с россыпью рубинов. Вообще одет несказанно пышно, на Эллиане плащ торжественного багрового оттенка с золотой вязью, золото даже на седле и стремянах, а камзол черный, как ночь, с цепочкой жемчуга по вороту.

И даже Баффи разодет словно на свадьбе, хотя, как мне кажется, до столицы Уламрии еще далековато, одежда поистреплется и запылится, лучше бы ее везти в мешке позади седла, а уже на въезде в Иисор можно переодеться и принять гордые позы.

Мы с Фицроем, зная себе цену, одеты как нельзя проще, я едва уговорил Фицроя не надевать поверх камзола горнолыжный костюм, что сам меняет цвет, если не остановить его на базовом красном, вот бы изумились остальные члены посольства, а нам нужны лишние расспросы?

Финнеган покосился на мешок позади моего седла.

— У вас там не только еда, глерд?

— Это кувшин выпирает, — сообщил я. — С узким горлышком.

Он покачал головой.

— Молодежь... Когда вы научитесь перед путешествиями вино переливать в бурдюки?

— Моя вина, — сказал я сокрушенно.

Он махнул рукой и повернулся к своему коню, и сказал злорадным шепотом:

— Чуть не раскрыл твои колдовские штучки?

— Молчи, — сказал я тихо, — а то превращу в рыбу.
Он расширил глаза.

— Почему именно...

— Глерд Финнеган обожает рыбные блюда, — сообщил я.

— Молчу-молчу.

Так и выехали из ворот королевского двора: глерд Финнеган как глава, глерды Эллиан и Баффи, следом мы с Фицроем, а позади двое сопровождающих нас по личному распоряжению ее величества королевских гвардейцев. Ехать будем по главной дороге, так что воины не для охраны, а больше для престижа, а также подать, принести, сбегать...

Правда, гвардейцам велено сопровождать нас только до пограничной речушки Светлячки, а как только перейдем ее вброд, оба повернут коней и вернутся в Санпринг с сообщением королеве, что мы уже в Уламрии.

Так и выехали на рассвете, я даже не поскулил, уже привык к этому варварству, здесь подняться в такую рань почему-то вовсе не подвиг, а почти обыденность, даже знатные глерды могут вскочить среди ночи и еще с закрытыми глазами ухватить меч точно за рукоять.

Свежие кони идут бодро, за первый день пройдем рекордное расстояние, еды у нас в мешках достаточно, как и отборного зерна для коней, а дальше ночлег, еду можно покупать в городах и селах по дороге, даже менять коней, если понадобится.

Я еще перед отъездом заверил королеву, что мы с Фицроем проведем отряд самой прямой дорогой прямо к мосту, а там нас переправят на ту сторону либо на лодках, либо на плотах.

Фицрой поглядывал испытующе, я сказал тихо:

— Не против, если возглавим мы?

Он ухмыльнулся.

— Разве и так мы не возглавлятели?

— Как и обезглавлятели, — согласился я. — Мы специалисты широкого профиля.

Он сказал весело:

— У нас широкие запросы!

Я толкнул коня каблуками под бока одновременно с ним, и, обогнав троицу таких знатных глердов, что аж страшно, мы помчались впереди, что и есть правильно: это как раз мы совсем недавно развели и проложили прямую дорогу к Ииссору.

Фицрой, похоже, в самом деле из знатных, не вижу за ним ни малейшего желания сблизиться с высокопоставленными глердами, словно уже осточертели, и вот он, как принц, тайком уходит в деревню, где общается без церемоний, выпендренов и тайного смысла в каждом слове и движении.

— Послом я еще не был, — сообщил он. — Кем только не, вспомнить страшно... а когда и смешно, но посольство, гм...

— Значит, — сказал я, — мы еще молоды.

— И красавцы, — уточнил он. — Как думаешь, нас сразу повесят, как только узнают, кто мы, или сперва помучают?

— Не знаю, — ответил я откровенно. — Во-первых, королева строго-настрого велела нашим молчать о том, кто спасал Рундельштотта. Во-вторых...

Он нахмурился.

— А разве мы не всех перебили?

— Вроде бы всех, — ответил я с неуверенностью, — а если кто и уцелел, то мы были слишком далеко, чтобы наши морды рассмотрели.

— И запомнили.

— Да, это вряд ли.

— Понятно, — сказал он, — значит, только лорд Нельтон, леди Ангаретта...

— А также лорд Квенард, — напомнил я, — его жена леди Нардина...

— Они могут и смолчать, — сказал он, — но там же масса народа, что нас видели!.. Думаю, в замок ворвались к утру?

— Раньше, — сказал я. — Я посоветовал самим разобратъ завал и пропустить королевский отряд в замок. Чтоб его не привлекли. Он всего лишь выполнял священный обычай. Вернее, следовал ему.

Лицо Финнегана потемнело, брови сдвинулись, я помалкивал, наконец он пробормотал:

— Вообще-то маловероятно, что защитники далекого лесного замка вдруг окажутся в королевском дворце. Да еще и встретят там нас.

— Тоже так думаю, — подтвердил я.

— А я просто надеюсь, — признался он.

— Случается все, — согласился я. — Но как-то больше верю в обыденность, чем в редкие совпадения. Во всяком случае, послы вроде бы неприкосновенны?

— Да? — переспросил он. — Я думал, только парламентары с белым флагом...

— Послы и есть парламентары, — пояснил я. — В некотором роде. Послов нельзя убивать, тогда и та сторона будет отрезана от источников информации... Пусть брехливых, но все же из любой брехни можно извлекать зерно, если, конечно, говоришь не с женщиной, тех ни один дешифровщик не поймет.

Он посмотрел на меня с уважением.

— Столько странных слов знаешь... Не сразу и поймешь. Не заболел?

— Нет, — заверил я, — просто головой ударился, когда на королеву засмотрелся.

— Все беды от женщин, — согласился он.

— Королева не женщина, — сообщил я.

Он посмотрел на меня в изумлении.

— Ты чего?

— Она символ, — сказал я. — Знамя.

Он хмыкнул.

— Не хотел бы я быть королевой.

— Вряд ли будешь, — сказал я. — Рундельштотта с нами нет.

Он посмотрел с угрозой.

— Но-но. То-то вас во всех королевствах истребляют. Так, на всякий случай. Нам не нужны неожиданности! Кроме тех, которые устраиваем другим мы сами.

Далеко за кустами шелестнуло, мелькнула серая спина не то кабана, не то оленя. Фицрой моментально ухватился за лук, конь под ним азартно ринулся в ту сторону, словно Фицрой и этот жеребец одно целое. Я лишь проводил их взглядом, мой конь все понял и меланхолично продолжил путь.

Я не стал умнее, вижу четко, но умею больше, а это даже не знаю, хоть мозгов не добавляет, но возросшие возможности как бы требуют и работы мозга интенсивнее. Пусть не на уровень, но хотя бы на ступеньку выше.

Но как, на какую ступеньку, если я мозги напрягать не привык, вообще не привык напрягаться, могу облажаться, когда замахнусь на что-то крутое, а сам не крут, я-то это знаю...

С другой стороны, прочитанное там в библиотеке жжет внутри как не знаю что. Это такие возможности, такие возможности!.. Скоро все люди научатся управлять энергией напрямую, но мне выпала возможность сделать это первым, как не воспользоваться?

Не воспользоваться легче, напомнил я себе мудро. Просто ничего не делай — только и делов. А восполь-

зоваться... это сперва наломать дров, обжечься, а то и сломать пальцы, если не руки...

Затрещали кусты, зеленые ветви испуганно распахнулись, Фицрой выметнулся из чащи в самом деле как кентавр: грозный, шумный и с бессильно свесившим копыта оленем поперек седла.

В его сторону испуганно развернулись Эллиан и Баффи, даже Финнеган изволил остановить коня.

— Какое, — крикнул Фицрой весело, — самое вкусное слово?

Баффи ответил громко:

— Добыча!

— Наш человек, — прокричал Фицрой и, заставив свое конское тело сделать лихой поворот, сбросил оленя под ноги лошади Баффи.

Баффи, нимало не чинясь, тут же соскочил на землю и, выхватив из-за пояса нож, сладострастно вонзил оленю в грудину, с натугой повел надрез в сторону брюшины.

Финнеган поморщился, побряхтел и сказал ворчливо:

— Ладно, небольшой привал. Если глерд Баффи не сумеет разделать зверя, мы ему поможем.

— Советами, — подсказал Эллиан.

— А как же, — удивился Финнеган. — Мы же советники! Ее величества королевы.

Он грузно спешил, конь вздохнул с облегчением. Эллиан соскочил легко, бросился к коню Финнегана и принялся снимать седло. Его конь посмотрел ревниво, вздохнул и поплелся к кустам с зелеными молодыми веточками.

Фицрою явно хотелось самому помочь Баффи разделывать оленя, но стерпел, великодушно позволяя другим получать радость, перехватил мой внимательный взгляд, рот растянулся в широкой улыбке.

— Ну как?

— Великолепно, — сказал я искренне.

— А ты?

— Я умею только есть, — ответил я честно. — Зато как!

— Ладно, — сказал он. — Хоть хворост соберешь?

— Это я почти умею, — сказал я, — хоть и плохо, но должен же внести свою лепту в общее дело?.. А то и олеины не получу, вы такие...

Он принял повод моего коня, а я направился за деревья, оглянулся, запоминая направление, у меня с географией нелады, спустился в небольшую лошину и сел, привалившись спиной к дереву.

Я понимаю, что могу говорить о чем угодно, но думаю только о том, что живу в атмосфере Солнца, что я ее часть и могу пользоваться его мощью без посредников не только в виде угля и нефти, но даже и без фотоэлементов...

Странное чувство сопричастности нахлынуло быстрее, чем в прошлый раз. Я замер, страхась спугнуть ощущение малости и в то же время соединенности с необъятным миром космоса, где я такой же необъятный, что могу охватить всю расширяющуюся Вселенную и пространство атома раздвинуть до бесконечности.

— Портал, — прошептал я. — Портал... хочу портал... нет, жажду!.. портал для мгновенного перемещения в пространстве... не по пространству, а через... вот так... представляю... вот так...

Я не стал зажмуриваться, просто вообразил перед собой дыру в материи, из которой состоит пространство. Нужно только быть осторожным, чтобы тот дальний конец дыры не оказался в недрах Солнца или Сириуса, а то и на поверхности нейтронной звезды.

Хотя это меня занесло, вероятность ничтожна, а вот оказаться в межгалактическом пространстве... да, это реально.

Все тело осыпало огнем, в шаге передо мной вспыхнул красный и очень плоский огонь, потек во все стороны как по стеклянной стене. Нет, будто ткнули спичкой в середину бумажного листа. Огонь пошел во все стороны, оставляя в середине быстро расширяющуюся дыру.

Я задержал дыхание, почему-то возникла ассоциация со львом, прыгающим через огненный обруч. Ему наверняка еще как страшно, хоть он и лев, а я не совсем бесстрашный царь зверей, да и не обруч это, а намного более грандиозное и страшное.

Нет, не обруч, а вполне себе типичная дверь, какие строили еще древние вавилоняне или хетты, а сейчас у всех в нашем коттеджном поселке. Ну, не сама дверь, только дверная арка, огонь. Только что огонь по всем четырем сторонам...

Проступило серое изображение, я со стучащим сердцем всмотрелся, готовый к чудесным видам инозвездных миров, в первую очередь — планет, дивных дворцов, прыгающих из галактики в галактику автомобилей...

Серая мерцающая дымка застилает все — от рамы до рамы, но, всматриваясь со стучащим сердцем, различил толстые стволы деревьев, причудливо изогнутые ветви, мелкий кустарник...

— Была не была, — прошептал я. Нахлынуло чувство, что если сейчас не решусь, то обретенная возможность исчезнет и никогда больше не появится. — Да в гробу я видел это посольство...

Вскочил и быстро, не давая себе передумать, шагнул в дверной проем портала. Странно, огнем не пахло, декорация или огонь где-то за тысячи миль...

Глава 7

Подошва уперлась в мягкий серый мох с торчащими корнями деревьев. Впереди и по сторонам громадные стволы закрывают вид в стороны, а ветви прячут небо. Портал за моей спиной исчез в тот же миг, как я переместился на эту сторону, а я судорожно вздохнул и сообразил, что все это время не дышал, словно страшился спугнуть севшую перед носом дивную бабочку с трепещущими крыльями.

В теле такая слабость, словно вместо Сизифа втаскивал весь день на гору камень. Только потому и не визжу от радости, сил нет, чувствую себя как медуза, выброшенная волной на берег.

Колени подломились, я опустился на землю, ноги налиты свинцом, даже голова тяжелая, будто сам череп из чугуна толщиной в два пальца.

Послышались шаги, кусты раздвинулись, появился Фицрой с флягой вина в одной руке и куском ветчины в другой.

— Долго нам ждать хвороста, — заметил он насмешливо, всмотрелся в мое лицо и сказал уже встревоженно: — Ты чего?.. Еле живой!.. Что тебя подкосило? Ладно, я сам хвороста наберу...

Я с трудом удержал на нем взгляд, свинцовые веки наползают на глазные яблоки, перекрывая все на свете.

Фицрой, веселый и наглый, все еще стоит надо мной и с аппетитом жует ветчину, таким огромным ломтем гнома убить можно, а эльфов — так сразу двух.

Запах ударил мне в ноздри, я ощутил зверский голод.

— Сейчас сдохну, — прошептал я. — А хлеба у тебя нет?

Он изумился.

— Ты же утром жрал в три горла!.. Ну ты даешь...

Я смолчал, а он вернулся, как полагаю, к костру, молодец, я торопливо огляделся и только теперь понял, что портал был, все получилось, но только переместился я аж на целый шаг, вон слева то дерево, под которым я сел, даже трава только-только распрямляется...

Фицрой принес половину холодного бараньего бока с краюхой хлеба и с изумлением наблюдал, как я пожираю все это, как голодный волк, что неделю бегал за добычей.

— Ты приболел, — сказал он с беспокойством. — А нам с больным возиться не с руки. Давай я тебя прирежу по-тихому?.. И тебе хорошо, и нам приятно.

— Вам приятно, — пробормотал я, — это ясно. А почему мне хорошо?

— Я тебе покажу, — пообещал он, — классный удар ножом в глазницу!.. Мгновенная смерть, не успеваешь ничего почувствовать! Тебе понравится, обещаю.

— Если не успею почувствовать, — буркнул я с набитым ртом, — то как понравится?.. Ладно, в другой раз будет вам всем приятно. И даже весело. Обхохочетесь!

— Обещаешь? — спросил он. — Ну тогда ладно. Вина принести?

— А в твоей баклаге?

— Последние капли, — сообщил он. — А тебе, как вижу, капли должны быть размером с озеро. Не самое крупное, а так, среднее.

— Ты принесешь, — ответил я. — Лучше сам приду. Вот доем и приду. И за добавкой.

Он расхохотался, небрежно сгреб в охапку сухие ветки и удалился, бодрый настолько, что почти подпрыгивает. Я в самом деле обглодал все мясо с ребер, уж и не знаю, что может быть вкуснее бараньих ребрышек, доел хлеб и ощутил, что да, силы возвращаются с такой ско-

ростью, словно хлеб и мясо, пренебрегая долгим и нужным процессом переваривания, сразу превращаются в энергию.

Ну вот как фотоэлементы сразу улавливают энергию Солнца и превращают ее в электричество, оставив в прошлом примитивный и долгий процесс добывания угля, нефти и газа, чтобы сжечь и превратить в электро-энергию.

Когда я вернулся к месту отдыха, огонь уже полыхает вовсю, ободранная тушка оленя аккуратно насажена на длинный прут толщиной с древко пики, а Эллиан азартно выбрасывает из огня сырые сучки, оставляя только красные угли.

— Долго вы ходили за ветвями, глерд, — сказал он с ехидцей. — Наверное, в обморок упали?

— Я мыслил, — сообщил я ему, — жаль, вам этот процесс абсолютно незнаком. Я Улучшатель, а мы могучи рассуждениями, логикой и доводами. Хотя в морду тоже могу дать.

Он поморщился.

— И что же намыслили?

Я обратился мимо него к отдыхающему под деревом Финнегану:

— Высокочтимый глерд, я вспоминал все, что слышал об Уламрии, и пришел к выводу, что королевство не такое уж монолитное, как выглядит. И каким его стараются представить в глазах соседей заинтересованные лица.

Финнеган посмотрел на меня исподлобья.

— Допустим, это так. И что?

— Можно попытаться, — сказал я, — дестабилизировать обстановку. На самом деле это не так трудно, как кажется.

— Ну-ну?

— Тогда Антриасу, — договорил я, — будет не до завоеваний. Но, к сожалению, на это нужно время, которого у нас нет. Как добыть?

Все слушали молча, Финнеган подумал, кивнул.

— Новичок прав, — сказал он покровительственно, но обращаясь больше к Баффи и Эллиану. — Когда королевство раздирали мятежи Большого Крагена и Кровавой Охоты, королю Антриасу было не до мыслей о завоеваниях...

Эллиан скривился, метнул в мою сторону взгляд, полный неприязни.

— К сожалению, — сказал он сухо, — власть короля после подавления мятежей только укрепилась.

— Ситуацию, — сказал я, — можно сделать перманентной.

Он спросил озадаченно:

— Что это?

— Замороженный конфликт, — пояснил я, — так называемый в народе дипломатов. Но его можно сделать и полумороженным.

Финнеган слушал внимательно, а Эллиан буркнул:

— Это... как?

— Так, — ответил я, — что король не решится вывести армию за пределы страны. Во избежание. Если создать ему проблемы внутри.

Они переглянулись, на лице Эллиана проступило выражение недоумения, но задавать мне уточняющие вопросы посчитал ниже своего достоинства, а Баффи, не желая ставить приятеля в неловкое положение, лишь пробормотал:

— Догадываюсь, что у вас либо есть опыт в подобных делах, либо хорошо их знаете.

— Знаю, как делается, — ответил я.

— Ну вот...

— Но сам я, — пояснил я, — далек от этих дел. Улучшатель — это есть я! А то уже и забывать начал... Я ж такая цаца, каждый день что-то улучшать могу! А то и дважды в день.

Фицрой добавил бодро:

— А портить умеет вообще с утра до вечера!

Они кисло поулыбались, Эллиан поднялся и ушел к дубу, где отдыхает Финнеган, тот подвинулся, давая ему краешек шкуры. Эллиан плащом укрыл главе посольства ноги, оставив кончик для себя, и закрыл глаза, притворяясь, что спит или глубоко мыслит.

— Пусть отдыхают, — сказал мне Фицрой громким шепотом. — Мы все съедим сами... Или не съедим?

— Лопнем, — сказал я твердо, — но съедим.

— Это по-нашему, — согласился он. — Давай, снимай, уже бока подрумянились...

— А почему не порезали на куски? — спросил я. — Быстрее бы пошло. И прожарилось бы лучше.

Он посмотрел на меня в недоумении.

— А красота? Жарить над углями тушку зверя или просто куски мяса?... А-а-а, это у тебя такие шуточки!

— Конечно, — подтвердил я. — А ты сразу и не врубился, здорово. Эстетика прежде всего! А вкусовые качества... это для беззубых.

Он сказал, оправдываясь:

— Да ты такой серьезный! Я уже подумал, случилось чего. И похудел даже...

— Ты наблюдательный, — пробормотал я, — но сейчас поправлюсь на год вперед.

Он сам снял с огня багровую, лоснящуюся от закипающего жира тушу оленя, а я смотрел на него и старался понять, моя трусость или моя слабость виной, что портал перебросил меня на такое крохотнейшее расстояние, а не на другую планету, не в мой мир...

Впрочем, мне же видно было через портал, что там, так что в страшное не полезу, но все-таки лес казался немножко другим... Наверное, абберрация зрения.

Фицрой разложил оленя на белой скатерти и умело резал на части. Баффи потолкал Эллиана и Финнегана, те одинаково потянули носами, хватая ноздрями запахи, и торопливо перебрались к лесному столу.

— Ради этого стоило остановиться, — сказал Финнеган с одобрением. — Вы полезный член посольства, глерд Фицрой!.. Возможно, и ваш товарищ окажется не совсем так уж лишним.

— Я сам его готов прибить, — ответил Фицрой, — за полную ненадобность. Зато какие он истории знает!

— О бабах? — спросил Баффи.

Фицрой посмотрел на него с изумлением.

— А о чем же еще?

Баффи сказал мечтательно:

— Нам бы тоже послушать...

— Ехать несколько дней, — ответил Фицрой, — думаю, Юджин расскажет такое, что нам и представить страшно. Мне во всяком случае было страшно, как только люди могут, даже и не знаю...

Он резал и сразу раздавал обжигающие пальцы тяжелые ломти мяса. Я взял свой и сразу впился зубами, пренебрегая этикетом, а питекантроп во мне одобрил утробным рычанием.

Всякие истории я в самом деле, понукаемый Фицроем, рассказывал по дороге и на привалах. В голове туева куча исторических и даже доисторических фильмов, как их называют, хотя я не представляю, кто и как снимал тогда сериалы на тему Крестовых походов или династических битв за троны, правильное назвать те труды фильмами на исторические темы, что значит уме-

ло и красиво перевернутые в угоду времени съемок и политической ситуации.

Естественно, такие истории красивее правды, потому меня слушали с горящими глазами и стиснутыми кулаками, а сердобольный Баффи то и дело плакал навзрыд как над гибелью героев в Иллиаде, так и над страданиями Пенелопы. Даже Финнеган так расчувствовался и прослезился над судьбой Ромео и Джульетты, что явно в его роду когда-то было подобное.

На очередном привале, оставив рыдающего Баффи и скупно вытирающего слезы Финнегана, я снова скромненько отошел в сторону, а потом вовсе удалился за кусты.

Пусть считают, что робею в присутствии знатнейших глердов королевства, вдруг да нечаянно пукну, это же со стыда должен сгореть, как жить после этого?

На всякий случай за кустами вообще отыскал сваленное бурей огромное дерево, так называемый выворотень, после него в земле всегда остается глубокая яма, и пока ее не занял медведь, я спустился туда и, привалившись спиной к прогретой солнцем земляной стене, начал вызывать те ощущения, что испытывал полубезумный чародей древности, когда вообразил себя частицей Солнца.

И которые удалось испытать мне, когда я сумел погрузить себя в то же самое состояние. Странное и пугающее все-таки ощущение воссоединения со всем миром, а это не значит, только с человечеством, что вообще-то, как верно сказал Демокрит, состоит из тех же атомов, что и окружающие нас камни, воздух и вообще пространство...

Портал проступил в полушаге передо мной, легко дотянусь кончиками пальцев, но пока что-то трогать страшно. Огонь на этот раз полыхает не так страш-

но, хотя сама поверхность «зеркала» по-прежнему мутная и нервно подергивается, рассмотреть что-то практически нереально, вроде бы лес... но если всматриваться вот так долго и с напряжением, то муть начинает рассеиваться и рябь становится менее заметной.

Нет, второй раз не полезу. Уже вижу, лес тот же, более того, чувствую, что снова перебросит на шаг, не дальше. А сил отнимет столько, словно помог Сизифу камень закатить, да еще и подложил валун, чтобы не скатился.

Только и того, что докажу себе, да, получилось. Портал в прошлый раз исчез сразу. Видимо, одноразовый. На большее энергии недостает, и так чувствую себя словно пробежал марафон...

С той стороны плотной зеленой стены раздался бодрый крик Фицроя:

— Юджин!.. Мы уезжаем!

— Иду! — прокричал я. — Бегу!

Уже из седла он встретил меня назидательной речью:

— Не иду и не бегу, а надо говорить — лечу! Можно добавить «со всех ног»!.. У тебя их сколько?

— Никогда не считал, — признался я. — А сколько со стороны?

— Одна, — ответил он. — Как у улитки. А надо бы штук сорок, как у сороконожки. Или шесть, как у муравья... Давай в седло, я твою лошадку уже оседлал.

— Спасибо, — сказал я с благодарностью.

Он отмахнулся.

— Не стоит. Она у тебя такая смешная. Сразу начала вынюхивать в моих карманах морковь. Ага, только для нее и приберег...

— Не дал?

Он покачал головой.

— Нет, конечно. Но пришлось, очень уж жалобно просила.

— Добрый ты, — сказал я обвиняюще. — Не быть тебе в правительстве королевы. Разве что послом в каком королевстве подальше от Нижних Долин.

Он сказал с непритворным ужасом:

— Ни за что! Увидишь, что тебя ждет, самому расхочется.

Финнеган с Эллианом и Баффи, не дожидаясь нас, едут уже далеко впереди, я не успел вскочить в седло, как скрылись за поворотом тропки.

Итак, первое по результатам. Подтвердилось, что создание портала требует огромной концентрации сил, после чего упадок сил и сильный голод. Так что создавать порталы по любому случаю вряд ли. Еще надо учесть, что истощает не только мои силы, но и заключенную во мне магию, а это уже серьезно.

К сожалению, счетчика у меня нет, сколько магии осталось, не знаю. Может и подвести в нужный момент, как когда-то подстригался перед тем, как идти на вечеринку, а аккумулятор разрядился. Заряжать долго, так и пошел с наполовину постриженной головой.

Идем дальше, и во второй раз увидел только лес, словно больше чем на шаг отодвинуть не удастся. Или же просто моих силенок маловато. На шаг это почти что ничего, глупость какая-то. Мне в идеале нужен портал в мой мир, прямо на диван в своем доме. Или хотя бы в этом королевстве «в любой момент в любое место», как говорят в воздушно-десантных.

Может быть, для такого важного дела все-таки требуется предельное сосредоточение, самадхи или как его там, а не эти попытки практиковаться в таком сложном вопросе, не слезая, как говорится, с седла. Во всяком

случае, не в походе. Вот вернусь... нет, не в свой коттедж, там ничего не получится. Сперва нужно здесь. Уже понял: если чем овладею здесь, то могу использовать и там.

Как вот создание пистолета и патронов с помощью перестройки атомов. Сперва здесь, потом там.

Глава 8

Фицрою наскучило мое молчание, конь под ним все понял и пошел галопом, догоняя отряд. Я даже не проводил их взглядом, я же мыслитель, а мысли у меня все такие, что куда там собрать в кучу, если ни одну даже поймать не удастся, слишком умные, потому такие шустрые...

Что-то зацепило взгляд, я дернулся и посмотрел по сторонам, сосредоточился. За деревьями как будто горит слабая свеча, но когда я начал всматриваться, толстые стволы уже закрыли, к тому же дорога пошла вниз, а когда снова выбралась наверх, ощущение необычности исчезло.

Впереди Финнеган уже покинул седло, Эллиан поддерживает его под руку и провожает к ближайшему дереву, Баффи и Фицрой занимаются лошадьми.

Завидев меня, Фицрой крикнул бодро:

— Привал!.. Глерд Финнеган полагает, что отдых на три часа будет вполне уместен служителям культа дипломатии.

— У дипломатии нет культа, — уточнил я.

— Точно?

— У дипломатов, — пояснил я, — нет и не должно быть даже совести или убеждений, а ты о культе, наивный юноша.

Он ухмыльнулся, а Эллиан, хоть и поморщился от такой откровенности, нельзя вслух о профпригодности и склонности к такой ответственной работе, но понимает, что я прав, потому промолчал.

Баффи сказал с облегчением:

— Лес не совсем роскошные апартаменты дворца, но отдых везде отдых, правда?

— Отлучусь на пару минут, — сказал я.

Никто не задавал вопросы, Баффи вон отлучился еще раньше, чем я покинул седло, Эллиан тоже вломился в заросли достаточно торопливо, а я бросил повод Фицрою, а сам пошел по конскому следу в обратную сторону.

Так и есть, эту траву уже видел и даже рвал, а потом на ее месте рыл яму. Сейчас, судя по изменившейся растительности в радиусе размаха рук, в земле накопилось достаточно магии, что уже начинает пробиваться к поверхности.

Мечом копать не весьма, хреново даже, если не сказать крепче, моя пара минут превратилась сперва в двадцать, а потом в час, но и тогда я лишь смутно начал чувствовать, что там, в глубине, в самом деле образовалась каверна с той странной вещью, что связывает в себе эту непонятную пока энергию, именуемую магией.

Возможно, это то, что называем темной энергией, еще не зная, что это, но по результатам наблюдений астрономов догадываемся насчет исполинской мощи, что двигает галактики, гасит и зажигает звезды, творит из себя пространство и расширяет Вселенную.

Когда измучился так, что уже не мог выбрасывать из ямы землю, пришла наконец разумная мысль: что вообще опасно играю с огнем, еще неясно, что сотворит со мной эта скопившаяся под землей энергия.

И хотя умом понимаю, что я, как царь природы, должен всем этим управлять, но, с другой стороны, темная энергия может и не знать этот важнейший императив... или знает? С другой стороны, все во Вселенной идет строго по плану: зародилась жизнь, затем разум, а потом разум начал овладевать космической энергией: сперва жег деревья, продукт фотосинтеза, потом все дальше и выше, наконец атомной, а теперь вот пора переходить на еще более высокий уровень...

— Так почему же за высоким, — прошипел я, — приходится вкапываться?.. Надо как те древние, потребляли же как-то солнечную энергию всем телом... или не всем, неважно, а чтоб вот так примитивно... питекантропы...

Несколько раз отдыхал, привалившись спиной к стенке ямы. Пальцы саднят, руки все черные, грязные, исколотые всякой ерундой в земле.

Ощущение, что нечто вот-вот, уже скоро, заставило копать снова, а когда совсем обессилел, всадил клинок в землю и раскачивал его, стараясь загнать поглубже.

В пальцы остро кольнуло, я не успел отдернуть руки, как по ним от рукояти меча хлынуло саднящее шершавое и оранжевое чувство некой огромности, вселенскости. Я задохнулся от звездной мощи, что пошла раздувать меня, как глубоководную рыбу, в глазах потемнело, но тут же вспыхнул такой яркий свет, что я ослеп начисто, однако вижу все куда отчетливее, чем раньше, так что это я ослеп как-то иначе, не так примитивно, а как примитив — я о-го-го...

Когда я вышел на поляну, где отдохнувшие глерды уже снова седлают коней, Фицрой оглянулся, я помахал ему рукой, дескать, меня лесные чудища еще не съели, не радуйся.

— В той стороне, — сказал он с озабоченностью в голосе, — был столб огня! Я не видел, правда, но наше благороднейшие и наблюдательнейшие глерды, что из самых благородных и родовитых семей королевства Нижние Долины... о чем это я? А то уже забыл... Ах да, Баффи и Эллиан успели заметить. Пожар? Или это было...

Он умолк, поглядев на меня со значением.

— Для Эллиана ничего не стоит соврать, — сказал я. — Просто так, даже не ради выгоды. Для искусства.

— А благороднейший и наблюдательнейший глерд из глердов Баффи?

— Баффи всегда поддержит, — ответил я. — Любого. Он конформист и коллаборационист, как и положено демократу и либералу на службе у самодержавной королевы, хранительницы тоталитарных устоев прогресса.

Фицрой посмотрел на Баффи с испугом.

— Чё, правда?

— Ты же обоих знаешь, — сказал я, — как облученных.

— А глерд Финнеган?

— Финнеган, — сказал я, — дело другое. Он бы подтвердил, но, как я понимаю, многомудрый глерд Финнеган на всякий случай ничего не видел, верно?

Фицрой оглянулся на Финнегана, тому как раз Эллиан помогает взобраться в седло.

— Верно, — ответил он.

— Потому и во главе посольства, — сказал я. — Теперь понял?.. Я вот ничего не видел. Хотя чудеса обожаю!

Фицрой сказал строго:

— Нужно было садиться лицом к востоку. Ты нарушил главное правило наших предков!

— Сам придумал? — поинтересовался я.

— А что, — сказал он задиристо, — плохое правило?

— Главное, — сказал я с чувством, — полезное. Когда придерживаешься правил, чувствуешь себя правильным человеком. И как бы выше всей этой шушеры, что бегаёт вокруг и вообще непонятно зачем живет.

Он ухмыльнулся.

— Молодец, понимаешь!.. Значит, останешься на нижней ступеньке до скончания века.

— Почему?

Он пояснил:

— Наверху люди должны быть представительные.

— А я?

— Ты с виду крупный, — признал он, — а если приодеть и научить важничать... но почему-то не совсем дурак, что непонятно! Нарушение какое-то. Ладно, хлебни из моей баклажки, пора ехать. Отдохнешь в седле.

Заночевали по дороге в селе, Финнеган расщедрился и заплатил, чтобы мы с Фицроем заняли целую комнату, а не устраивались на конюшне или на сеновале.

Правда, Фицрой даже ложиться не стал, намекнул, что уже присмотрел тут пару слобных курочек, так что сеновал устраивает вполне, а вот я, дескать, могу в отдельной комнате, что в полном моем распоряжении, ощутить себя хоть королем Антриасом, хоть королевой...

Я не стал заходить к остальным, делая вид, что все такие знатные, просто страшно с такими рядом, стесняюсь, робею и все такое, а сам уединился и прислушивался к тому, что происходит в организме, хотя четко чувствую пока только жжение по всей нервной сети, как будто знаю, где она у меня проходит, во всяком случае, жутко хочется почесать ногтями как-то изнутри.

Бывает, перекачаешься в спортзале, идешь домой, а тебя всего жжет, молочная кислота разгулялась, а потом еще суток двое едва ложку поднимаешь, сейчас не так, но, похоже, не мышцы горят, а нервная ткань стонет и просит пощады... или перестраивается, наращивает либо сами нейроны, либо быстренько создает новые связи между уже существующими?

Я закрыл глаза и попытался представить себя частицей этого мира, которая не просто сама по себе, изолированная, а влияет на этот мир. И не с помощью каменного топора или лазерного скальпеля, а уже по-современному, напрямую, без посредников.

Уснул под утро, встал с тяжелой головой, во дворе глердам деревенские мужики уже седлают коней, а Финнеган барски спрашивает деревенского старосту:

— Лошади свежие?

— Да, великий глерд!

— А копыта не сбитые?

— Все в порядке, глерд!

— Подковы еще не умеете прибивать? Эх, темнота...

Староста пробормотал озадаченно:

— Подковы?.. Ваше глердство, даже не слышали...

Финнеган скривился, отпустил его небрежным взмахом длани, а Эллиану сказал громко, кося на меня одним глазом:

— Пока в глубинку это придет, сколько лошадей обезножит... А то Улучшатель улучшил... и забыл, но мы обязаны все время помнить, что без ухода любое улучшение погибнет!

«А он не дурак», — мелькнула у меня мысль. Хотя напрасно ждет, что буду прикованным к своим улучшениям. Хотя вообще-то снова прав: Улучшатель и должен быть прикованным и постоянно улучшать, но я-то знаю какой из меня Улучшатель...

И снова дорога идет вдоль леса, иногда ныряет в него и торопливо перебегает, пугливо шарахаясь от деревьев, напрямик, под копытами то хрустят камешки, то шуршит песок, иногда даже плещет вода в ручьях и мелких речушках, а над нами светят то одно-два солнца, то озаряют мир огромные луны.

Одежда Эллиана и Баффи достаточно запылилась к тому времени, когда до Ииссора оставалось уже всего ничего, именно тогда мы услышали в лесу приближающийся стук копыт целого отряда.

Фицрой впереди насторожился, потащил из ножен меч, но Финнеган сказал резко:

— Глерд!.. Мы уже трое суток на землях Уламрии!

Фицрой вложил клинок обратно, но ладонь не убрал, остался с раздувающимися ноздрями и учащенным дыханием в готовности к быстрой схватке.

Стук копыт стал громче, из-за деревьев выметнулся воинский отряд на легких конях. Во главе рослый офицер, за которым оруженосец гордо везет развернутый баннер.

Мы остановили коней, офицер тоже натянул повод, крикнул:

— Кто такие?

Финнеган выехал вперед и проговорил с вежливой надменностью:

— Посольство ее величества королевы Орландии к его величеству королю Антриасу.

Всадник воскликнул обрадованно:

— У вас быстрые кони! Я думал, придется ехать до границы с Нижними Долинами!.. Я — капитан Ленс Тревор, послан вам навстречу. Погодите минутку...

Он оглянулся, мы услышали стук колес, и вскоре из-за деревьев, откуда выехал отряд, показалась крытая повозка, запряженная четверкой лошадей.

Я подумал невольно, что по такой хорошей дороге справилась бы и одна лошадь, а четыре... явный перебор. Для важности или таков дипломатический протокол.

За повозкой в отдалении держатся двое всадников, это значит — в повозке грабить нечего.

Завидев нас, повозку остановили, всадники остались в арьергарде. Офицер, назвавшийся капитаном Тревором, объяснил дружелюбно:

— Его величество король Антриас послал эту повозку вам навстречу! Наш король всегда окружает друзей заботой. Надеемся, остаток вашего путешествия пройдет с большим комфортом, чем в седлах.

Дверца распахнулась, из повозки выглянул грузный мужчина со щеками на плечах.

— Глерд Финнеган! — позвал он.

Финнеган расцвел улыбкой, сорвал с головы шляпу и картинно помахал ею.

— Это же мой старый друг лорд Краутхаммер!

Он поспешно покинул седло, я ухватил его коня под уздцы, а Финнеган заковылял к повозке. Один из всадников соскочил на землю и, поддерживая глерда под руку, помог подняться на высокую ступеньку повозки.

Через минуту Финнеган выглянул, помахал рукой.

— Глерд Эллиан, — позвал он, — глерд Баффи!.. Идите сюда, здесь еще два места.

Эллиан с победоносной улыбочкой бросил мне повод, а я по-тугодумьи поймал, а потом понял, что меня вообще-то оскорбили, я не слуга, это Фицрой может бросить так, мы друзья, а Эллиан, скотина редкостная, ну хорошо же...

Фицрой придержал коня Баффи за узду, Баффи сполз по конскому боку на землю и сказал застенчиво:

— Спасибо, благородный глерд.

— Не за что, — ответил Фицрой. — Мне в седле даже лучше. Не волнуйтесь, вашего коня я продам по дороге.

Баффи сказал испуганно:

— Нет, тогда я лучше верхом. Мне очень нравится эта лошадка.

Фицрой захохотал.

— Да успокойтесь, глерд. Никому я его не продам... Разве что обменяю.

Баффи, двинувшийся было к повозке вслед за Эллианом, остановился в испуге и нерешительности.

Я сжалился, сказал почти тепло:

— Глерд Баффи, да не продаст он вашего коня! И не обменяет. Правда-правда. Езжайте спокойно... Разве что кто-то в самом деле даст за него приличные деньги.

Баффи сказал беспомощно:

— Знаете ли, что-то мне расхотелось в повозке. Тут ветер в лицо, птички поют, а там только колеса скрипят.

Финнеган высунулся в окошко и крикнул сердито:

— Баффи!.. Долго нам ждать?

Баффи съезжился и поспешно полез в повозку.

Капитан Тревор повернулся в седле, глядя на меня с дружеской насмешкой.

— Сожалею, — произнес он с мужественной теплотой в сильном голосе, — но в повозке в самом деле только четыре места.

Я отмахнулся.

— В седле я чувствую, как сказал глерд Баффи, этот свежий ветерок, вдыхаю запахи молодой травы и цветов, а они там будут нюхать друг друга.

Он улыбнулся.

— Это да. После долгой дороги в седлах запахи еще те... Но не огорчайтесь. Со временем и вам предстоит счастье нюхать запахи в повозках с плотно закрытыми дверцами.

— Ну спасибо, — ответил я недовольно.

Он расхохотался откровенно и дружески.

— Мы можем поехать впереди, чтобы не глотать пыль от колес. До Иссора уже близко. Вы бывали в этих краях?

Я помотал головой.

— Что вы, я из нашего королевства еще ни ногой!

— Вам город понравится, — заверил он серьезно. —
Вообще у нас понравится.

— Мне уже нравится, — ответил я.

Он спросил с любопытством:

— Чем? Вы же еще почти ничего не видели!.. Только пару замков вдали.

— А дороги? — спросил я. — Таких дорог еще не созерцал. Только короли с сильной властью могут проложить по королевству настоящие мощеные дороги, что проходимы даже весной и осенью!

Он посмотрел на меня с любопытством.

— Интересное наблюдение. В Нижних Долинах не так?

Я покачал головой.

— Там столица делегировала полномочия властям на местах. А местные лучше потратят собранные деньги на пиры и гулянья.

— У вас слабая королева? — поинтересовался он с некоторым намеком и как бы подсказывая ответ.

Глава 9

Я не стал заглатывать червячка, из которого так заметно торчит острый крючок, покачал головой.

— Нет, она сильная женщина. Просто слишком заботится о подданных. Это хорошо для них, но плохо для государства.

— Почему? — спросил он как бы наивно.

Я объяснил:

— Чтобы страна была сильной, люди должны работать больше, чем им нужно для пропитания. Но без принуждения как заставить? Думаю, над этим вопросом ломали головы разные правители... Как заставить людей проводить прямые и широкие дороги, засыпать по пути болота, строить настоящие каменные мосты?

Он слушал внимательно, лицо оставалось таким же дружелюбно веселым, но посмотрел на меня, как показалось, несколько иначе.

— А почему не захотят сами?

Я фыркнул.

— Настоящий широкий каменный мост через реку можно построить только за десяток лет...

Он уточнил:

— Мост через реку Страмбу, это самая крупная река Уламрии, строили пятьдесят лет. И то ни на день не оставляли работу.

— Вот-вот, — сказал я. — А кому это из простого народа надо?.. Он добровольно построит только то, что ему нужно вот прямо сейчас.

— Вы понимаете, — произнес он уважительно, — что необходимо королевству.

— Не я один, — ответил я с надлежащей скромностью. — Однако в мире всегда боролись две концепции: сильной королевской власти, что все держит в своих руках, и приятного, но мало жизнеспособного варианта, когда власть передается местным глередам и городским общинам.

Он посмотрел на меня с веселым прищуром.

— А вы что предпочитаете?

Я пожал плечами.

— Это зависит, наверное, от возраста.

— Вы молоды, — заметил он, — но уже в посольстве.

— Я молод и силен, — согласился я, — потому больше нравится сильная королевская власть. Она может творить великие дела в масштабах всего королевства! Но когда постарею, мне больше по нраву будет тихая зажиточная жизнь в своем имении, когда королевская власть меня не тревожит, а я сам определяю, сколько и какие налоги взимать со своих крестьян, какие дороги строить или не строить вовсе.

Он подумал, кивнул.

— Мудро. Чувствуется, вы хорошо изучали этот предмет.

— Я старался, — ответил я скромно. — Человеку незнатного происхождения нет других путей выбиться наверх, кроме как много и усердно работать.

Он засмеялся, указал большим пальцем себе через плечо в сторону двух воинов сопровождения.

— Иначе на всю жизнь можно остаться вот такими, верно?

— Да, — ответил я. — Но я так не хочу.

— И потому, — сказал он с одобрением, — вы уже в посольстве, а это честь, обязанность и признание ваших заслуг.

— Заслуг еще нет, — ответил я застенчиво. — Просто очень сильно стараюсь. И это видят.

Он сказал с покровительственной ноткой:

— Можно жить, не стараясь, зато получая от нее мелкие удовольствия каждый день, а можно постараться, надрывая жилы, а потом получать уже большие удовольствия...

— Каждый выбирает свое, — согласился я.

Он посмотрел на меня с усмешкой.

— Уверен, вы не промахнетесь с выбором.

Лес впереди расступился, дорога весело выбежала на берег полноводной реки и пошла вдоль так, что мы с седел хорошо видим не только высокие волны, но даже изредка выпрыгивающих за мошками рыбешек.

Повозка бодро катится впереди, я не знаю, кто такой лорд Краутхаммер, но, думаю, он уже вовсю, не теряя времени, прощупывает глердов Эллиана и Баффи. А Финнегана, как сказал наш глава, он хорошо знает.

Даже напористее, чем меня этот капитан. Думаю, он тоже не просто офицер дворцовой стражи. Хотя, конечно, у меня ранг крохотный, потому ко мне только самый общий интерес, и капитан, так сказать, всего лишь слегка подрабатывает на секретной службе его величества.

В какой-то момент капитан сказал бодро:

— А теперь прибавим!

Мы вдвоем пустили коней в галоп, оставив далеко позади повозку, и через несколько минут впереди расступились медленно и торжественно могучие деревья, открывая величественный вид на прекраснейший город, что высится на той стороне реки.

Наши кони, почуяв воду, прибавили шаг, а я заметил, с каким интересом посматривает на меня капитан, но прикидываться мне почти не пришлось, великолепный город в лучах двух солнц сияет, как корона, украшенная драгоценными камнями.

— Бесподобно, — сказал я с чувством. — Даже не представляю, как такую красоту создавали!

Он сказал гордо:

— Город строился двести лет. И, конечно, не будь у королей Уламрии полной власти, такого не построить, вы совершенно правы.

— Бесподобно, — повторил я. — Ой, только сейчас заметил... Просто дивный мост, но... его как раз сейчас строят?

Он напрягся, после паузы ответил с натугой:

— Да, строят... Он вообще-то был выстроен, однако недавно здесь был тяжелый бой с могущественными магами. Нашим доблестным войскам удалось их уничтожить, однако они успели обрушить часть моста с этой стороны... Остальное им не дали.

— Уничтожили? — спросил я.

— Да, — заверил он. — Мошь магов была ужасающей!.. Видите, что натворили?.. Ничего, все восстановим.

Из леса выехала повозка, рядом Фицрой с почетным конвоем, жестикулирует так живо, что явно что-то продает. Нас увидел, но подъезжать не стал, во всяком случае, двигался рядом с повозкой.

Та остановилась на берегу, дальше разрушенный мост, а вырытые взрывами ямы уже засыпали и даже притоптали.

Лорд Краутхаммер выбрался из повозки первым, мы с Фицроем поглядывали на него с интересом: до чего же похож на Мяффнера, однако крупнее, лицо более жесткое, несмотря на тестообразность, а одежда так и вовсе вся усыпана золотыми бляшками и драгоценными камешками.

Он скользнул по нам безразличным взглядом, из повозки с кряхтением выбрался Финнеган, за ним Эллиан и Баффи, что предпочли бы выскочить первыми и помочь главе посольства, если бы не нарушение этикета.

— Наша Страмбла, — сказал Краутхаммер с гордостью. — Самая крупная река в этих землях!.. Идет через земли шести королевств!..

Я сказал Фицрою тихонько:

— Видишь, какая короткая? То ли из-под земли выбивается уже рекою, то ли притоки не просто притоки, а реки...

Краутхаммер все же услышал, метнул на меня короткий взгляд и тут же сказал Финнегану:

— Нас увидели, вон лодку отправляют. Уже скоро сядем за стол, выпьем вина, вспомним нашу молодость...

— Лодку? — спросил Финнеган опасливо. — Не перевернется? А то я плавать... в одежде... не совсем чтобы...

Краутхаммер захохотал.

— Перевернется? Лодка королевской гвардии? Ну вы и шутник, мой друг! Или вы так стараетесь бросить тень на выучку наших воинов?

Он изо всех сил старался не замечать разрушенного моста, но тот смотрел обвалившимся пролетом, словно гигантская пасть с наполовину выбитыми зубами, нельзя было не замечать, но Финнеган, Эллиан и даже Баффи старательно отводили взоры.

Судя по лицу Краутхаммера, он благодарен за такую чуткость, всяк жаждет показывать иностранцам только победные достижения, а тут прямо по дороге...

С той стороны берега в самом деле отчалила большая лодка с дюжиной гребцов в цветах королевской гвардии.

Лорд Краутхаммер сказал бодро:

— Как раз шестеро поместитесь с легкостью, а коней ваших перевезут отдельно.

— На плотях? — спросил Баффи.

— На плоту, — уточнил Краутхаммер и добавил на всякий случай, но мы все поняли, что это за случай: — Его величество король велел срочно изготовить большое количество плотов, чтоб каждый мог перевезти на

этот берег не меньше двадцати человек в полном вооружении.

— Благоразумно, — ответил Баффи. — Значит, все наши кони переправятся на одном плоту? Это хорошо, они не любят разлучаться.

Лорд Краутхаммер понял или не понял желание нижнедолинца уточнить грузоподъемность каждого плота в отдельности, но ответил достаточно уверенно, хотя я уловил нотку нерешительности:

— Да, конечно. Я вас понимаю! Кто коней не любит?

Финнеган, как мне показалось, тоже понял как вопрос Баффи, так и задержку с ответом у лорда Краутхаммера, а это симптоматично и говорит о многом.

Даже капитан Тревор не просто мелкий военачальник, посланный встретить нас и проводить в столицу, но и далеко протянувшееся щупальце секретной службы его величества, который возжелал начать прощупывание нас еще на дальних подступах к Иисору.

Лодка не идет, а мчится, дюжие гребцы гонят ее наперерез волнам с азартом, словно соревнуются с кем-то, а вблизи берега всего лишь подняли весла, и она проехала днищем по песку, взобравшись на сушу чуть ли не на половину корпуса.

Двое выскочили через борта на разные стороны и, крепко ухватившись за борта, молча ждали.

Финнеган сказал бодро:

— Люблю полноводные реки!.. Это тоже дороги.

Краутхаммер хохотнул:

— Только более дешевые.

— И безопасные, — добавил Финнеган.

Краутхаммер подобрал полы и грузно переступил через борт, за ним последовал Финнеган, а Эллиан и

Баффи поддерживали главу посольства с почтением, которое должно бы передаться и уламрийцам, следом перелезли сами, а мы с Фицроем взобрались в лодку последними.

Лорд Краутхаммер кивнул остающимся на берегу всадникам эскорта, они быстро соскользнули на землю, ухватились за нос лодки и ее борта, с силой потащили обратно в реку, а там толкнули напоследок, вбежав по колени в реку, с такой силой, что некоторое время она промчалась, разрезая волны, по инерции, а потом гребцы опустили весла в воду, развернули умело, все разом табаня правыми и загребая левыми, и лодка пошла к берегу, где победно возвышается блистательный Ииссор.

Финнеган, похоже, здесь не бывал, всматривается очень внимательно, Эллиан и Баффи тоже вытянули шеи, только Фицрой смотрит так спокойно, что я в который раз подумал: а кто он? Просто умеет держаться невозмутимо или насмотрелся на города и покруче?

На этом берегу лодка не выползет брюхом на берег, уже видны на причале крепкие рабочие с закатанными рукавами, готовые ухватить лодку и держать крепко, пока пассажиры переберутся на дощатый помост.

Лодка еще двигалась, а вдали из городских врат показалась целая толпа богато одетых придворных. Мы поднялись один за другим на причал, придворные явно спешат навстречу, что-то не рассчитали со временем, либо им сообщили поздновато.

Краутхаммер дождался, когда приблизятся, сказал уверенным голосом благополучного во всем хозяина:

— Лорд Блэквайпер, счастлив представить посольство королевства Нижние Долины!.. Глерд Финнеган, перед вами сам лорд Фрекас Блэквайпер, глава коро-

левского отдела по связям с нашими соседями и первый помощник его величества короля Антриаса!

Глерд Финнеган учтиво поклонился, как и лорд Блэквайпер, некоторое время рассматривали друг друга с предельной вежливостью, затем Блэквайпер произнес так мягко, что я ощутил, как глажу по спине толстую мохнатую кошку:

— Добро пожаловать в Иссор. Сейчас для вас готовят комнаты, а пока доберемся, будет накрыт и стол.

Финнеган сказал польщенно:

— Мы еще не успели проголодаться!

— Стол не только для еды, — возразил Краутхаммер с мягким упреком. — А общение умных и цивилизованных людей за кубком вина, а неспешные разговоры о вечных ценностях на веранде дворца, глядя на пылающий закат двух солнц?

Финнеган засмеялся, ухватил его под руку, и они пошли впереди всей группы, а я, стараясь не выделяться манерами, украдкой рассматривал Иссор, что еще больше поразил размахом и величием приближающихся дворцов. Правда, вон там дальше вправо и слева окраины тонут в нищете и грязи, в Санпринге такого нет, но, с другой стороны, эти лачуги рассыплются, на их месте построят другие, что потом тоже исчезнут без следа, а вот эти величественные дворцы останутся на века.

— Кто помнит о лачугах? — пробормотал я. — Смотрим на версали, бергли-хаусы, сан-суси и прочие эдинбурги...

Фицрой услышал, повернул на ходу голову, глаза заблестели живейшим интересом.

— Какое-то заклятие?

— Да, — ответил я. — Пытаюсь понять, что приоритетнее.

— И как?

— Еще не понял, — признался я. — Я за величие...

Он спросил невинно:

— И его цену?

Я насторожился, повернулся к нему так резко, что едва не перекрутился в поясе, даже вроде бы защемил какие-то кишки.

— А ты откуда знаешь?

Он посмотрел на меня в изумлении.

— Так это же очевидно. И все над этим думали. Ну, не простолюдины, конечно, а мудрецы вроде меня. Ну, не совсем меня, а моего деда. Стоит ли строительство величественнейшего дворца невероятных усилий, сотен смертей, тысяч разоренных и умерших от голода?..

Я спросил осторожно:

— И к чему он пришел?

Он криво усмехнулся.

— Сказал, что все в зависимости от.

— От чего?

Он горько усмехнулся.

— А вот этого и не сказал.

Я сказал со вздохом:

— Город просто... даже не знаю. Люблю величественное. Пусть даже построено на крови... даже на большой крови. Но я вообще-то предпочитаю верить, что все это построено на одном энтузиазме, с песнями и ликованием. И никто себе даже пальчик не прищемил.

Наши радушные хозяева все-таки, как я заметил, прислушиваются, как и о чем говорим, как на что смотрим. Для того наверняка и провели пешком, пусть тут и недалеко, но можно бы и на повозке, если уж поскорее за пиршественный стол...

Глава 10

Финнегану отвели отдельную комнату, Эллиану и Баффи — одну большую на двоих, где три постели, большой стол и куча стульев у стен, а также огромный камин, а нам с Фицроем выделили нечто вроде наскоро убранного от мусора чулана, где две кровати с трудом поместились под стенами, проход между ними едва-едва.

Я поморщился, но Фицрой беспечно отмахнулся.

— Ерунда! Мы что, не ночевали вовсе в лесу?

— Там птички, — возразил я. — Чирикают.

— А тут женщины, — напомнил он. — Щебечут.

— Уже кого-то присмотрел?

Он негодуя фыркнул.

— Что значит «присмотрел»? Уже и договорился. Так что храп твой слушать будет некому.

Я изумился:

— Когда ты успел? Почему я ничего не слышал?

— А язык взглядов? — поинтересовался он. Ты что, в самом деле его не знаешь? А условные знаки? А на какое ухо шляпа надвинута?.. Что, в самом деле?

— Я человек простой, — сказал я пристыженно, — из медвежьего угла, таких тонкостей мое образование не позволяет.

— Ха, — сказал он саркастически, — тогда бы... Ладно, вон уже зовут на ужин. Пойдем, здесь хорошо накормят.

— Откуда знаешь?

— Престиж, — напомнил он напыщенно. — Король должен выдавать величие во всем. А за столом величие виднее всего!

— Чего вдруг?

— А ты не понял?

— Не, — ответил я. — Я же человек простой...

— ...а еще из медвежьего угла, — подхватил он. —
Надо бы как-то посмотреть на твой медвежий угол.
В общем, пир будет еще тот. Обещаю, хоть я и не Ан-
триас.

Дверь без стука распахнулась, на пороге возник Эл-
лиан. Не глядя ни на меня, ни на Фицроя, объявил в
пространство:

— Глерд Финнеган велит вам зайти немедленно к
нему.

Я спросил испуганно:

— Что-то случилось?

Он посмотрел на меня надменно и ушел, оставив
дверь открытой. Я оглянулся на Фицроя.

— Чего это он?

Фицрой пожал плечами.

— Зайдем, узнаем. Аппетит нам, думаю, не испортит.

— Нам ничто не испортит, — подтвердил я, но сер-
дце екнуло. — А вот мы можем.

Эллиана в коридоре уже нет, словно он, едва скрылся
из виду, сбросил важность и бежал во всю прыть, пока ему
не испортили как аппетит, так и что-нибудь еще...

Финнеган оглянулся на стук двери, у него в комнате
Баффи и Эллиан, последний еще не успел сесть, Фин-
неган сказал нам властно:

— Раз уж мы все в посольстве, то должны вести себя
соответствующе. Первое — рот на замок. Никто из вас
ничего не говорит. Говорю только я, а в исключитель-
ных случаях — глерды Эллиан и Баффи. Вам же двоим
надлежит отвечать, что вы только слуги.

Фицрой пожал плечами, я ответил зло:

— Мы не слуги, вам это ясно.

— Но необходимость, — возразил Финнеган.

Я прервал:

— Простите, глерд, но не люблю, когда наезжают. И не надо мне тыкать в глаза своей знатностью рода, я повидал и более знатных, если вы еще не поняли.

Он повысил голос:

— Глерд!.. Я забочусь об интересах королевства. Лишнее слово может обрушить все. Мы прибыли для того только, чтобы передать королю Антриасу желание королевы уладить дело миром!

Я заметил зло:

— Для этого достаточно было отправить простого гонца на быстром коне...

Финнеган охнул, замолчал, не находя слов, а Эллиан сказал, морщась так, будто хлебнул вместо сладкого вина старого уксуса:

— Глерд, вам лучше молчать, когда не понимаете. Для короля было бы оскорбительно получить письмо, переданное простым посыльным. Такое должны делать наиболее уважаемые люди. Наиболее, если вы еще не поняли!

Баффи вздохнул, сказал с укоризной:

— Глерд... я не знаю, зачем ее величество прикрепили вас к посольству, но мне кажется, королева сделала ошибку.

Финнеган посмотрел на одного, на второго, вперил в меня злой взгляд.

— Глерд Юджин!.. Покиньте эту комнату и займитесь чем-нибудь попроще. Если вы что-то умеете. Но я запрещаю вам общаться с придворными и даже слугами в этом дворце!

— Мудро, — сказал Эллиан, он старался, чтобы это звучало как констатация, но подхалимаж вылез, как свиная шкура из-под позолоты. — И очень своевременно.

Я отступил на шаг, отвесил холодный поклон.

— Хорошо. Но я сообщу королеве, что вы, вместо того чтобы сделать все для предотвращения войны, просто передали ее письмо, а потом только пировали и развлекались. Будьте здоровы.

Я повернулся, кивнул все еще пребывающему в ступоре Фицрою и пошел к двери быстрыми шагами.

Когда уже взялся за дерную ручку, услышал за спиной злой голос Финнегана:

— Вернитесь и сядьте!

Я дернулся, правильное было бы в самом деле вернуться, но злость бурлит, меня унизили, я ответил резко:

— А не опоздали вы с приглашением сесть, высокочтимый глерд?

И вышел, хлопнув дверью, только в коридоре сообразил, что это я сам что-то занесся или меня занесло, как говорят, когда хотят чуточку оправдаться, дескать, это не я лично, а меня... сам я как бы не виноват вовсе. Ладно, возвращаться тем более глупо.

Фицрой вышел следом, сказал обвиняющее:

— Ты мне чуть нос не прищемил!.. Взбесился, что ли? Старики, чего с них возьмешь.

— Эллиан и Баффи не старики, — возразил я. — Ладно, пошли отсюда.

Он придержал меня за рукав.

— Не туда. Пойдем сразу в зал, где готовится пир.

— Сядем первыми, — предложил я, — и все пожрем?

Он захохотал.

— Все не пожрем...

— Так понадкусуваем, — сказал я твердо. — Противнику нужно наносить ущерб везде, особенно в экономике.

В зал не пустили, там только накрывают столы, а то в самом деле понадкусуваем, это в Уламрии люди как люди, а везде дикари какие-то, зато мы, побродив по соседним залам, смогли еще точнее оценить уровень могущества короля Антриаса.

И снова я с неохотой ощутил странную правоту этого свирепого короля. Да, постройка такого дивного дворца обошлась в ограбление половины населения, а все украшения и богатства, свезенные в залы и размещенные где в нишах, где на стенах, а где и прямо на колоннах — потрясают воображение изяществом, выдумкой и мастерством исполнения.

В королевстве Нижних Долин, я бы сказал, демократия, то есть у всех есть права, в которые не позволено лезть даже королеве. Потому и глерды в своих высоких замках чувствуют себя мелкими королями, и старосты в деревнях, и даже крестьяне, потому что твердо знают: старосту как выбрали, так и снимут, у благородных глердов тоже связаны руки обычаями и законами, и даже королева не может распоряжаться в королевстве, как в своем огороде, потому что огород этот общий и у всех есть на него права.

Все великие произведения искусства, напомнил я себе, создавались именно в эпохи жестокого единовластия и подавления свобод. Если для расцвета искусств и науки так уж важна железная хватка короля на горле демократии... то я в затруднении. Все-таки я демократ до мозга костей, как бы ни ржал над вывихами демократии, но когда вот такое зияющее противоречие, то даже не знаю, что выбрал бы...

Хотя, конечно, знаю. Если я простолюдин, то я за демократию, а если знатный глерд, даже очень знатный, то я, естественно, за расцвет искусства и науки, непонятных тупому простолюдинству, хотя среди них, гово-

рят, тоже попадают люди, но редко, настолько редко, что в государственных интересах этой ничтожной величины можно пренебречь. Лес рубят... и так далее. А лес рубить нужно!.

Фицрой ткнул меня в бок.

— Что ходишь, как сыч?.. Тут такие женщины...

Я вздохнул.

— Кто о чем.

— А ты о чем? — спросил он заинтересованно. — Что-то еще интересное?

— Я из медвежьего угла, — напомнил я. — Мне здесь все интересно и волнительно. Я потрясен и вздрогнул!.. Такая красотища!.. Хотя да, я согласен с тобой, главное — человек.

Он посмотрел с подозрением.

— Как-то не так говоришь.

— В чем?

— Выражение не то.

— Слишком честное? — спросил я. — Да, я такой. Главное — человек!.. Все так говорят, потому что так говорить принято в правильном и скучном обществе. Главное — человек! Хотя мы все знаем, что это не совсем так, а даже совсем не так...

— Смотря какой человек? — спросил Фицрой.

— И кто он за, — уточнил я. — Как бы вот. Ты посмотри вон туда, ну разве не прекрасно...

Он посмотрел, облизнулся.

— Ты прав. Особенно вон та, с вот такими... Пойдем! А то сам пойду и тебе сосватаю. Обоих.

— Ни за что, — сказал я решительно. — Иди-иди. А я намерен умереть девственником. Вообще-то я указывал на статуи вон тех странных зверей...

Он переспросил:

— Странных? Что в геглогах странного?

— Да позы какие-то, — ответил я поспешно. — Надо бы поестественнее.

— У геральдики свои законы, — ответил он и, дотаскив меня к намеченным женщинам, сказал бодро: — Леди, это мой лучший друг, но он такой застенчивый, что если не схватите его крепко, тут же убежит от не свойственной мне робости...

Женщины посмотрели на него с интересом.

— О, — сказала одна, — тогда я лучше схвачу вас, хорошо?

— И я, — проворковала другая, — тоже схвачу... так схвачу.

Я пробормотал с облегчением:

— Ну вот, Фицрой, доигрался. Так тебе и надо. А я пошел, пошел, отвергнутый и печальный.

Одна из женщин сказала весело:

— Мы вас не отвергаем.

— Нет, — сказал я твердо, — я поэт, а нам, поэтам, нужно быть отвергнутыми, чтобы рождались божественные строки, рожденные скорбью и талантом нежно ранимого сердца. А поэзия, она тоже, знаете ли, женщина, и ревнива...

Не слушая, что скажут, женщин никому переговорить еще не удавалось, я поклонился и пошел рассеянно и печально, поэт все-таки, на всякий случай взор поднял, чтобы не замечать людей, а любоваться красотой залов.

Прикидываться не приходится, король Антриас в самом деле меценат, архитекторов и художников собрал. Думаю, не только со всей Уламрии, но из соседних королевств тоже понаехали всякие гении, прослышав о щедрой плате.

Придворные на меня поглядывают с любопытством, я не особенно нижнедолинец, но в то же время видно,

что и не уламриец, а такое замечаяемо и привлекает внимание.

За все время увидел только одно знакомое лицо, лорд Краутхаммер идет собранный и деловой, сопровождает его некто из лордов помельче, даже не лорд, а так, лордик, но все же из благородных, лорд такого уровня, как Краутхаммер не может позволить себе держать в помощниках простолюдина, а это помощник, а не спец. Я теперь такие вещи замечаю, сам почти спец, а то и спец, расту не по дням...

Краутхаммер, оказывается, все видит и замечает, хотя я остановился, он скользнул по мне взглядом, коротко улыбнулся и, резко изменив траекторию движения, подошел, уставился в меня очень живыми глазами из-под толстых набрякших век.

— Глерд Юджин?..

— Да, — ответил я настороженно и уже пугливо, есть чего пугаться в этом королевстве, — да, ваше лордство...

— Капитан Тревор, — сказал он доброжелательнейшим голосом, — обронил о вас пару лестных слов, а я, сами понимаете, по своей должности просто не могу быть слабо заинтересованным... или незаинтересованным... Дженкинз, вы идите, я вам уже рассказал подробно, что делать и как делать.

Его помощник поклонился, мазнув по мне недружелюбным взглядом, отступил, а Краутхаммер взял меня под локоть и настойчиво повел через зал, потом еще через зальчик поуже, следом совсем узкий коридор и, собственноручно открыв дверь просторного кабинета, завел меня вовнутрь.

— Здесь я иногда отдыхаю, — сообщил он. — Но иногда работаю. Когда как.

Я огляделся, сказал вежливо:

— Здесь уютно.

В кабинете в самом деле уютно, мебели минимум, а та, что есть, диван, стол и полдюжины кресел с мягкими сиденьями, располагает к расслабленной мирной беседе.

— Вон там на полке, — сказал он, — кувшин с великолепным вином из Опалоссы!.. Достаньте пару кубков, а я пока сяду, что-то уставать начал часто.

Я достал кувшин и кубки, налил ему и себе. Он наблюдал за мной из-под приспущенных век, а когда я остановился и взглянул с вопросом в глазах, он махнул рукой.

— Поставьте на стол и садитесь, юноша.

Я послушался, весь из себя скромность и внимание, поклонился и не сел, а присел на самый кончик стула, всем смиренным видом показывая, что безмерно ценю такое расположение и моментально вскочу, как только, так сразу.

— Мы знаем практически всех членов посольства, — обронил он. — Кроме вас. Вы человек новый.

Я скромно поклонился.

— И еще глерд Фицрой.

Он небрежно отмахнулся.

— Капитан Тревор сообщил, что ваш друг просто... ваш друг. Он в посольстве роли никакой не играет, верно? Да вы пейте, не стесняйтесь! Вино в самом деле прекрасное.

Он сделал большой глоток из своего кубка, довольно вздохнул и некоторое время сидел с полужакрытыми глазами. Я пил мелкими глотками, я же сам мелкий, так положено, а он наконец открыл глаза, я тут же сказал скромно:

— Я тоже пока не играю никакой роли. Для меня великая честь быть допущенным в такие верха. Видимо,

я очень много учился, много работал... вот меня и заметили.

Он коротко усмехнулся.

— Да-да, это знакомо. Взобравшись наверх, знатные глерды тут же подбирают толковых подчиненных, чтобы делали всю работу. А награды будут получать начальники.

— Они заслужили своей долгой работой, — ответил я лицемерно. — Когда-то дослужусь и я.

Он улыбнулся благонамеренным речам, сделал еще глоток, уже неспешно и со вкусом.

— Капитан Тревор поведал мне о вашей рассудительности и зрелом взгляде на вещи. Это похвально! Знали бы вы, среди каких родовитых глупцов приходится вращаться при дворе!..

— Ох, — сказал я испуганно, — только не переоценивайте меня.

Он улыбнулся, не спуская с меня испытующего взгляда, я скромно опустил глазки.

— Переоценивать опасно, — произнес он, — недооценивать чревато... Чревато в том, что потеря хороших работников — это не просто экономические потери. Это вообще потери... самые разные. Вам ведь не хотелось бы затеряться в мире знатных и навсегда остаться на вторых, а то и третьих ролях?

Я ответил смиренно:

— Я уже вознесен высоко. Я не тружусь в каменоломне, а помогаю знатным глердам в их работе. Я счастлив.

Его улыбка стала шире, а в глазах появился тот огонек, что яснее ясного говорит: бреши-бреши, но меня не обманешь, я всего повидал и таких обормотов вижу насквозь.

— Глерд Юджин, — произнес он с сочувствием, — вы молоды и наверняка жаждете славы. Так ведь?

Я ответил осторожненько:

— Старшие решают, когда что заслужил. Им виднее.

— Да, — согласился он, — мудрый ответ. Но вы сами догадываетесь, в таком тихом болоте, как королевство Нижних Долин, ну что можно совершить такого, чтобы вас заметили?

Я пробормотал:

— Знаете ли, мне это часто приходило на ум.

— Вот-вот, — сказал он уже бодрее, — это таскать крестьянок на сеновал да гоняться по лесам за оленем, пока не придет старость. И вся жизнь пройдет как один день! И вспомнить будет нечего. Кроме разве что вот такого прекрасного вина! И этого разговора.

— Увы, — ответил я со вздохом, — все так живут.

— Но вы можете жить иначе! — воскликнул он.

Я посмотрел с испугом и надеждой.

— Но... как?

— Взгляните на меня! — сказал он. — Я родился в таком захолустье, что вспомнить страшно. Мои родители считались благородными лордами, но по бедности жили как и крестьяне на их землях. Да и крестьян тех было всего две деревушки. Я когда увидел Ииссор, ошалел так, что неделю не мог закрыть рот.

— Я тоже ошалел, — признался я. — Даже после Санпринга впечатляет. Хотя Санпринг — не просто город, а столица королевства.

— О чем и говорю, — сказал он с жаром. — Сейчас я один из советников короля, у меня два дома в городе и огромное имение в пригороде. Я богат, уважаем и, что главное для мужчины, у меня огромные возможности влияния!

Глава 11

Я вздохнул, стараясь, чтобы мои зависть и восхищение сплелись в единый клубок и выглядели предельно естественно. Он взглядом указал мне на кубок, я допил, его полон до половины, так что я долил только себе.

Он все еще ждал, я сказал потерянно:

— Вам повезло... Да что там повезло, это ваши ум и настойчивость принесли вам эти успехи!.. Вы пример, лорд Краутхаммер, как нужно жить в этом мире.

Он польщенно улыбнулся.

— Ваши слова говорят о том, что понимаете суть... Мне кажется, такому, как вы, молодому и амбициозному молодому человеку должно быть тесно в крохотном мирке королевства Нижних Долин... и что вам просто необходим дальнейший рост!

— Да, — сказал я с жаром, — я всегда считал, что для расцвета королевств нужны свободный обмен людьми между королевствами, беспошлинная торговля, перемещение ремесленников в те регионы, где лучше условия для работы!

В его лице что-то дрогнуло, взгляд изменился, но уже через мгновение он рассмеялся, хотя, как мне показалось, чуточку натянуто.

— Вы даже более амбициозны, чем я полагал!.. Это хорошо. Тогда я сразу скажу то, что собирался после разных дипломатических плясок, недоговариваний и намеков.

Я ответил настороженно:

— Слушаю со всем вниманием.

Он чуть понизил голос:

— Ваша карьера может быть даже более быстрой и успешной, чем у большинства здешних знатных отпрысков.

Я взглянул несколько испуганно.

— Это... как?

Он сказал еще тише:

— Вы уже догадались. Хотя вы и на нижней ступени в посольстве, но это даже хорошо. Вы неприметны, однако знаете многое. Нам потребуется знать о планах королевы, о членах ее Тайного Совета, их настроениях, кто чего добивается... В общем, нам для процветания просвещенного и свободного мира жизненно важно знать, что замышляют в соседних, менее развитых королевствах. Это, кстати, важно и для королевства Нижних Долин!

Я сделал большие глаза.

— Правда? Как?

Он снисходительно улыбнулся.

— Все королевства отгораживаются друг от друга пошлинами, да что там королевства, даже глордства!.. А это, как вы правильно сказали, тормозит развитие общества.

Я проговорил с неуверенностью:

— Но... король Антриас... гм...

Он сказал быстро:

— Знаю, что хотите сказать. Старается подмять под себя соседние королевства? Но, скажите честно, есть ли другой способ навязать другим королям открытие границ для свободной торговли и перемещения ремесленников туда, где им работать выгоднее?.. Это удастся только в рамках одного королевства!.. Потому нужно, чтобы это королевство стало как можно более огромным. И тогда все увидят преимущества жизни в таком бесконечном, открытом мире!

Я пробормотал:

— Вообще-то да... других путей не вижу.

— Их нет, — подчеркнул он.

— Никто, — сказал я с печалью в голосе, — не хочет поступиться добровольно хотя бы малостью для общего блага.

— Никто, — подтвердил он. — Для того и нужен король, чтобы мог отнять силой и дать обществу... например, тот же мост через Страмблу, великолепные дороги из камня, которые никогда не размоют дожди... Только сильная власть может создавать величие королевства, которое лучше всего оценивают только потомки!

— Да, — пробормотал я, — строителям моста придется наверняка несладко. Зато потом все будут счастливы. Даже те, кто его проклинал.

Он сказал все тем же голосом, почти небрежно:

— Вы умны, глёрд Юджин, и понимаете, что нужно вам и всему миру. К счастью, это совпадает. Потому для вас не будет большой неожиданностью мое предложение сотрудничать на благо мира и прогресса. Это не бесплатно, вы будете получать щедрую плату. От нас. Она втрое превысит вашу, а кроме того, вас ожидает вознаграждение за особо ценные сведения. Король Антриас щедр, когда дело касается интересов королевства!

Я сказал в затруднении:

— Королевства Уламрии...

Он сказал быстро:

— Понимаю ваше затруднение. Но так уж получилось, что именно Уламрия нащупала более верный путь. Что важнее, процветание общества или отдельных людей?

— Да, — ответил я дрогнувшим голосом, — короли обязаны совершать великое...

Он воскликнул:

— Именно! Нельзя просто жить и поживать. Нужно творить!

Я сказал осторожно:

— Только вот я знаю мало, вы это прозорливо заметили сразу... Да, королеве уже сообщили о скором вторжении армии Антриаса... простите, его величества короля Антриаса, потому она спешно принимает меры.

Он как-то весь подобрался, хотя не сдвинулся с места, но теперь выглядит как огромный массивный барс, готовый к прыжку, у которого под обманчиво толстой и мягкой шкурой стальные мышцы.

— Какие?

— Часть мер, — ответил я, — можно отнести к долговременным, это укрепление крепостей и замков на границах, что делалось в королевстве уже давно...

Он кивнул.

— Да, у королевства Нижних Долин оборонительная тактика, что в какой-то мере экономически выгодно. Противник тратит столько сил на взятие двух-трех крепостей, что обычно решает отказаться от продолжения войны. Но не в этот раз. Но это касается общей стратегии, вы подбираете очень точные слова, далеко пойдете!.. А как именно королева планирует встретить победное вступление армии его величества?

Я помялся, ответил с неохотой:

— Несмотря на указ королевы об искоренении магии во всем королевстве, сама она принимает, какой стыд, сильных магов на службу. В последние дни, работая без сна и отдыха, они сумели расширить защитный магический купол до размеров города!

Он дернулся.

— Что?.. Это новость...

Я сделал вид, что не заметил прокола, хотя, может быть, он намеренно дал понять, что у них есть и другие источники информации.

— Я слышал об этом перед отъездом сюда, — пояснил я. — Королева очень обеспокоена, потому что удастся защитить только Санпринг, но глерды Иршир и Мяффнер убеждали ее, что зато можно в городе держать большое войско и делать внезапные вылазки... Правда, советник Мяффнер возражал, что для войска потребуется большое количество провизии, а для коней — овса и сена. В городе таких запасов нет, а если начинать свозить их сейчас, то все равно надолго не хватит...

Он пробормотал:

— Мяффнер мудр и умеет заглядывать далеко вперед. А как настроение в армии?

Я ответил брезгливо:

— Будут сражаться до последнего воина. Пока жива королева.

Он поморщился.

— Да, эта дикарская верность... Что насчет Улучшателя?

Я насторожился, показалось, что смотрит как-то слишком внимательно.

— Это простой парняга из деревни, — ответил я с пренебрежением. — Его взяли во дворец из каменоломни, представляете? А загремел туда то ли за воровство, то ли за грабеж... Он что-то там уллучшил по мелочи...

Он спросил быстро:

— А в военном деле? Не пробовал?

Я покачал головой.

— И не пытался. Но советники королевы тут же приспособили его решать какие-то воинские проблемы. Сказали, что настоящий Улучшатель должен сперва для армии, потом для королевства, а в конце можно и для себя. Если что-то останется.

— И... как успехи?

Я отмахнулся.

— Вроде бы никаких. Но вот химеры...

Он насторожился.

— Что химеры?

Я ответил с неуверенностью в голосе:

— Там что-то совсем уж тайное... Я случайно услышал, что королева... нет-нет, не королева, но от ее имени кто-то из ее советников привлекает их на службу... Разумеется, тайно.

Он отшатнулся, предельно шокированный.

— Химер? Это невозможно!

— Да, — согласился я, — братство их вылавливает и уничтожает всюду. Но какие-то все-таки уцелели... Поговаривают, что их посылали вдогонку за похищенным королевским лекарем Рундельштоттом. Не братство, а химер, как вы уже поняли.

Он вздрогнул, застыл на мгновение. Я тихо-тихо ждал, что он решит, наконец он проговорил:

— Это многое объясняет в том странном... гм... Химер нужно истреблять, у некоторых слишком много мощи... Опасной для нас, людей. Но, гм, королева Орландия...

Он умолк в затруднении, подумал, взглядом велел мне позаботиться о его кубке. Я мигом и с почтительнейшим видом наполнил, он сделал пару неглубоких глотков.

Я ханжески поджал губы и сказал осуждающим тоном:

— Видимо, она в отчаянии. Потому и хватается за такое недостойное правителя решение. По-моему, достойнее красиво погибнуть, чем принимать помощь недостойных человека, расово чуждых существ. Я, знаете ли, патриот королевства, но все же общечеловеческие ценности должны быть выше, чем сиюминутная выгода...

Он покосился на мое глупо-самодовольное лицо, лицо человека расово чистого, ответил несколько принужденно:

— Да, конечно, вы безусловно правы. Нужно крепко стоять на морально-этических принципах, завещанных нам предками. Давайте сдвинем кубки и выпьем за наше сотрудничество для процветания не просто отдельных глердств, лордств или даже королевств, а нашего человеческого рода! Люди должны жить счастливо!

Он протянул кубок в мою сторону, они встретились над серединой стола со звоном. Я уже понял смысл этого ритуального жеста и выпил, как и Краутхаммер, стоя и до дна.

Когда Краутхаммер опустил кубок, то, не садясь, продолжил уже будничным голосом:

— Мы докажем, что ценим своих друзей и щедро им платим. Глерд Юджин, если вы заглянете в казначейскую...

Я сказал испуганно:

— А если кто увидит?

Он хмыкнул.

— Вы умнее, чем смотрите. Молодость иногда выглядит так обманчиво... Конечно же, получите некоторую сумму на расходы в нашей столице... по дороге к казначейской. Пусть ваш отдых после работы будет приятным и... не слишком стесненным в средствах.

Я понял, что разговор окончен, поклонился и, отступив, вышел за двери. В коридоре пусто, но дальше анфилада залов, двор живет своей жизнью: придворные прохаживаются с важным и озабоченным видом, гвардейцы в полных доспехах застыли вдоль стен, слуги либо ждут приказаний у дверей, либо носятся по коридорам и лестницам.

Мне, как провинциалу, надлежит на все смотреть с раскрытым ртом, я так и сделал, рассматривая огромные барельефы в каменных стенах.

В какой-то момент ко мне подошел один из слуг, сказал почтительно:

— Вам чем-то помочь, глерд?

— Пустяки, — ответил я. — Просто осматриваюсь.

— Вам у нас понравится, — заверил он и пошел прочь, задев меня плечом.

Выругаться я не успел, зато ощутил в ладони увесистый мешочек. Торопливо сунул его за полу камзола во внутренний карман, чувствуя, как под моими пальцами передвигаются мелкие, но тяжелые диски из металла.

Никто не обратил внимания, слишком уж я мелкая сошка, а слуг вообще замечать не принято, дурной тон.

Фицрой отыскал меня в картинной галерее, так я назвал один из залов, ухватил за локоть.

— Финнеган послал, — объяснил он. — Пойдем быстрее!

— Куда?

— Скоро нас примет король, — ответил он.

— И нас с тобой?

Он ухмыльнулся.

— Финнеган так решил. Почему-то.

Финнеган с Эллианом и Баффи ждут подле одной из дверей, в нашу сторону покосились недовольно, Финнеган сказал холодно:

— Не отвлекайтесь, глерды. Мы с официальной миссией. На приеме быть обязательно, на пиру желательно, а потом у вас будет свободное время.

Эллиан уточнил:

— С полночи и до самого утра.

Фицрой сказал саркастически:

— Как любезно. Куда и девать такую уйму времени?

Баффи застенчиво улыбнулся, стараясь смягчить взаимную неприязнь, но сказать ничего не успел, Финнеган прошипел:

— Тихо всем!.. Ждем.

Я продолжал осматриваться, недоброжелательства к себе не чувствую, ибо сам не совсем чужок, а вот вражду бы или желание повредить ощутил, но мы большинству просто безразличны.

Редко-редко кто посмотрит с интересом, да и то чисто практическим: есть ли что-то в Нижних Долинах интересное для торговли или добычи минералов?

На той стороне зала появился высокий и чопорный мужчина, нацеленно направился к нам, я решил было, что церемониймейстер, что введет нас в зал приемов, но тот приблизился и сказал отрывисто:

— Королевский секретарь Гернер Ваддингтон. Прошу вас следовать за мной.

Финнеган сдвинулся с места первым, остальные послушно пристроились следом. В коридорах и залах, через которые нас повели, полумрак, я то и дело замечал в углах шепчущиеся парочки, и хотя издали вроде бы в рамках пристойности, но это смотря какие здесь рамки.

Гвардейцы с копьями возле каждой двери и даже арочного прохода из зала в зал, придворные двигаются все медленнее, голоса звучат тише.

Двери кабинета, где нас примет король, закрыты, перед ними двое стражей в ярких костюмах красного с золотым, но лорд Ваддингтон шел прямо к дверям, слуги отворили перед ним, и я понял, что там еще не кабинет короля, потому что ни трона, ни вообще стульев.

Лорд Ваддингтон повернулся в нашу сторону со строгим и напряженным лицом.

— Глерды, — произнес он, — король сейчас вас примет. И хотя вы люди новые, но, надеюсь, все знакомы с правилами этикета Уламрии?

Глерд Финнеган важно кивнул.

— Не беспокойтесь, лорд. Лорд Краутхаммер нам все пересказал, да и я уже бывал в составе посольств в ряде королевств. Хотя и не на главных ролях.

— Отлично, — сказал Ваддингтон сухо. — Ждите.

Мимо нас проходили важные персоны, перед ними распахивались двери и закрывались следом, а что в самом зале приемов, я рассмотреть не успевал, только всматривался и вслушивался, замечая к нам интерес чуть выше того, что был в общем зале, но не слишком.

Дверь распахнулась, Ваддингтон сказал быстро:

— Наша очередь.

Глава 12

Глерд Финнеган приосанился и пошел красиво и твердо, едва не чеканя шаг, как никогда не ходил в королевском дворце Орландии, где королевой была всего лишь женщина.

Эллиан и Баффи двинулись следом тоже чуть бодрее, чем у себя на родине, то ли хотят показаться королю Антриасу совсем не рохлями, то ли здесь вся атмосфера такая, насыщенная энергией.

Я шел последним, мне можно даже шаркать и горбиться, мелкая сошка, Фицрой идет бодрее, но тоже как бы не чувствует этот момент самым важным в жизни, скалит зубы и весело рассматривает народ.

Финнеган преклонил колени и смотрел снизу вверх на властно сидящего на троне короля Антриаса. Мы в

точности повторили его жест. Короля Антриаса я примерно таким и представлял, но все же только примерно, увиденное почти ужаснуло. Просто Иллиада какая-то, настоящий гигант, выше меня на голову, в полтора раза шире в плечах, и не просто шире, а это настоящие каменные валуны, обкатанные волнами и ветром, лицо как вырублено из камня, но красиво-мужественное, хищное, такие почему-то нравятся женщинам... да не надо это почему-то, понятно же почему, потому во мне сразу тихохонько взвыл питекантроп, оскорбленный тем, что не он альфа, а есть еще какие-то всякие, даже с виду альфее...

«Король-воин», — сказало во мне так громко, что я чуточку пригнулся, не услышали бы другие. Такому только идти впереди войска, видно как по могучей фигуре, так и по стремительно очерченному лицу с выступающими надбровными дугами, скулами и нижней челюстью. Шея толстая, как у столетнего дуба, а в плечах хоть и широк, но живот не нависает над поясом даже сейчас, в сидячем положении.

За троном двое придворных высшего ранга, что-то вроде канцлера и премьера, как я их определил, и двое гвардейцев, готовых в любой момент броситься на нас и растерзать в клочья.

Король окинул всех горящим взглядом, а когда заговорил, голос был похож на рык льва:

— Вы в моей стране, и я рад приветствовать вас всех!.. Ваш предшественник, глерд Миглер, прекрасно защищал интересы вашей страны, а вы, как я уверен, будете служить ей так же верно и достойно. Надеюсь, с вашим приездом отношения между нашими странами станут еще крепче и еще доверительнее.

Финнеган, Эллиан и Баффи слушали молча и со всем вниманием на лицах, время от времени наклоняли го-

ловы, подтверждая мудрые слова короля и соглашаясь с ним по всем пунктам, а мы с Фицроем, как фигуры совсем мелкие, просто таращили глаза на короля, и по нам видно, что впечатлены.

Финнеган сказал учтиво:

— Ваше величество, мы созерцали вашу прекрасную столицу, эту жемчужину Уламрии... и не находили слов от восторга!

Король Антриас посмотрел на него бешеными глазами.

— Это только начало расцвета! — прогрохотал он могучим голосом, и под сводами заметалось перепуганное эхо. — Клянусь, я сделаю Ииссор самым прекрасным городом в мире! И меня запомнят как великого короля!

Финнеган поклонился со всей учтивостью, не дрогнув под бешеным натиском.

— Ваше величество уже знают во всех ближайших королевствах...

— Узнают и в дальних, — пообещал Антриас. — Весь мир увидит величие Уламрии!..

Лорд Ваддингтон, что стоял неподвижно и слушал, сказал громко:

— И содрогнется под железной поступью ее сынов!

Антриас сделал вид, что не услышал неpolitкорректных слов своего государственного секретаря.

— Сейчас всех нас ожидает королевский пир, — сказал он, — это в вашу честь, глерд Финнеган, и ваших людей!

Ваддингтон сделал шаг вперед и провозгласил:

— Его величество король Антриас приглашает всех занять свои места в главном королевском зале!

Он взмахнул рукой, и тут же грянула музыка, естественно, только трубы, король поднялся во весь

громадный рост, а все в зале поклонились и с медленной величавостью ринулись к широко распахнутым дверям.

Я застенчиво пропускал всех впереди себя, на каждом крупно начертано, что это сама самая знать, а я кто, а когда вышел последний, и слуга, закрывающий двери, взглянул на меня с вопросом в глазах, сказал шепотом:

— У меня личное послание королевы к королю.

Его лицо не дрогнуло, словно личные письма королю приходят от королев пачками, коротко кивнул.

— Передать? Или...

— Я сам, — ответил я тихо.

Он кивнул.

— Ждите.

Глерд Финнеган с Эллианом и Баффи за все время даже глазом не повели в мою сторону, так что если вообще потеряюсь или с башни упаду спяну, не заметят, они — это они, а я — это я, ничего общего, потому я смирно ждал.

Через пару минут за мной зашли двое, оглядели внимательно на предмет спрятанных ножей.

— Глерд Юджин?

— Он самый, — ответил я.

— Вы уверены, что должны лично?

— Таково повеление.

Они переглянулись, один сказал негромко:

— Следуйте за мной.

Я промолчал, в этой ситуации чем меньше слов, тем выше их значимость, а отсутствие — так и вовсе золото.

Узкий коридор, в котором так хорошо держать оборону, вывел к кабинету короля, где по обе стороны выстроились слуги, посыльные и могучие гвардейцы.

Двери передо мной распахнули и вошли следом, но король Антриас, взглянув на меня внимательно, жестом велел всем выйти.

Когда дверь закрылась, спросил отрывисто:

— Что за послание?

Я медленно запустил пальцы за ворот и так же медленно вытащил двумя пальцами за самый уголок письма. Антриас следил внимательно, и, когда я подал ему на вытянутой руке, его лицо слегка разгладилось. На королей часто совершают покушения, и даже такой гигант должен быть осторожным.

Пока он читал, я рассматривал его внимательно, стараясь угадать слабые места. Если брать общенародную точку зрения, то сила — уму могила, но история знает ряд деятелей, что обладали немалой физической мощью, но также и умом, что не уступал ей ни в чем.

Он дышал все чаще, кровь бросилась в лицо, я видел, как он сдерживает в себе ярость, только губы задержались, а на меня посмотрел лютым взглядом, обрекающим на смерть.

— Почему, — прохрипел он так, словно волк, подавившийся костью убитого лося, — почему это письмо передано через вас?

Я ответил смиренно:

— Видимо, такую мелкую сошку потерять не жалко. А тайна дипломатической переписки будет сохранена.

Он продолжал сверлить меня лютым взглядом.

— И вы с этим смирились?

— Ваше величество, — ответил я еще смиреннее, — у меня нет богатой и влиятельной родни. А это значит, обречен всю жизнь вытирать полы за другими... если не выберу дорогу, полную опасностей, но где есть и добыча... и шанс на взлет.

Он жестко усмехнулся.

— Верная позиция. Большинство, конечно, гибнут... но уцелевшие получают частенько даже больше, чем надеялись. Что в письме, вам известно?

Я поколебался, ответил, уронив взгляд:

— В общих чертах. Потому что ее величество поручило мне, если вы поинтересуетесь, смиренно изложить точку зрения ее величества.

— Наказать, — произнес он с нажимом, — моя венценосная кузина просит, а на самом деле требует, наказать виновников похищения какого-то вашего лекаря... как его, забыл имя...

— Рундельштотт, — подсказал я. — Лекарь Рундельштотт.

— Да, — сказал он, — так мне и сказали недавно. Лекарь Рундельштотт. Но, как мне сообщили, все его похитители погибли? Их убили, как говорят, прямо на глазах городских стражей, что на башнях по эту сторону реки! Там, на той стороне моста!

Я ответил тихо и смиренно:

— Нам неизвестно, ваше величество, погибли или не погибли...

Он рыкнул:

— Но вашего колдуна увезли?

— Да, — подтвердил я. — Даже мост немножко попортили, но, ваше величество, разве важно, погибли они или нет?

Он процедил сквозь зубы:

— А что важно?

— Ваше величество, — сказал я осторожно, — наши глерды... как и любые на их месте, уверены почему-то, что эти простые ратники не сами придумали похитить Рундельштотта! Да еще и повезли его не куда-нибудь еще, а прямо в столицу!..

Он запнулся, ярость бушует в нем, однако снова удержал ее в руках и сказал так же хрипло:

— Это те ученики Рундельштотта... обрушили мост?
Я поклонился.

— Они хотели еще и башни снести в городе, но устроились гнева королевы... Она могла не одобрить такое своеволие. По ее мнению, короли неприкосновенны. А те исполинские башни могли... гм... к вам как-то прикоснуться. Или задеть при падении. Прическу испортить, если обрушиться на голову, или пылью запачкать...

Он нервно дернул щекой.

— Колдовство недопустимо для воина!

— Ваше величество, — напомнил я, — королева Орландия как бы не совсем воин, так как родилась, простите за непристойное слово, женщиной... Не знаю, хорошо это или плохо, вам виднее, но все мы знаем, что женщины немножко ведьмы еще от рождения.

Он взглянул остро, словно всадил в меня меч.

— Она знакома с чародейством?

— Не знаю, — ответил я откровенно, — но наверняка или знакома... или просто не слишком считается с правилами благородной войны. И если что-то начнется, то призовет не только чародеев...

— А кого еще? — спросил он резко.

Я развел руками.

— Ваше величество, я знаю только то, что знаю.

Он резко поднялся, в самом деле гигант, нрав бешеный, такой один пойдет против целой армии, но опомнился и снова сел, а на меня посмотрел уже внимательно.

— Постойте, глерд... Лорд Краутхаммер сказал, что вы сообщили ему нечто о химерах...

Я поклонился.

— Лорд Краутхаммер был очень щедр...

— Я могу быть еще щедрее, — прервал он.

— Ваше величество, — сказал я скорбно, — королевой у нас женщина, увы, все это знают. А женщины такие неразборчивые в средствах...

— Ну-ну?

— Да, — ответил я неохотно и как бы стыдясь за королеву, — у женщин нет того внутреннего благородства, которое выделяет из толпы животных нас, мужчин. Поэтому у женщин развязаны руки. Они могут воевать совсем не по правилам... По ее распоряжению на службу приняты очень могущественные химеры.

— Какие?

Я ответил сдержанно:

— Я видел только одну, что умеет становиться невидимой. Для нее ничего не стоит проникнуть в королевский дворец и убить любого человека.

Он вздрогнул, мне показалось, что насторожился и хотел посмотреть по сторонам, но удержался.

— Это недопустимо!

— Точно, — подтвердил я. — Но королева никогда не пришлет сюда химеру, так как, по ее мнению, короли и королевы должны быть неприкосновенны. Других можно, а королей нельзя.

Он перевел дух, стараясь делать это незаметно.

— Да, это священный принцип коронованных лиц. И соблюдаем.

— Пока соблюдаем, — подтвердил я. — С другой стороны, она женщина, а женщин кто поймет? Я их вообще боюсь. Бывает, ничего обидного и не сказал, а уже готова глаза выцарапать. Мы, люди, в смысле — мужчины, понятнее. Предсказуемее. Мы даже когда воюем, у нас все в рамках правил. Понятных тем и другим.

Он спросил резко:

— Этого вашего лекаря... освобождали химеры?

Я пожал плечами.

— Говорят, его ученики, но если вы знаете, что он за лекарь... то догадаетесь, что у него за ученики.

— Наслышан, — прервал он.

— А с такими людьми, — закончил я, — люди они или не совсем люди, как-то неприятно... Выжечь бы их всех, ваше величество!.. Мир людей должен быть чист. Даже если у Рундельштотта в учениках люди, то не слишком отличаются от проклятых химер! Я как-то видел одну гору неподалеку от Санпринга, что исчезла, словно ее корова языком слизнула. Поговаривают, ученики Рундельштотта испытывали какое-то заклинание... Королева, когда узнала, сразу запретила.

Он сказал зло:

— Это правильно, но запоздало.

— Да, — ответил я почтительно, — воевать нужно только по правилам! Думаю, и королева это понимает. А прибегать к химерам — подло и недостойно. Разве что в самом крайнем случае, когда все рушится... Но и тогда настоящий мужчина не станет цепляться за такое!

Он всхрипнул, как конь, которого остановили на полном скаку. Некоторое время раздумывал, затем сделал нетерпеливое движение кончиками пальцев, словно отгоняя ползающую по фаланге муху.

Я поклонился, для дипломата любое движение короля не должно оставаться незамеченным, поклонился и попятился к двери.

Глава 13

Краутхаммер в коридоре прохаживается вдоль противоположной стены, но, увидев меня, быстро развернулся, впери́л в меня острый взгляд.

— Глерд?

Я вежливо поклонился.

— Благородный лорд, я был удостоен аудиенции его величеством.

— Вижу, — буркнул он. — Похоже, вы должны были передать некое тайное послание? Ладно, это не мое дело. На минутку, глерд...

Я послушно прошел за ним в небольшую комнатку, он кивнул мне на стул, сел сам и сказал быстро:

— Там уже начинается пир, уж не буду вас задерживать слишком.

— Это так любезно, — пробормотал я, — но общение с вами дороже любого пира.

— Хорошо сказано, — одобрил он. — Грубая лесть нравится нам тоже. Хочу просто сообщить, что его величество не планирует захватывать королевство Нижних Долин. И не планировал.

Он посмотрел остро, ожидая моей реакции, я пробормотал:

— Это... просто... как-то не укладывается...

— И не должно, — сообщил он. — Его величество преследует гораздо более амбициозные цели. Смотрите, за Нижними Долинами располагается королевство Дронтария. Чем оно ценно? Дронтария выходит к морю!.. Теплому, обильному, богатому рыбой и возможностями посылать корабли в другие королевства.

Я спросил с интересом:

— А его величество король сумеет одолеть Нижние Долины и Дронтарию?

Он усмехнулся.

— Его величество, когда выведет всю грозную армию на границу с Нижними Долинами, обратится к королеве Орландии с необычным посланием.

— Слушаю со всем вниманием.

Он покосился на меня с некоторым неудовольствием, а я напомнил себе, что не должен, не имею права говорить с ним как равный с равным.

— Его величество намерен просить, — произнес он и повторил с нажимом, — именно просить!.. — свободного прохода через Нижние Долины на границу с Дронтарией.

Я широко раскрыл глаза.

— Свободного прохода... как я понимаю, не для купцов, а для его армии?

Он кивнул.

— Вы все понимаете правильно. С первого раза.

— Полагаете... это возможно?

— Со стороны короля, — поинтересовался он, — или вообще?.. Король обратится с такой просьбой, он уже сообщил нам... в узком кругу. Хотя для такого короля, как наш, просить чего-то всегда унижительно, однако в случае, когда на границу выйдет вся его армия...

Он сделал паузу, я пробормотал:

— ...то это уже не просьба. А королева Орландия, полагаете, согласится?

Он развел руками.

— Советники короля пока спорят насчет ее решения. Разумнее было бы для королевы согласиться на его... гм... просьбу, однако границы разумности весьма широки. Согласившись на предложение короля Антриаса, она потеряет уважение своих воинственных глердов...

— Потому король готов к обоим вариантам ответа?

— Именно, — сказал он и повторил: — Именно готов. Вы хорошо формулируете.

— Но вариант с войной, — сказал я, — затруднит для короля вторжение в Дронтарию.

— Почти не затруднит, — сообщил он. — Король не намерен осаждать замки. Даже мимо Санпринга прой-

дет, не пытаясь его захватить. Пусть войска королевы укрываются в замках, пусть!.. Когда будет повержена Дронтария, королевство Нижних Долин окажется зажато между Уламрией и Дронтарией. Полагаю, тогда советники уговорят королеву стать более... сговорчивой.

Я пробормотал озадаченно:

— Да, это самая разумная стратегия...

Он посмотрел на меня внимательно.

— Ссылаться ни на кого не нужно. Просто вам удалось добыть эти сведения... с трудом удалось!.. И вы торопитесь сообщить королеве. За что, естественно, от королевы получите щедрое вознаграждение.

Я хотел сказать, что да, хороший план, но вовремя одернул себя, я не в том ранге, чтобы одобрять или не одобрять слова и решения вышестоящих лиц.

— Да, — произнес я скромно, — так все и скажу.

Он неожиданно усмехнулся.

— Вы все правильно понимаете. Я уверен, у вас блестящее будущее.

Я поклонился.

— Вы меня переоцениваете.

— Ничуть, — ответил он. — Это моя работа — правильно оценивать людей и понимать, что они могут. Думаю, определенные круги в Нижних Долинах вас тоже оценивают выше, чем просто родовитые вельможи. Как вы догадываетесь, я уверен в вашей проницательности, в Нижних Долинах есть наши люди, что вовремя сообщают мне... новости. Уверен, они скажут, что вы с честью выполнили все поручения. Все, отпускаю вас на пир, ха-ха!.. Пока там все не сожрали и не выпили все вино... Шучу-шучу, у его величества никогда столы не пустеют.

Я поклонился с превеликим почтением и торопливо вышел. Со стороны главного зала уже доносится музыка, странно мелодичная, почти нет труб, много струнных, точно репертуар выбирал не сам король Антриас.

Через широко распахнутые двери открылись залитый светом огромный зал, три ряда длинных столов, мирно бедующая вельможная знать, которую не удивить даже королевским изобилием и самыми изысканными винами. Во всяком случае, все делают вид, что у них дома не хуже.

Слуги с кувшинами вина вдоль стен следят за быстро пустеющими перед гостями кубками, по первому же знаку бросаются их наполнять, а кому-то наполняют и без сигнала, уже знают таких гостей.

Фицрой ест и пьет за двоих, дальше от него Баффи, Эллиан, а последним Финнеган, он ближе к головной части стола, все четко расписано по рангу и родovitости.

Мое появление заметил только Фицрой, хотя другие заметили тоже, но не заметили, кто я такой, чтобы замечать такое, неизвестно зачем прицепленное к посольству из благороднейших глердов.

За нашим столом кубки серебряные, как и блюда, искуснейшей выделки, украшенные золотым орнаментом, каждый является произведением искусства, я чувствовал себя так, словно сию в Эрмитаже и пользуюсь музейной посудой.

Фицрой подмигнул.

— Уже успел?

— Я такой, — ответил я осторожно.

— Выбрал ту, что с вот такими?

— Нет, — сказал я, — с вот такими... И здесь вот так...

Он с интересом проследил за круговыми движениями моих рук, редкий мужчина возьмется описывать

изысканную и утонченную женскую красоту без таких вот поясняющих жестов.

— Ого, — сказал он с уважением, — я такую и не приметил! А то бы перехватил. Ну и глаз у тебя...

— Наметанный, — сообщил я скромно.

— Я бы даже от этого вина отказался, — сказал он с чувством. Сделал глоток, подумал. — Или не отказался?.. Нет, если с такими, то отказался бы... От вина отказался. Женщины пьянят меня больше и сильнее.

— Женщины, — сказал я, — еще то вино. Если, конечно, не кислое.

Он дернулся.

— Не напоминай! Если женщина кислая, то куда там уксусу!.. Стой, не бери то вино. Вот у того рыжего лучше, но он наливает только самым знатным лордам...

— Нечестно, — согласился я. — Сегрегация.

Он поднялся и, вперив в одного из слуг грозный взгляд, властным жестом указал ему на мой кубок. Слуга с явной неохотой отделился от стены, кувшин в его руках не глиняный, а из серебра, бережно наполнил мой кубок и, бросив на Фицроя взгляд, полный укоризны, вернулся на свое место.

Вскоре прогремели трубы, быстрыми шагами вошел король Антриас и сел в пустое кресло во главе стола. Веселье, прервавшееся на миг торопливым вставанием и поклонами, возобновилось с новой силой.

Я поинтересовался тихонько:

— А второе кресло, что рядом с королем... почему пустое?

— Наверное, — ответил Фицрой, — для королевы?

Баффи услышал, повернулся в нашу сторону.

— Он не женат, — сообщил он с чувством превосходства.

— Тогда для конкубины, — предположил Фицрой, он сразу оживился и ткнул меня в бок. — Видишь, твои мечты про вот с такими плакали...

— Почему это? — ответил я обидчиво. — Может быть, ему нравится что-то помельче...

Фицрой негодуяще фыркнул:

— Нет такого мужчины, чтобы... Или ты так шутишь?

— Конечно, — ответил я, — шучу. Но он ее уже бы посадил рядом, так что здесь что-то другое.

Он пожал плечами, снова кивнул слуге и указал теперь на свой кубок. Я с удовольствием пробовал незнакомые блюда, как вдруг трубы пропели особенно торжественно, появившийся в дверном проеме церемониймейстер мощно ударил окованным концом жезла в пол и провозгласил мощным голосом:

— Лорды и все гости его величества!.. Встречаем регента трона королевства Опалосса герцога Ригильта Лесного!

В зале все затихли, я видел остолбеневшие лица Финнегана, Эллиана и Баффи, даже Фицрой раскрыл рот. За столами наступила полная тишина, а трубы допели мелодию и умолкли с чувством исполненного долга.

Фицрой наконец проговорил медленно:

— Так вот оно...

Из-под стрельчатой арки в зал вошел и неспешно двинулся между столами высокий и жилистый мужчина. При всем обилии одежд видно по костистому сухощавому лицу, что крепок, лишнего мяса не носит, а только кости, мышцы и толстые жилы. Идет медленно, как и положено королям и вообще особам высшего круга, смотрит благожелательно, время от времени отвеча-

ет на поклоны легким наклонением головы, иногда чуть улыбается.

За ним небольшая свита, среди которых и пара знакомых лиц, уже видел их во дворце. То ли прибыли раньше, чтобы готовить встречу, то ли члены посольства Опалоссы при дворе Антриаса. Одного точно знаю по имени, это Крекен, помощник посла, что значит — первый человек в посольстве, главой же обычно назначают человека очень знатного, но не обязательно умного.

Музыка снова грянула весьма бравурно, одни медные трубы, привычно называемые серебряными за их в самом деле чудесные чистые серебристые звуки, от которых радостно вздрагивает и трепещет сердце.

Король Антриас поднялся с кресла-трона, даже вышел из-за стола навстречу, весь в радостной улыбке, на ходу раскинул руки.

— Дорогой друг!

Герцог Ригильт сказал так же радостно:

— Ваше величество!

Они обнялись, трижды приложились щеками, торжествующие, излучающие такую непритворную радость от встречи, что я поверил в ее искренность. Жаль, не могу видеть, кто как к кому относится, только к себе могу ощутить неприязнь, да и то лишь в ее крайней степени.

В зале все зааплодировали, слышались радостные крики, а когда умолкли по властному жесту церемониймейстера, король Антриас сказал бодро:

— Уже поздно, потому сегодня только торжественный ужин в вашу честь, дорогой друг! Ужин и веселье. Военный совет оставим на утро, чтобы свежие головы и мудрые мысли помогли нам еще больше крепить нашу дружбу, сотрудничество и торговлю!

Я покосился на помрачневшее лицо Финнегана. Опытный придворный, он сразу уловил прозвучавшие слова насчет военного совета, завуалированные обилием проходных фраз насчет дружбы, сотрудничества и торговли.

Эллиан и Баффи тоже все поняли, переглянулись. Такие слова нечаянно не произносятся, сказаны именно для нас, прибывших из Нижних Долин, и совсем немного для тех из своих придворных, кто все еще сомневается насчет целесообразности войны с Нижними Долинами.

— Это серьезно, — пробормотал Эллиан чуть слышно.

— Тоже не ожидал, — признался Баффи жалобным голосом. — У них были некоторые связи, торговля, но чтоб военный союз...

Я хотел брякнуть про драконов, которых этот регент поставляет королю Антриасу, но прикусил язык. Если еще не знают, то сразу вцепятся, откуда такое известно, представь руководству самого информатора, доложи как...

Финнеган мощными глотками осушил кубок, лицо осталось все равно мрачным, бросил в нашу сторону недобрый взгляд.

— Еще по кубку, — велел он, — ешьте и улыбайтесь, но перед сменой блюд все должны собраться у меня.

Баффи спросил тихонько:

— Уходим по одному?

Финнеган поморщился.

— Естественно. Чтобы это не выглядело демонстрацией. Вы можете покинуть стол первым.

Баффи торопливо запихнул в рот кусок сладкого пирога с медом, запил вином и поднялся.

— Простите, глерды, — произнес он учтиво, обращаясь так, чтобы слышали и сидящие близко уламрийцы. — Мне нужно срочно на воздух...

Финнеган кивнул, Баффи ушел, делая вид, что уже начинает торопиться, что должно вызвать понимающие улыбки у тех, кто обратил на него внимание, но таких, как мне показалось, за столом нет, всяк занят роскошной едой и редкими винами.

Через пару минут Эллиан пробормотал громко:

— Мне кажется... я перебрал с вином... здесь оно не только прекрасное, но и крепкое...

Пошатываясь, он поднялся и двинулся к выходу, с трудом лавируя между двумя рядами столов.

Выждав чуть, Финнеган взглянул в мою сторону. Я сделал невинное лицо.

— Чё?.. Мне казалось, это касается только вас троих. Выших до невозможности глердов.

Финнеган буркнул:

— Это касается даже вашего друга, забыл его имя.

— А вы и не спрашивали, — ответил Фицрой. — Повеситься с горя, что ли?.. Вот доем того гуся и повешусь. Или утоплюсь. Нет, сперва допью вино... А потом еще налью.

Финнеган поднялся, тяжелый и властный, придавил нас обоих взглядом, как двух мелких жуков давят подошвой сапога.

— Только попробуйте задержаться.

Голос его не предвещал ничего хорошего, и, едва глава посольства пересек зал и скрылся за дверью, я сказал бодро:

— Но мы его уели. Так что допивай и пойдем.

Он сказал громко:

— По бабам?

— Сперва по ледям, — предложил я так же громко. — А не обломится, тогда по бабам.

Нас проводили понимающими взглядами даже от соседнего стола, оба как раз такие, что только по бабам, молодцы ребята.

Глава 14

По дороге к комнате, где поместили Финнегана, Фицрой едва не учухал за какой-то юбкой, хотя юбки здесь не носят, а только платья до полу, но все равно юбкой, я удержал, пообещав, что потом оторвемся по полной, но сперва поумничаем, так надо в приличном обществе.

Финнеган в своей комнате не сидит по обыкновению за столом, расположился, как и Эллиан, и Баффи, в кресле. Для нас с Фицроем кресел не предусмотрено, ага, шас будем смиренно стоять, ждите...

Я, громко топая и поводя плечами, прошел к столу и сел на край, свесив ноги. Фицрой тоже среагировал, глядя на меня, правильно: двинулся к широкому подоконнику и сел там, заслонив широкой спиной половину падающего в комнату света.

Эллиан надулся, уже открыл рот, явно жаждет поставить нас на занимаемое нами место, очень скромное, дескать, не забывайте, даже Баффи посмотрел с мягким укором, но Финнеган хоть и поморщился, но предпочел быть выше, дело важнее, сказал с державной властью:

— Должен признаться, для меня тесный союз короля Антриаса и настоящего властелина Опалоссы... явился некоторой неожиданностью.

Эллиан проговорил несчастным голосом:

— Ее величество будут недовольны таким серьезным просчетом нашей дипломатии.

Я промолчал, сам знаю, традиционно полагалось, что между Опалоссой и Уламрией достаточно натянутые отношения, время от времени переходящие во враждебные.

Финнеган сказал хмуро:

— Давайте продумаем, что означает этот союз.

Он оглядел всех четверых, Эллиан и Баффи опустили головы и смотрят в стол, знатные глерды не хотят рисковать, высказываясь первыми, только я не опустил голову, да еще Фицрой с интересом рассматривает ажурную лепку на потолке и стенах.

Финнеган вперил в меня недобрый взгляд.

— Начнем с самых младших, — сказал он. — Дабы не довлекло над ними мнение высоких и знатных особ. Глерд Юджин?

Я сделал вид, что ничего не понял, посмотрел на него крайне тупо.

— Чё?

— Что означает союз Опалоссы и Уламрии? — повторил он. — По вашему, всегда очень оригинальному мнению? Даже, не побоюсь этого слова, самобытному?

Эллиан и Баффи поглядывали на меня со злорадством, хотя у Баффи во взгляде проскальзывает и сочувствие, но и облегчение, что говорить не ему.

Я ответил Финнегану с тем же мудро-крестьянским видом:

— Если кошка и собака заключают союз... как говаривал мудрый глерд Мяффнер, то он направлен против повара.

Эллиан гыгыкнул, понял только то, что я брякнул очередную глупость не к месту, заулыбался снисходительно Баффи, но Финнеган даже не поморщился..

— Слишком образно, — произнес он с холодком. — Глерд, мы в посольстве, а не на базаре. Такие фразы не в манере лорд-канцлера!

Эллиан гыгыкнул громче, Баффи смолчал, уловив в голосе Финнегана лишь укор, а не признак гнева.

— Но у нас не официоз, — пояснил я смиренно. — А для документа вы подберете правильные слова, круглые и обкатанные, как камешки в ручье. И такие же серые.

Эллиан опять гыгыкнул, снова услышав от меня базарные слова, Финнеган покосился на него со вздохом.

— Да, — сказал он невесело, — этот союз не просто союз, а направленный против нас.

Баффи сказал несчастным голосом:

— И нам его продемонстрировали.

— Нарочито, — заметил Финнеган.

— Даже подчеркнуто, — сказал Эллиан надменно. — Это было так заметно, что просто неудобно за его величество. Правда, он король-воин, тонкостями пренебрегает.

Финнеган уставился в меня, я покачал ногами и сказал невинно:

— Это не мое дело, я ж не прожженный дипломат на важной службе ее величества, но... насколько это было искренне, а насколько... постановка?

Все, в том числе и сам Финнеган, уставились с недоумением.

— Это как понимать? — спросил он.

— Им очень важно, — сказал я, — заставить нас думать, что их союз крепок, что две армии пойдут плечо к плечу вперед и с песней, никаких разногласий нет ну

совсем и вовсе! Если мы в это поверим, то нам можно сдаваться сразу. Все-таки армии двух королевств, у нас нет шансов. Но если король Антриас и герцог Ригильт в самом деле настолько едины, как выказывают, то зачем это демонстрировать так напоказ и с таким намерением?

Финнеган сказал осторожно:

— Чтобы противники уstraшились.

— И сдались, — вякнул Баффи.

— И отступили, — уточнил Финнеган.

— Я слышал, — заметил я, — король Антриас жаждет блистательных побед. Король-воин?

Эллиан сказал зло:

— Вы это сто раз слышали, зачем переспрашивать? Об этом все знают. Да посмотрите на его армии...

— Король-воин, — сказал я, делая вид, что даже не услышал, пусть побесится, — предпочел бы завоевать в бою! Так выше слава. Победы и захваты в стиле дипломатии... не совсем его стиль. Или, как говорят в простом народе, где о дипломатии не слыхали...

Фицрой сказал от окна предостерегающим голосом:

— Юджин!..

Я посмотрел на него, потом на хмурые лица уже напругшихся в ожидании дипломатов.

— В общем, — сказал я, подбирая обкатанные слова, — совсем не его стиль. В смысле, я показухе не верю, от кого бы ни исходила, от короля Антриаса или от нашего глерда Эллиана.

Эллиан гордо заулыбался, польщенный сравнением с могущественным королем, даже посмотрел на меня снисходительно и почти без особой вражды.

После долгой паузы Финнеган вздохнул, покосился на Эллиана с некоторым раздражением:

— Так, теперь слово глерду Эллиану. Что скажете, благородный глерд?

Эллиан поерзал и ответил мужественно:

— Нужно вернуться и предупредить королеву!

— О чем? — спросил Финнеган, отмахнулся безнадежно и перевел взгляд на Баффи.

— Глерд?

Баффи сказал крайне осторожно:

— Нужно собрать больше информации, потом возвращаться.

— Разумеется, — сказал Финнеган с досадой. — Глерд Фицрой?

Фицрой сделал большие глаза.

— Простите, я вроде пристяжной лошади. Разве я в посольстве? Так, подай да принеси... А с подоконника могу даже вспорхнуть!

— Сейчас вы в посольстве, — сухо сказал Финнеган. — Потому что мы первыми вступаем в войну, о которой королевство Нижних Долин еще не подозревает.

— Королева подозревает, — возразил Эллиан трезво. — Ее величество всегда настороже. Но мы не подозреваем, а уже знаем.

Фицрой пожал плечами.

— Хорошо-хорошо. Хотя я, кстати, не особенно и нижнедолинец. Так, мимо шел, с глердом Юджином подружился.

— Если вы его друг, — напомнил Финнеган, — то вы с нами. Глерд Юджин много сделал и делает для королевства.

«Ага, — подумал я со злорадством, — вспомнили. А потом, когда опасность минует, снова выставят за дверь».

Финнеган, перехватив мой взгляд, чуть наклонил голову, словно соглашаясь, что да, славы не будет, а

если и будет, то достанется другим. Мне показалось, что он хотел что-то сказать, но не сказал, потому что я сам должен догадаться, если умный, а если дурак, то и не надо.

Славы не будет, договорил я про себя, медленно вытягивая из темноты тугую нить, потому что... почему же... ах да, потому что мы солдаты невидимого фронта... наша сила в незримости, в ничтожности положения и влияния, нас не должны принимать в расчет... Следить должны внимательно за самим Финнеганом, да еще за Эллианом и Баффи, а мы с Фицроем что-то вроде слуг, что только и смотрят, где вкусно поесть, выпить и какую с вот такими завалить на сеновале.

Я чуть наклонил голову, давая понять, что понял, не дурак, но все равно обидно, все обожаем почести, потому что почести дают нам внимание тех, кто с вот такими, а иначе зачем они нам вообще, эти самые почести?

Мне показалось, что на губах Финнегана начала было проступать улыбка, но он тут же посуровел и впериł требовательный взгляд в Фицроя.

— Ну?

Фицрой ответил нехотя:

— А что мы можем?.. Нужно сперва понять, насколько крепок союз Опалоссы и Уламрии. Хотя, если честно, война все равно начнется... это мое личное мнение, его можно не учитывать.

Судя по виду Эллиана и Баффи, они и не собирались учитывать мнение Фицроя, только Финнеган поинтересовался:

— Тогда зачем герцог предпринял такое долгое путешествие?

— Не хочет упустить, — ответил Фицрой.

— Чего?

Фицрой бросил короткий взгляд в мою сторону.

— Не знаю.

Эллиан громко фыркнул.

— Хороший ответ!

— Готовится война, — пояснил Фицрой свою мысль Финнегану. — На мой взгляд, регент Ригилт просто не хочет упустить... вернее, хочет не упустить возможность что-то ухватить и для себя.

Баффи напомнил вежливо:

— Ополосса не граничит с Нижними Долинами.

Фицрой кивнул.

— Но граничит с Уламрией. За весомую поддержку Уламрии герцог может возжелать от короля Антриаса, к примеру, мятежную Эстрингию, что не только граничит, но живут там в основном гурцы... или хотя бы часть Эстрингии. Ладно-ладно, я не говорю, что король Антриас вот так возьмет и отдаст. Но это может быть началом торга. А сойдутся на чем-то взаимно выгодном. Например, вторжении двух союзных армий в Дронтарию, дабы получить выход к морю. Уламрия получит выход, а Ополосса — право строить, к примеру, корабли.

Финнеган помолчал, остальные тоже затихли, как мыши. Наконец Финнеган проговорил задумчиво:

— Короли и должны заглядывать далеко.

— Фицрой, — сказал я, — а ты знаешь, что ты... ну не совсем и дурак?

Он ухмыльнулся.

— И даже совсем не дурак. Знаешь, умным жить интереснее, но скучнее. А вот мы, дураки, проводим жизнь в веселии!.. Пойдем, я тебя познакомлю с такими... пальчики оближешь!

Я повернулся к Финнегану.

— Мы уже не нужны? Как люди простые и даже очень простые?

Он кивнул.

— Да-да, развлекайтесь, щенки.

Эллиан победоносно улыбнулся нам вслед, они трое останутся обсуждать судьбы мира, а мы всего лишь пойдем пить и шупать женщин, как это низко и простолюдинно.

Глава 15

Я прикидывал все варианты, а фантазия у меня еще та, но как-то все нереалистично, Фицрой быстро заскучал и отправился крепить контакты с местным населением, а я медленно бродил по залам дворца, иногда вступал в разговоры, но все как-то не клеивалось, и так наступил вечер, потом ночь, народ начал покидать дворец, а я потащился в нашу с Фицроем комнатку.

Его еще нет, что и понятно, явится под утро, невыспавшийся, но довольный, как кот размером со слона, посочувствует, но заверит, что мне можно не ходить, он за себя и за того парня, в смысле за меня...

Я бросился на кровать, заложил ладони за голову, в висках стучит кровь, сна ни в одном глазу, и даже не сразу ощутил, как по спине прокатился предостерегающий холодок.

Наконец зубы лязгнули, я поежился, понял, прижался к стене и пугливо огляделся, как зверек, за которым гонятся страшные и огромные звери.

Шагах в пяти из стены напротив выплыло белесое привидение, почти прозрачное, медленное и печальное, в длинном платье до полу, но это лишь угадывается, а так четко вижу только лицо и плечи. Молодая женщина со страдальческим лицом, плотно сжатыми, словно в

гневе, губами, волосы волной лежат на плечах и струятся по прямой спине.

Я охнул, вытаращил глаза, метнулся к двери, сам не помню, как выскочил в коридор, застыл, слушая, как стучит сердце.

Привидение выдвинулось из стены и, не обращая на меня внимания, пересекло коридор наискось и начало было втягиваться в стену напротив, как вдруг эта полупрозрачная женщина остановилась, зависла в воздухе, не касаясь ни пола, ни стен. Мертвое застывшее лицо уставилось в меня слепыми глазами.

— Человек, — произнесла она свистящим голосом, — ты что, меня видишь?

Я сказал нервно:

— Еще бы!.. Такую красивую женщину да не увидеть!.. Слепым нужно быть и вовсе не традиционным, а я вот не просто вижу, а смотрю с восторгом, ибо женщины — наше все! Живем для вас, существуем... и что-то еще, уже не помню от волнительности...

Она проговорила медленно:

— Ты... колдун? Или чародей?

— Не знаю, — признался я. — Человек широк, как говаривал Федор Алексеич... или он Михайлыч?.. Потому во мне чего только нет! Но ничего не отдам, я жадный. А вы, как я почему-то догадываюсь, как бы привидение?

Она ответила глухим голосом:

— Да, но меня видят только чародеи и колдуны... Кроме тех, кому я показываюсь сама. Странно, ты не похож на колдуна.

— Я выше, — объяснил я. — Я Помогатель!.. Это высшая форма Улучшателя, коим я тоже, скромно говоря, как бы являюсь в достаточной мере.

— Помо... гатель? — повторила она в прострации.

— Он самый! Чем могу помочь... прекрасная леди? Не спорьте, вы прекрасны!

Ее лицо, оставаясь гневным, на краткий миг словно бы смягчилось.

— Говорят, я такой была. Но сейчас это неважно. Король Антриас со своей свитой уже в замке?

— Да... Хотя это теперь больше похоже на дворец.

Она потребовала:

— В свите присутствует некий лорд Говерн?

— Н-не знаю, — проблеял я озадаченно, — с ним десяток, если не больше, лордов... А вы планируете пугать короля... или его свиту?

Жестокая гримаса передернула ее прекрасное лицо.

— Пугать?.. Не для того я здесь...

Послышались шаги, я посмотрел в ту сторону, из-за угла вышли двое стражей и двинулись вдоль коридора. На меня покосились с подозрением, но прошли мимо. На леди-привидение не обратили внимания, хотя она и вдвинулась наполовину в стену, убираясь с их пути.

Правда, край белесого платья и пышные волосы все равно видны, а это значит, стражам видеть ее не дано.

Когда они прошли и скрылись за поворотом, она выдвинулась из стены и потребовала:

— Узнай, есть ли в его свите лорд Говерн!..

— Да мне это как-то не совсем, — пробормотал я.

Она прошипела люто:

— Не узнаешь, сегодня же ночью приду к тебе и сяду на грудь!

— Класс, — сказал я, — а чуточку ниже, на живот, можно? На самый низ живота?.. Хотя это и травматично, но зато... Вон моя комната, пойдемте, я в самом деле настроен вам помочь, леди... И, конечно же, узнаю насчет лорда Говерна, счастливчика...

Она прошла сквозь дверь, не дожидаясь, когда запахну перед нею, а это говорит, что уже привыкла привиденьичать, а первые годы наверняка ждала, когда перед нею распахнут.

Я вошел следом, плотно прикрыл дверь, еще и шеколду задвинул, мало ли чего, с поклоном придвинул к столу кресло и всем своим видом пригласил сесть, хотя, похоже, гравитация ее не слишком беспокоит.

Она словно бы заколебалась, наверняка давно не опускалась в кресло, ее видят, как она сказала, только чародеи и колдуны, а они далеки от галантности и манер благородного люда.

— Леди, — сказал я почтительно, — я смогу вам помочь больше, если мне расскажете все... или хотя бы то, что рассказать прилично.

Она нахмурилась.

— Прилично?

— Я как психиатр, — объяснил я, — мне можно рассказывать все. Или как врач-проктолог, никаких тайн!..

Она произнесла озадаченно:

— Что, так много времени я спала?.. Ничего не понимаю.

— Я глерд из Нижних Долин, — объяснил я, — высокорожденный и благородный, так что можете довериться, мы как бы из одного стручка.

Она все-таки опустила в кресло, из чего я сделал вывод, что и привидения могут изгибаться, по крайней мере в пояснице, выпрямилась и вперила в меня взгляд молочно-мертвых глаз.

— Вы здесь живете, — спросил я, — леди...

— Леди Джаненна, — подсказала она чуточку надменно, — из рода Маккейвинов, урожденная Бренданская.

— Ох, — сказал я с почтительным испугом, хотя, конечно, кто там знает, что за род Маккейвинов был когда-то, — это же просто... потрясательно! В самом деле из рода Маккейвинов?.. Того самого?

Она надменно наклонила голову.

— Да.

— Потрясательно!

— Вы знаете о нем?

— Еще бы, — ответил я, не моргнув глазом, — кто о нем не знает!.. Бывает так, что про славные роды забывают со смертью последнего представителя, а о других помнят и через столетия!.. Леди Джаненна, вы здесь живете?

Она посмотрела надменно.

— С какой стати? Я из рода Маккейвинов...

— Тогда у вас здесь цель? — спросил я напористо, нельзя упускать инициативу из своих рук, иначе тут же на чем-то да попадусь. — Вы кого-то ищете?.. Или что-то? Какой-нибудь талисман... Ах да, вы спрашивали о лорде Говерне... Он нужен вам лично или же понадобилось что-то из его карманов?.. Простите за такие подробности, но я в самом деле, как профессиональный Помогатель, стараюсь больше узнать, чтобы помочь, так помочь...

Она произнесла таким мертвым голосом, что даже для привидения он чересчур мертвый:

— Я леди Джаненна... из рода Маккейвинов, урожденная Бренданская... Я была невестой лорда Говерна из древнего и благородного рода Ялмасидов...

— Брак был вам навязан? — спросил я. — Что делать, династические браки служат великой цели гуманизма и взаимопонимания между народами и обычаями.

Она покачала головой.

— Нет, мы с Бонивэ росли в соседних поместьях, играли с детства, а когда чуточку повзрослели, уговорились, что поженимся и больше никогда-никогда не расстанемся.

— Что-то... случилось?

Она произнесла так же мертво:

— Родители наши договорились о свадьбе, назначили день. Разослали гонцов с приглашениями. Все друзья сообщили, что придут с радостью.

— Поздравляю, — сказал я торопливо. — Это даже вдохновляет!

Она посмотрела на меня мертвыми глазами.

— Но в день свадьбы он отказался. Лорд Говерн отказался!

— От свадьбы?

Она наклонила голову.

— От меня.

— В смысле... это как?

— Через три дня он женился, — произнесла она. — На другой женщине. Как сообщили мне, ее род не столь древен, как мой, зато намного многочисленнее, неизменно богат и владеет обширными землями на востоке Уламрии.

Я пробормотал:

— То есть он взял и отказался от вас... ради богатства?.. Что-то не укладывается... Сколько вам было?.. Я имею в виду, сколько было ему, вы и сейчас ребенок...

Она ответила холодно:

— Ему было девятнадцать лет. Но при чем здесь...

— Что-то не состыковывается, — пояснил я. — В девятнадцать лет мы все еще чистые и честные. Даже в двадцать некоторые еще вполне... Это в двадцать пять — сплошные сволочи, а в тридцать на мужчине клеймо ставить некуда, женщины тоже сплошные... ну, сплош-

ные. Как внутри, так и снаружи. Но в девятнадцать?.. Не-е-ет... Вы расследование проводили?

— Что-о-о?

— Выясняли, — сказал я терпеливо, — почему вдруг он поступил так?

Она пожала плечами.

— Он предал меня — этого достаточно. Опозорил!.. И теперь я, дождавшись, когда в их проклятом роду наконец появится отпрыск мужского племени, уничтожу его самым жестоким образом!

Я сказал с уважением:

— Да, если женщина мстит, то уж мстит. Мало не покажется.

— Моя месть будет страшна...

Я сказал искательно:

— Знаете что, вы ждали с местью столетия, подождите до завтра, хорошо?

Она прошептала в ужасе:

— Столетия?

— Это немного, — заверил я, — для привидений, конечно. Но вам все равно, правда? Прошу вас, подождите до завтра...

— Зачем? — спросила она.

— Я выясню все детали, — пообещал я, — которые сделают вашу месть еще слаще!..

Она посмотрела несколько озадаченно.

— Как это?

— Убить, — сказал я проникновенно, — это так мало!.. Особенно для мужчины. Мы же каждый день рискуем жизнью, а на войне так и вообще... Я помогу вам наказать мерзавца так, что все его древо знатного рода содрогнется!.. Хорошо?

Она посмотрела на меня с великим подозрением.

— Если обманываешь, то я ночью приду и задушу тебя!

— Все мы обманываем женщин, — признался я, — но это вынужденная самозащита, однако вы сейчас не совсем женщина, а ее высшая эманация, потому в самом деле обещаю разобраться и... помочь!.. Кстати, только сейчас сообразил... А сколько ему сейчас лет?

Она посмотрела с великим изумлением.

— Он давно мертв, но это при чем?.. Его подлый род жив!.. Моя обесчещенная честь требует... да, требует!.. Он опозорил мой род, а я отомщу его роду!.. Иначе как?

— Ну да, — пробормотал я несколько ошалело, — как жить, вы правы... Помните, я Помогатель, даже Великий Помогатель!.. Давайте завтра встретимся здесь же, хорошо?.. Я могу оставить дверь открытой.

Она ответила высокомерно:

— Сейчас я даже не вижу этих стен. Я приду завтра.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

«Отомстить роду», — повторил я. Ну да, это у нас там в моем сумасшедшем мире бегают сами по себе, каждый индивидуален, а здесь каждый благородный человек — листок, в лучшем случае — веточка на могучем стволе рода. И каждый знает свою родословную, гордится ею, а сам трясется, чтоб не опозорить, быть достойным, а в идеале — еще больше прославить всю родословную.

С этой точки зрения вполне естественно отомстить не самому провинившемуся, а его потомкам, что не сами по себе, а в первую очередь веточки на гордом древе их рода!

То есть она тем самым бьет все-таки по унизившему ее лорду Говерну, настигая его и там, обрывая последние ветки на его древе, обрекая древо на смерть, а тем самым и самого изменившего ей Бонивэ.

Все логично, все в рамках здравого смысла.

Я чуточку повеселел, ощутив, что мир не абсурден, все строго по законам и нормам. Когда-то нечто подобно было и у нас, что лишний раз доказывает общее происхождение и развитие до какого-то момента, а потом некий катаклизм вырвал этот мир и передвинул в систему трех солнц и трех лун.

— Все правильно, — сказал я, — уважаю людей с чувством чести и строгими принципами. Вы совершенно

правы в своем стремлении наказать виновных. Лорд Говерн поступил подло!.. Я бы даже посоветовал ударить побольнее...

Конечно же, ничего о ее женихе я узнавать не стал, оно мне надо, нужно делом заниматься, а не хренью какой-то. Я же не сыщик-любитель, а птица крупного полета, меня только крупные вещи интересуют, чтобы размерами не меньше зеркального шкафа...

Она вышла из стены сразу же по наступлении полночи, что значит раньше то ли нельзя, то ли не получается, а сейчас вот как только можно, так сразу, на бледном кисельно-молочном лице замечаю признаки нетерпения.

Я сказал с энтузиазмом:

— Все узнал, все выяснил!.. Садитесь, пожалуйста!.. Мне так легче, когда дама сидит, я не могу ее напоить и эта... ну... накормить, потому хотя бы сесть предложу.

Она села, я сказал с жаром:

— Как я и чувствовал всеми фибрами своей чувственной души, вы не так истолковали, дорогая леди!..

Она нахмурилась.

— Что-о?

Я сказал торопливо:

— Лорд Говерн бросил вас, это верно, но сделал он это не по своей воле и без той особой радости, что вы ему присобачиваете!

Она дернулась.

— Что?.. Хотя знаю, его мать была против, а отец вообще грозил лишиться наследства, но Бонивэ не таков, чтобы из-за денег и земель отказаться от нашей любви.

Я воскликнул:

— А вы знаете, почему они так сделали? На самом деле они вас любили! Очень любили и хотели, чтобы вы стали женой лорда Говерна!

Она вздрогнула.

— Что?.. Но они...

— Были против, — доказал я, — но почему?..

— Почему? — повторила она озадаченно.

— Потому что такова была воля короля, — сообщил я. — Король Бэдэкер, дед нынешнего короля Антриаса, не был еще тогда королем, он оставался вожаком самой свирепой шайки разбойников, что вторглась в некогда мирные земли Уламрии, и он не считался ни с какими законами, ни с чьими-то чувствами. Это его сын, великий Андрих Хенрик Потгитер, принял созданное в некогда диких землях могучее королевство и перенял от цивилизованных соседей законы, но сам Бэдэкер ни с кем не считался. И когда он велел лорду Говерну оставить вас и взять в жены леди... забыл ее имя, несчастному Бонивэ ничего не оставалось делать...

Она вскрикнула гневно:

— Как не оставалось? Он мог отказаться!

Я покачал головой.

— Не мог.

Она возразила гневно:

— Вы не знаете Бонивэ!.. Он мог противостоять всем королям на свете!.. И если отказался от меня, то это был его выбор! И он за него ответит со всем его потомством!

Я сказал мягко:

— Его был выбор, но... под давлением. Я занимаюсь секретной службой и с ходу могу назвать вам десяток причин, которые могли сломить вашего нестигаемого Бонивэ...

Она вскрикнула:

— Нет таких причин!..

— Есть, — ответил я еще мягче. — Беру первую попавшуюся: Бэдэкер мог сказать вашему возлюбленному, что в случае его отказа жениться на той леди, кото-

рую он ему подкладывает, он велит схватить вас, бросить в темницу, где вас будут насиловать все заключенные, а раз в день подвергать чудовищным пыткам!.. Теперь скажите, что должен был ответить королю любящий вас Бонивэ Говерн?

Она запнулась.

— Что?... Это низко... Он не мог...

— Это позволяют себе даже короли, — сказал я мягко. — Венценосные и потомственные, а не только вожаки разбойничьих шаек. Короли выше закона!.. И морали. Обычной морали, так как интересы королевства выше интересов отдельных людей. Скажите, что выгоднее было создаваемому королевству: женитьба лорда Говерна на вас или на той самой леди?

Она запнулась, я видел, что готова выпалить, что только на ней одной-единственной, однако столетие — это столетие, она помедлила, а когда повернула ко мне лицо, я сам вздрогнул, такое страдание не выразить ни какому художнику.

— Значит, — прошептала она, — я все это время обвиняла милого Бонивэ напрасно?

— Да, — сказал я быстро и с облегчением. — Вы сами вспомните все те дни еще раз, когда он сказал вам, что решает жениться на той леди... Как он говорил? Как выглядел?

Она прошептала словно в забытьи:

— Я это тысячи тысяч раз вспоминала... и помню каждый миг, словно это случилось сегодня...

— Ну, — подсказал я. — Ничего особенно не заметили?

Она проговорила:

— Это было нетрудно заметить... Но тогда я решила, что его мучает совесть, однако предпочитает жениться на более богатой и с могущественной родней...

— Пересмотрите еще раз, — сказал я настойчиво, — и увидите, было это в самом деле так... или же он безумно страшился за вашу жизнь и потому решил принести себя в жертву... да-да, принести себя в жертву можно не только на поле боя, но вот так, не столь заметно.

Она заломила руки.

— Да... Я помню, как он смотрел... Он не мог сказать мне всю правду, он в самом деле страшился за мою жизнь и решил принести в жертву себя, чтобы я осталась живой и невредимой...

Она поднялась и помчалась к стене, еще миг — и навеки исчезнет, я крикнул быстро:

— Погодите, леди! Но вы не отомстили!

Она повернулась, уже наполовину погрузившись в стену.

— Но он же не виноват...

Я сказал напыщенно гордо:

— А честь рода? Преступление должно быть наказано, иначе это послужит соблазном для других, менее решительных, но таких же расчетливых и подлых.

— Вы имеете в виду... — проговорила она в нерешительности.

— Да, — сказал я, не моргнув глазом. — Иначе мир несправедлив!

— Имеете в виду, — повторила она замедленно, — потомков рода Бэдэкера, который заставил лорда Говерна принять такое чудовищное решение...

— Вы совершенно правы, — похвалил я. — Чувствуются ваше хорошее воспитание и сообразительность, так присущие членам древних фамилий. Сразу все сообразили!..

Она подплыла обратно к столу, но не села, за столетие отвыкнув, парить над столом все то же самое, что и

стоя, если не намекнуть на манеры благородных ледей, то сама не вспомнит.

— Да, — сказала она, и голос ее подтвердел, налился силой, — тот негодяй сделал несчастной не только меня, но и милого моему сердцу лорда Говерна!.. Он должен быть наказан... Я буду являться его потомкам, пока они сами не покончат счеты с такой жизнью!

— Потомок у него один, — сказал я. — Нынешний король Уламрии — воинственный Антриас.

Она сказала с нажимом:

— Он умрет!..

— Довести его до самоубийства? — переспросил я. — Это, конечно, приятно... однако для мужчины, а король Антриас, скажу я вам честно, ярко выраженный мужчина с чисто мужскими чертами доминирования, подчинения, захватывания и усиления власти.

— И что?

— Для таких, — пояснил я, — есть и более страшные вещи..

— Чем смерть?

Я пожал плечами.

— Что смерть?.. Разве мы не идем на нее осознанно, выступая в воинский поход? А смерть в бою — это красиво и эпично. Особенно если на виду всех водружаешь знамя на верху вражеской башни, а тебе стреляют в спину, и ты падаешь с огромной высоты... И самому приятно, и певцы воспоют в веках!.. А род будет гордиться таким великим героем, на века зависшим на могучем родословном древе.

— Но что для короля...

— Нарушение планов, — подсказал я. — Для короля Антриаса самое главное в жизни — его планы стать великим королем. И нет ничего более страшного для него, если планы рухнут. В этом случае отчаяние так велико,

что его и сравнить не с чем!.. Простой человек может дойти до самоубийства, но король и этого не может себе позволить, он отвечает слишком за многое!.. И вот в таком состоянии духа, когда все рухнуло, нужно жить...

Она слушала раскрыв рот.

— Это... это ужасно...

Я сказал трезвым голосом:

— Но король Антриас — крепкий орешек. Ему не так просто помешать. Даже вы, мне кажется, не сумеете...

Она сказала так жарко, словно готовится превратиться в привидение Огня:

— Сумею!.. Я отдам все силы...

— Пугать кошмарами, — сказал я, — это мало. Мужчины вообще не так уж страшатся привидений, а королей с детства учат держать себя в руках. Другое дело, как я уже сказал, расстроить его планы...

Она сказала нетерпеливо:

— Что у него за планы?

— Война, — ответил я. — Победы, захваты земель соседних королевств. Это и есть самое главное для Антриаса. А помешать этому, просто возникая у него в спальне и завывая страшным голосом... гм, это не срабатывает. Я не люблю Антриаса, но отдаю ему должное, его так не испугать. Тем более не заставить отказаться от своих планов...

Она померкла, начала медленно таять прямо посреди комнаты, я устрасился, что снова уйдет в свои душевные терзания, сказал быстро:

— Но есть варианты!.. К примеру, он очень нуждается в союзе с королевством Опалоссой. И хотя начать войну с Нижними Долинами может и без Опалоссы, но надежный тыл важен. Потерять союз с Опалоссой... это и есть для него кошмар хуже немедленной гибели!

Она потребовала:

— Как разрушить союз с Опалоссой?

— Надо подумать, — сказал я. — Использовать можно ваше умение возникать в спальне короля Плация... а еще лучше — регента Ригильта, чтобы сообщить какие-то сведения... что либо скомпрометирует короля Андриаса, либо зародит подозрения в его намерениях... Последнее намного предпочтительнее!

Она переспросила в злом нетерпении:

— В спальне короля Плация... это кто?.. А кто этот Ригильт?

Я подумал, объяснил обстоятельно:

— Королевством Опалоссой правит регент Ригильт, не допуская молодого Плация, что давно вошел в возраст и хотел бы сесть на трон. Что, если попытаться воздействовать на...

— Ригильта?

— На Плация, — ответил я. — Пообещать помощь в возвращении себе законного трона... а он за это должен будет разорвать союзный договор с Уламрией. Думаю, он это и так бы сделал с охотой, все-таки тот договор подписал Ригильт в обмен на поддержку со стороны Антриаса...

Она сказала медленно:

— Но не разорвет. Я знаю династию Кенганидов, что изначально правила Опалоссой. Все оттуда отличались нерешительностью и неуверенными действиями. Не думаю, что этот нынешний... как, говорите, зовут, Плаций?.. Не думаю, что этот Плаций достаточно самостоятелен.

— Вы правы, — признал я. — Вот что значит кровь!.. Кровь в жилах Плация досталась от слабых и нерешительных, потому и он... Хорошо, но есть вариант...

— Какой?

— Можно подтолкнуть, — ответил я. — Хочет быть королем — пусть первым же декретом разорвет союз с Уламрией!..

Она вперила в меня взгляд жутких пустых глазниц. И хотя самого взгляда нет, но я его все равно чувствую, у нас есть странное свойство дорисовывать, домысливать и додумывать, что позволило питекантропу стать кроманьонцем.

— Но если на троне регент Ригильт...

Я сказал с той мужской самоуверенностью, которую часто выказываем, на самом деле ее не чувствуя:

— Это возьму на себя. Но только пусть Плаций знает, что если не разорвет союз с Уламрией немедленно, в первый же день, когда это особенно легко, его постигнет такая же судьба, как и Ригильта.

Она спросила настороженно:

— А какая постигнет его судьба?

— Еще не знаю, — ответил я честно. — Но единственное препятствие для Плация на пути к трону — регент Ригильт. Это как камень, что заткнул дорогу ручью в узком месте. Если этот камень убрать...

Она переспросила:

— Как вы это сделаете?

— Сделаю, — пообещал я. — Чародей я или всего-навсего маг? Или вообще колдун? Ну а вы постарайтесь убедить Плация. Он должен понять, другого такого удобного случая не будет. Регент не только сейчас отсутствует в их столице, но и часть его сторонников здесь с ним, в свите!

Она кивнула, вид у нее уже холодный и решительно-расчетливый.

— Да, это ослабляет влияние клана Ригильта во дворце. Я укажу молодому королю на это счастливое для него совпадение.

— Если не воспользуется моментом, — вставил я, — ему всю жизнь ходить под властью Ригильта.

— Скажу, — пообещала она.

— Настойчиво, — потребовал я. — С нажимом! Убедительно.

— Да-да..

— Вполне возможно, — сказал я, — Ригильт выждет еще год-два, укрепится настолько, что вообще свергнет короля с трона... и начнет свою династию. Пусть Плаций и это учтет. Его свергнут и удавят в темнице. Грязной веревкой.

Она сказала тихо:

— Вы все предусматриваете!..

— Если, — сказал я нервно, — не предусмотритесь — тут же получишь обухом между ушей. А я чуткий и впечатлительный, не люблю, когда бьют, хотя мазохизм в тренде.

Она сказала уважительно:

— Вы чуткий, благородный лорд... Вы даже очень чуткий! Чтобы увидеть и почувствовать меня... нужна особая чуткость.

— Это объяснимо, — признался я чуточку застенчиво.

— Чем?

— Я и сам привидение, — сказал я тихо.

Она всмотрелась в меня пустыми неподвижными глазами.

— Что?

Я пояснил как можно проще:

— Правильнее сказать даже, все люди носят в себе собственные привидения! Каждый человек еще и оно самое, только временно заключенное в его теле. Всех их моментально выдувает в момент смерти, лишь наиболее сильные и цельные натуры могут задержаться, чтобы исполнить некий долг или решить прерванную задачу...

Она слушала с раскрытым ртом, что очень женственно, многие женщины это приняли на вооружение и бегают с раскрытыми ртами и вытаращенными глазами, что мужчинам очень нравится, и если бы не эта дурацкая жажда доминировать и отыграться за все тысячи лет домостроя...

— Привидение в каждом, — проговорила она задумчиво, — а я думала, мы образываемся в момент смерти.

— Ну да, — сказал я саркастически, — так и успело бы за кратчайший миг переписаться из живого в привиденье столько информации!.. Нет, записывалось всю жизнь на второй носитель, а в момент смерти просто привиденье тело, не скованное плотью, начинает жить самостоятельно. Хотя, возможно, записалось не все, а только главное.

Она спросила встревоженно:

— А что не записалось?

Я отмахнулся.

— Да мелочи всякие. Но в первую очередь записалось главное — отомстить роду! Так что вы прямо сейчас к королю Плацию, а я буду думать, как убедить Ригильта.

Она моментально посуровела, лицо стало строгим и возвышенным, как у женщины древнего славного рода, богатого обязанностями и традициями.

— Вы правы, глерд. Спасибо, что напомнили!

Она исчезла моментально, что значит сильная воля, что позволяет нам собираться в нужные моменты и выказывать в себе лучшее, что в нас есть.

Я перевел дыхание, Фицроя все еще нет, а то бы даже не знаю, сумасшедшим выглядеть не хочу, хотя это пикантно, все гении, говорят, сумасшедшие, а самые трезвые и правильные, которым сумасшествие никогда не грозит, — это полные дауны.

Глава 2

Фантазия у меня о-го-го, бывает, такое нафантазирую, что и на голову не налезает, но сейчас нет времени начинать сложную многоходовую интригу, это когда-нибудь в другом месте, а сейчас нужно действовать быстро.

А быстро это, увы, просто. И грубо. Прямолинейно, как обычно у простых и честных мужчин. Когда я сказал, что препятствие нужно убрать, я сразу же соскользнул на вполне понятное толкование слова «убрать», что вовсе не означает снять с должности или отодвинуть с дороги.

Хотя отодвинуть с дороги это как раз и есть убрать в современном значении.

Главное, мне вовсе не нужно ехать в Опалоссу, чтобы как-то убедить регента отказаться от власти. От одной этой мысли становилось нехорошо, все-таки я эстет, а с такими людьми общаться...

На ловца и зверь бежит, но если я в самом деле планирую то, что все время вертится в черепе, то мне как раз и нужно держаться от этого зверя подальше. Чтобы ничем не могли связать, даже если бы захотели.

А захотеть захотят, все-таки любое изменение в Опалоссе сейчас нежелательно для союза Антриаса с Ригильтом. Нужно предупредить Финнегана и Эллиана с Баффи, чтобы не общались с Ригильтом, а если уж придется, то на дистанции и как можно меньше.

Финнеган собрал нас на другой день в его комнате, обставленной богато, но безвкусно, слишком много дурной роскоши, оглядел всех надменно и свысока. Мы, как и положено, притихли, выказывая ему свое

смирение, как молодые волчата старому матерому волчищу.

— Объявлено, — произнес он веско, — что завтра с утра его величество король Антриас и его лучший друг регент королевства Опалосса благородный герцог Ригильт отправятся на охоту в заповедный королевский лес...

Эллиан сказал льстиво:

— Как красиво!..

Финнеган продолжил, не поведя в его сторону глазом:

— В сопровождении большой свиты, естественно. В знак дружбы и рассчитывая на дальнейшее сотрудничество с королевством Нижние Долины нам предложено выделить не больше двух человек из нашего посольства для участия в таком знаменательном деле.

Я видел, как вспыхнули глаза у Эллиана. Баффи оставался с непроницаемым лицом, хотя, думаю, тоже не прочь бы развлечься, все-таки охота давно перестала быть основным средством добывания пропитания, сейчас это больше спорт, развлечение и средство установить в неформальной обстановке новые нужные связи с нужными людьми и поддерживать старые.

Эллиан сказал еще льстивее, я почти увидел, как он замахал хвостом:

— Глерд Финнеган, вы будете участвовать в охоте королей!

Я посмотрел на Баффи и Фицроя, никто не напомнил, что Ригильт не король пока что, дипломаты должны строго придерживаться формальностей, а это значит, что Финнеган подобрал себе еще тех помощников, главное — лояльные и поддакивающие.

Странно, что королева назначила послом именно его, куда лучше смотрелся бы Теренц Брандштеттер,

этот высокий и крупный глерд из древнейшего рода, который дал королевству великих полководцев, стратегов, дипломатов, канцлеров, хорош был бы герцог Хоткиндгард, самый известный интриган королевства, из рода интриганов, у него семья интриганистая, без интриг и подсидок ему и жизнь не жизнь, и здесь бы он развернулся вовсю, умело сталкивая интересы, ссоря и всякий раз получая выгоду...

Но королева предпочла оставить их в Санпринге, что непонятно, однако ей виднее, своих людей знает лучше.

Финнеган проговорил раздумчиво:

— Разумеется, я участвовать просто обязан. Если откажусь, это вызовет слухи. Дипломат не имеет права на личную жизнь, как не может даже заболеть...

Фицрой сказал с сочувствием:

— Вот прямо совсем?

— Совсем, — отрезал Финнеган. — Тут же начнутся расспросы, с какой целью заболел и кому что хочет этим доказать.

— Или подает знак, — сказал Эллиан с восторгом. — Как у нас все сложно и многозначительно!

Баффи поинтересовался:

— Охотиться будут на оленей?

— На кабанов, — предположил Эллиан.

Финнеган нахмурился.

— Их величества сами решат, — ответил он безапелляционным тоном, — на кого охотиться. Думаю, при их занятости великими государственными вопросами особенно перебирать добычей не станут. Даже если встретят медведя, то постараются добыть и этого опасного зверя!.. Глерд Эллиан... вы поедете со мной.

Эллиан вскочил, отвесил поясной поклон.

— Премного благодарен, глерд Финнеган! Я оправдаю ваш выбор. Я не подведу. Я буду служить вам и на охоте, как служу здесь.

Фицрой фыркнул:

— А так что уроните высокому глерду на ногу?.. Ладно-ладно, мне все равно. Нам с глердом Юджином придется вместо охоты довольствоваться хорошим вином, вкусной едой и податливыми женщинами.

И хотя говорил он насмешливо-победно, на лице Баффи оставалось несчастное выражение, а Эллиан сказал высокомерно:

— Что вы понимаете!.. Мы будем охотиться вместе с королями!

Финнеган оглядел всех свысока, такие вот даже на вершины гор ухитряются смотреть сверху, произнес величественно:

— Идите. И будьте. Да-да, именно.

Мы вышли вместе с Эллианом и Баффи, но я кивнул Фицрою и пошел от глердов в другую сторону.

Фицрой наконец оглянулся.

— Все, они далеко. Что-то у тебя морда больно сосредоточенная, будто что-то украсть нацелился.

— Пока задумываю, — признался я. — Я хоть и никакой не нижнедолинец, но чувствую симпатию к этому мирному королевству.

— К Уламрии?

— Нижним Долинам!

— А-а, так бы и сказал. А то для меня они все одинаковые.

Я пробормотал:

— Разница, конечно, невелика...

— Ну-ну? — сказал он с интересом.

— Пообещал, — ответил я, — королева все-таки надеется. Она в отчаянном положении. Все-таки женщины

хороши для мирной жизни, тогда могут править даже лучше мужчин.

— Это ты загнул!

— Совсем немного, — сознался я. — Они трусливее, в авантюры не лезут, позволяют стране развиваться постепенно, без рывков, а именно так и надо. Это нам, мужчинам, подобное претит, нам бы наскоком решить все проблемы и привести человечество к счастью даже насильно!.. Да еще и потыкать его свиным рылом в это счастье. Потому хочу все-таки вмешаться в исторический ход событий. Люди всегда вмешиваются, не знал?

Он ухмыльнулся.

— Понял. Я менял ход событий в трактирной драке, но в истории еще не пробовал.

— Увидишь, — пообещал я. — Это может быть интересно.

— Что-то голос у тебя не слишком бодрый, — сказал он с укором. — И не совсем радостный.

— Так может и не быть, — сознался я. — Может быть и хуже. Намного.

— Все равно какое-то изменение, — сказал он оптимистично, — а когда изменения... сильные всегда получают выгоду. Пойду седлать коней?

— Только скажи там, — сказал я, — что тайком от главного посла едем в соседнее село к женщинам. Тут же всем растрезвонят, что мы не делом занимаемся, а тайком по бабам.

— Мы в самом деле можем заехать!

Я подумал, кивнул.

— На обратном пути. Чтобы создать себе алиби.

— Чего-чего?

— Потом объясню.

Он ушел седлать коней, а я вытащил из угла мешок и заглянул вовнутрь, где мирно ждет своего часа обмотанная тряпками снайперка.

— Лапушка, — прошептал я, — почему я в тебя такой влюбленный?.. Ты лучшая из женщин! С поцелуями не лезешь, но когда нужна, то всегда... гм... готова, всегда послушна и никаких капризов. Ну почти никаких...

Фицрой вывел двух коней, на одном за седлом горбится увесистый мешок. Я покосился с неодобрением, Фицрой расхохотался.

— Ты чего? Это не только для нас, но и для наших женщин!..

— Чего-чего?

Он объяснил весело:

— Когда спросили, зачем столько вина, я объяснил, что ты собираешься посетить толстушек Берту и Магду, а те пьют будь здоров.

— Свинья, — сказал я с чувством, — мог бы такое сказать о себе.

— Я как раз о Берте и подумываю, — ответил он. — И о Магде. Люблю толстых!.. Но лучше все свалить на тебя. Так смешнее.

Я пристроил мешок за спиной, обмотанная тряпками снайперка в сложенном виде смотрится как скатанный спальный мешок, у Фицроя и то объемистее.

Конь хрюкнул и понюхал мои карманы. Фицрой сказал бодро:

— Он жадный, сам все пожрал! А вот я добрый.

Он выудил из карманов по морковке и сунул обоим коням в пасти. Оба с наслаждением захрустели лакомством, а он вскочил в седло и посмотрел на меня с изумлением.

— Ты чего?

— Больно ты шустрый, — огрызнулся я. — И хитрый. Ты и с женщинами так?

— А чего придумывать новое, — спросил он, — если и этот трюк работает? Поехали. Не поскользлись в седле.

Мы выехали из дворцового ансамбля, Фицрой хохотал и рассказывал веселые истории, а на воротах спросил у часовых, какое тут село ближе, но чтоб там были молодые женщины с вот такими.

Часовые оживились, рассказали подробно, даже копыа поставили к стене, чтобы не мешали жестикулировать и показывать, с какими там есть, а с какими во втором селе, что чуть дальше по берегу реки.

Фицрой поблагодарил, мы пришпорили коней и понеслись в указанном направлении, а когда скрылись с глаз, Фицрой свернул в сторону леса, оглянулся.

— Ты хоть знаешь, где пройдет королевская охота?

— Приблизительно, — ответил я.

— А я вот знаю точно, — сказал он гордо. — Вчера с одним псарем разговаривал, он сказал, что будет сегодня загонщиком. Похвастался, какие там олени с вот такими рогами! Вот если бы тебя оленем, у тебя были бы... дай прикину... в размахе вот такие, клянусь!.. И по двенадцать отростков на каждом!

Он растопырил руки как можно шире и пошевелил пальцами, показывая, что это вот отростки.

— Здорово, — согласился я. — Начинаю собой гордиться.

Он окинул меня оценивающим взглядом, словно я в самом деле олень, которому нужно точно воткнуть на полном скаку копые в сердце.

— Я копнул прошлое герцога, — сказал он неожиданно, — и обнаружил... Знаешь что?

— Баб, — сказал я с отвращением.

Он посмотрел на меня с укором.

— Что ты все только о бабах? Какой-то ты странный. О чем ни заговоришь, все на баб сворачиваешь. Я вообще-то их уважительно зову женщинами, а то и ледями!.. А ты — бабы-бабы... И кроме баб, в мире много интересного...

— Ну да, — согласился я. — Олени. С вот такими. Я имею в виду — рогами.

Он продолжил невозмутимым голосом:

— В общем, герцог Ригильт в некотором родстве с королем Антриасом. Представляешь? Нет, ты не представляешь! Троюродная бабка герцога как-то побывала у Бэдэкера, деда Антриаса, и вернулась от него беременной.

Я покачал головой.

— Когда только успеваешь...

Он сказал обидчиво:

— Я при чем?.. Ты слушаешь или о бабах мечтаешь?.. Я все узнал, потому что умею совмещать приятное с полезным.

— Это хреново, — буркнул я. — Нет, приятное с нужным весьма даже как бы да, но вот их еще и родство хреново...

— Ну-ну?

— Только скрепляет эти проклятые узы, — сказал я. — Родство Антриаса и герцога, а не приятного с полезным. То родство хорошее, а то поганое...

Он посмотрел с насмешкой, что-то говорю путано, но это только потому, что еще и думаю, здесь тоже приятное с полезным, что не всегда бывает совмещено в реальной жизни демократически воспитанного человека.

— И что надумал?.. Или передумал?

— Напротив, — ответил я зло. — Чересчур они... склешились. Если мы хорошие ветеринары, надо помочь разъединиться.

Он бросил беглый взгляд на мой мешок.

— Кажется, догадываюсь, какой из тебя ветеринар. И как поможешь им расцепиться.

— Гениальность в простоте, — возразил я с достоинством. — И хотя я сторонник более запутанных решений, но пока еще не настолько старый, чтобы самому не запутаться.

— И как?

— Будем упрощать, — пояснил я. — И решать по-простому, по-народному. Чтобы общественность в нашем лице поняла. Остальным не скажем.

— То есть, — уточнил он, — пока не умеешь? Это и хорошо.

Деревья расступились, убежали за спину, впереди появилась и понеслась к нам широкая поляна совсем без травы. Мягкий шорох под копытами сменился сухим стуком по твердой земле, я покосился на тень, уже почти привык, что у меня их две, одна темная, другая слегка красноватая, но обе с разной скоростью растут, а когда пересекаются, то на стыке тень становится ярко-зеленой или ядовито-оранжевой.

Фицрой, что все замечает, поинтересовался невинно:

— Что-то колдовское?

— Да, — пробормотал я. — Тени... Кто-то из колдунов как-то использовал их силу?

Он пожал плечами.

— Не слышал. А можно?

— А как же, — откликнулся я. — Темная материя — это наше все. На сегодня. А также темная энергия.

Глава 3

Но если не обращать внимания на две тени от меня и моего коня, то я здесь как бы уже прижился. А что цветные тени... так они вообще-то весь мир делают цветным. Здесь воздух прозрачнее, вижу дальше, слышу лучше, а возможность хотя бы минимального уровня колдовства вообще делает жизнь почти прекрасной.

— Не сюда, — сказал Фицрой. — Охотники соберутся вон там между холмами. Загонщики пойдут широкими полосами справа и слева, сойдутся...

— А потом погонят бедных зверей на короля?

— И его гостей, — подтвердил он.

— Совсем озверели, — сказал я с неудовольствием. — С доставкой им, видите ли... Нет чтобы погоняться.

— Тебе что, — спросил он, — хуже?

— Я за справедливость, — возразил я. — Великий глерд Чехов сказал, что благородному человеку бывает стыдно даже перед собакой! А уж перед благородным оленем так и вовсе.

— Держись за мной, — посоветовал он, — тут завалы.

Падающие от старости и ветра деревья кое-где образовали такие буреломы, что проще было слезть и тащить коня за узду, помогая перебраться, чем возвращаться и искать обход.

Но человек произошел от обезьяны, как говорят креационисты, или это не они говорят, в общем, мы шли и ташили за собой испуганных и фыркающих коней.

Уламрия, в отличие от королевства Нижних Долин, похожа на застывший океан с исполинскими волнами, что за века превратился в землю, где волны стали зелеными холмами, а промежутки между ними теперь называются долинами.

Некоторые холмы стараниями ливней и ветров опустились настолько, что об их прошлом напоминают только небольшие возвышения, другие же уцелели, разве что потеряли острые гребешки.

Фицрой указал на достаточно высокий холм.

— Оттуда будет видно все, — сказал он гордо, подумал и уточнил: — Как мне вроде бы почему-то кажется. Такое у меня чутье. Охотник я или как бы нет?

— Скоро узнаем, — буркнул я.

Он первым покинул седло, а пока я бережно снимал мешок со снаряжением, стреножил коней и, шлепнув каждого до толстому крупу, велел пастись и нагуливать жир, нанося экономический ущерб улармийским землякам.

Я с мешком на плечах покарабкался на самую вершину. Голые камни, все еще с острыми гранями, птичий помет и перья, зато прекрасный вид на заповедный королевский лес, где водится, как заверил Фицрой, самая разная живность. И не просто водится, а ее там полным-полно, раз уж охотиться нельзя никому, кроме короля.

С вершины холма местность внизу напоминает скомканную зеленую шерсть на исполинской шкуре. Лиственные деревья стоят так плотно, что я начал беспокоиться, открытые места только у ручья да еще на двух-трех редких полянах.

Конечно, если добудут хорошую добычу, то наверняка не станут сразу возвращаться, а устроят пикник с вином и обильной едой, где будут хвастаться удачным выстрелом из лука или молодецким ударом ножа...

Хорошо бы им наткнуться на медведя. Я бы помог медведю, а то у человека слишком явное преимущество, а надо быть честными даже со зверьем, если зверь, конечно, зверь, а не человек.

Фицрой разложил на чистой скатерке мясо, сыр и хлеб, вытащил две чаши и бурдюк с вином. Я покосился с неодобрением.

— Думал, это я неженка...

Он ответил обидчиво:

— При чем тут? Я люблю уют и красивую жизнь. Чаши не нравятся?.. Так из бурдюка и свинья пить умеет!

Он сказал обидчиво:

— Я знаю свинью, что умеет пить из чаши!.. Еще как знаю. Но я добрый, даже не скажу свинье, что она свинья. Хотя она и сама знает...

Я смотрел, как он наливает вино, темно-красное, душистое, а когда я сделал глоток, охнул.

— Это то же самое, что наливали в королевском зале?

Он ухмыльнулся.

— А ты как думал? Я Фицрой, а не какой-то зачуханный Юджин.

— Согласен-согласен, — пробормотал я и сделал глоток побольше. — Просто бесподобное... Беру свои слова взад. Такое, ты прав, можно только из чаш! Из бурдюка — оскорбление и даже унижительно для такого вина. Недопустимо. У вина тоже есть достоинство, если оно благородное вино, а не всякое там.

Он блаженно улыбался, мы пили и неспешно ели, все это в самом деле напоминает пикник на свежем воздухе, даже подготовленная для стрельбы снайперская винтовка выглядит несерьезно, будто я пришел просто пострелять в белый свет.

Далеко-далеко вроде бы гавкнула собака, я человек городской и дитя асфальта, не среагировал, но Фицрой сразу допил вино и поставил на скатерть пустую чашу.

— Началось, — сказал он бодро и уточнил: — Начинается.

— Загонщики? — спросил я мудро.

— Нет, — ответил он, — их собаки. Но еще, судя по лаю, зверя не видят. Так, воздух нюхают, землю, там следы хоть и старые, но запах держится долго...

Я допивать не стал, снайперам вообще лучше не пить и даже не есть досыта, вообще жить медитирующим йогом.

Он проследил, как я отставил чашу и поднялся.

— Слишком не высовывайся!

— А что, — спросил я, — подойдут близко?

— Вряд ли. Но так... на всякий случай.

— Ты мудер, — сказал я. — Быстро схватываешь. Пора тебя придушить.

Он ухмыльнулся, а я лег между валунов на вершине и начал рассматривать местность внизу пока что поверх телескопического прицела.

Долгое время ничего не происходило, потом между деревьями начали мелькать рыжие пятна быстрых коз, оленей, а собачий лай становился все громче и громче.

— Сейчас-сейчас, — пробормотал он над моим ухом, — сейчас увидим и охотников.

— Следом за собаками?

— С ума сошел? С другой стороны долины!

— Ага, — сказал я и чуть переместил длинный ствол, чтобы дуло смотрело на другой конец обширной поляны, которую Фицрой называл долиной.

Справа собачий лай все громче, наконец из-за деревьев выбежали самые ленивые олени и целое стадо кабанов, а за ними загонщики с собаками на длинных поводках.

Те в таком азарте рвутся вперед, распахнув пасти и высунув длинные языки, что гребут лапами землю. Туго

натянутые веревки вот-вот лопнут, потому сами загонщики бегут, откинувшись назад всем корпусом.

Фицрой сказал с беспокойством:

— Что-то охотники запаздывают...

Я лег поудобнее и прильнул к окуляру, но слишком большое увеличение, надо сбавить, изображение слишком прыгает, торопливо повернул колесико, а другой рукой рычаг, восстанавливая резкость...

Фицрой буркнул с сочувствием:

— Нелегкое это дело?

— Быть человеком? — спросил я. — Хуже некуда.

— Есть, — возразил он.

— Что?

— Быть колдуном, — сообщил он. — У тебя вот руки трясутся.

— Это я кур крал, — признался я.

— Зачем?

— Нравится, — сказал я. — Что-то в этом есть такое, нарушительное... А человеку всегда надо что-то да нарушать, иначе он и не человек. Точнее, не мужчина. Женщины нарушать не любят, хотя иногда решаются. А мы просто обожаем...

— Это да, — согласился он. — Ого, вот они!..

Глядя поверх прицела, я увидел, как с другой стороны стены леса распахиваются кусты, кони выметываются разгоряченные, в седлах празднично вопящие всадники, молодые и немолодые лорды, их слуги и прочие спутники, вплоть до поваров.

— Охотники, — пробормотал он презрительно, — мне как-то пришлось одного знатнейшего лорда сопровождать... Никак он не мог ничего подстрелить, хотя лук у него был лучший во всем королевстве!..

— Ну-ну, — сказал я. — Дальше.

Он махнул рукой.

— Я взял заячью шкуру, натянул на кота и посадил под куст. Мой лорд увидел, начал подкрадываться, да так близко подошел, что заяц бы давно убежал, а коту что, сидит себе и мышей высматривает. Ну, прицелился мой горе-охотник, спустил стрелу... И хотя где-то шагов с десяти, но ухитрился только по носу бедную зверюшку шелкнуть.

— Ух ты, — сказал я, уже догадываясь, что дальше.

— Вот-вот. Заяц этот мявкнул страшным голосом, прыгнул на дерево и мигом взбежал на самую вершину!.. Мой лорд бросил лук и всю дорогу бежал до своего замка, даже позабыв, что прибыл на коне... Эх, где же король, не зрю...

— Не высовывайся, — напомнил я.

— Не заметят, — успокоил он. — Ты какую-то совсем колдовскую одежду мне сосватал! Ее не только ничем не рассечь, она еще и цвет меняет, как жаба какая-то...

— Жабы цвет не меняют, — просветил я. — Они всегда гордо-зеленые! Кроме тех, что красные, оранжевые, багровые и прочие. Все равно не слишком уж, камуфляж может и подвести.

— Каму... камуфляж?

— Маскировка, — пояснил я. — Колдуны часто им пользуются. Прикинуться чем-то куда проще, чем сделаться невидимым. Сейчас ты зеленый, как эти листья, а когда прижмешься вон к тем камням, будешь как камни... Ого, это уже интересно!

Из-за деревьев показывались новые крохотные всадники, я на всякий случай посмотрел в прицел, там крупным планом мелькнули лица свиты, затем я рассмотрел короля Антриаса, а рядом с ним регент Ригильт на крупном буланом жеребце.

— Там и будут ждать, — сказал Фицрой убежденно.

— Какая же это охота, — буркнул я. — Убийство братьев меньших...

Он покосился на меня в изумлении.

— Королевская!.. Неужели королям, как нам с тобой, гоняться за зверьем по лесу?

— А что, заморятся?

— Не по-королевски, — заявил он. — Загонщики сейчас завернут все, что спугнут, и погонят всех, кого подняли, прямо на этих... Все правильно! С доставкой.

— Чтoб не перетрудились, — сказал я. — Ладно, для нас даже лучше.

— Чем? Ах да...

Я прислушался к себе, блин, да я почти спокоен, хотя и есть некий мандраж, но это не страх, скорее прилив адреналина. Ну нет во мне священного ужаса, что смотрю на человека через оптический прицел, а когда нажимаю на спусковую скобу, то тяжелая стальная пуля с огромной силой либо грудь пробьет насквозь, либо череп разнесет...

— Сколько же в человеке от питекантропа, — пробормотал я. — То-то я так себе нравлюсь, когда смотрю в зеркало.

— Пите... кантропа? — переспросил Фицрой.

— Эти такие химеры, — объяснил я. — В глубокой древности. Говорят, наши славные предки с ними баловались в походах, когда женщин под рукой не было.

Он хмыкнул.

— В походах можно. И не только с химерами. Чего ждешь?

— Начала охоты.

— Она уже идет!

— Не то, — пояснил я. — Лучше это сделать в завалухе, когда... в общем, сам понимаешь, чтоб больше неясностей.

— Не понял, — ответил он, — но это неважно. Главное, чтоб началось! Ты их всех перебеешь?

— Какой кровожадный, — заметил я.

— Что, пожалел?

— Нет, — ответил я честно, — но воздействие должно быть минимальным. Тогда это красиво, возвышенно, эстетично.

Он поморщился.

— Слишком ты непонятный.

Глава 4

Собачий лай приближался, кусты на дальней стороне начали распахиваться, на полянку выбежали олени, стадо диких свиней во главе с громадным вепрем.

Все понеслись со всех ног через открытое пространство, стремясь поскорее нырнуть в спасительную чащу, и тут торжествующие охотники выбежали навстречу. Половина лордов выставила перед собой копья, король Антриас с громадной секирой в руках соскочил с коня и загородил дорогу вожаку стада свиней...

Я не отрывал взгляда от герцога, тот уже пеший с копьем в обеих руках встал на пути крупного оленя. Глупое животное метнулось прямо на острие, с хрустом рвущихся мышц насадило себя до половины копья, но древко сломалось, олень всей массой свалил герцога на землю.

Ригилт упал под звериной тушей довольно умело, обломок копья моментально выпустил, как только оно хрустнуло, выхватил из ножен длинный кинжал и точно вонзил оленю в левый бок по самую рукоять.

Фицрой довольно крикнул и потер ладони, мастерский удар прямо в сердце оценит и похвалит любой охотник.

Я дышал ровно, и когда Ригильт на пару секунд замер под оленем, нажал на курок.

Фицрой охнул, я сам не ожидал, что верх черепа герцога слетит в тот же момент, как голова умирающего оленя ткнется в грудь регента.

— Красиво, — прошептал над ухом Фицрой, — даже поэтично... Какие брызги, вон даже по дереву стекает кровь!

— Рога точно на морде, — сказал я. — Даже лучше, чем задумывал... Нам везет.

— Бей остальных? — предложил он.

— Уходим, — велел я. — Мы же красивые.

Он вздохнул.

— Я бы не утерпел...

— Думаешь, — спросил я, — мне их жалко?.. Не забудь чаши и бурдюк. Там что-то осталось?

Пока я складывал винтовку и закутывал в тряпки, прежде чем сунуть в мешок, он собрал чаши и бурдюк, связал в узел и понесся вниз с холма. Когда я сбежал за ним следом, он уже вывел коней из-под низких ветвей, держа под уздцы.

— Спасибо, — сказал я. — Уходим, но на рысях, на случай, если кто увидит.

Он кивнул, и обратную дорогу весело рассказывал истории, горланил песни, всяк увидит, что едут двое подвыпивших лордов от одних женщин к другим и ничего их больше не интересует.

Не знаю, что со мной, чувствую себя прежним, ничто не изменилось, но я убил и вот теперь, как ни копаюсь в себе, ну никак не чувствую в себе душевного надлома. Может быть, этих душевных надломов вообще не бы-

вает, а это один из способов, чтобы на халяву получать заботу от государства, отдыхать в лучших санаториях под присмотром лучших врачей и сексапильных медсестер?

А что, психиатры тоже заинтересованы поддерживать придуманный ими «синдром войны». Это же большие заработки, расширение клиентуры, возможность купить более дорогую машину, дворец на Цейлоне, открыть еще один счет в банке...

Общество же, если даже и заподозрит неладное, постесняется пикнуть, правозащитники тут же набросятся с упреками. Вот так и нежатся побывавшие в горячих точках, якобы избавляясь от кошмаров.

А я, что я?.. Я человек в меру честный, если никаких душевных надрывов не испытываю, то и говорю, что не испытываю. Потому что пока еще не хочу на покой и в санатории, мне здесь начинает нравиться.

Что-то в этом есть древнее, настоящее, когда питекантропы растоптали австралопитеков и захватили мир, а спустя какой-нибудь жалкий миллиончик лет их самих растоптали кроманьонцы... Я тоже чувствую себя кроманьонцем, что улучшает человеческую породу, хотя, может быть, я уже тот, кто и самих кроманьонцев сотрет с лица земли ради более совершенного человека, а стереть с лица земли лучше всего силой, это надежно...

— Сделаем мир лучше, — пробормотал я.

Фицрой оглянулся, сказал бодро:

— Как правильно!.. Вон то село я давно приметил. С первого же дня.

— И что?

— Будем делать мир лучше, — заявил он с убеждением Галилея перед инквизицией. — Тебе нужна эта, как ее, алиби? Или не нужна?

— Еще как нужна, — ответил я. — Хотя и не совсем, а так, на всякий случай.

— Тогда едем.

Он бы остался в том селе еще надолго, понравилось делать мир лучше, но я решил, что для алиби достаточно, настойчиво оторвал его от улучшения человеческого вида, вытащил на свежий воздух.

— Нужно ставить перед собой цели, — заявил я. — Великие!.. Да, я знаю, что когда они голые, то леди и крестьянка смотрятся одинаково, да и ведут себя одинаково, но мне вот приятнее вытереться подолом великоколедского платья, чем платьем из грубой мешковины!

Он вздохнул.

— Это да... Но ради такой малости...

— Это не малость, — сказал я сурово. — Это условность! А вся наша жизнь на условностях и разной ерунде, чем маются только люди. Однако простые люди почти не маются, а умные маются так, что вообще дуреют. С кем мы?

Он проворчал:

— Ладно-ладно, поехали. Умный больно. Ничего не понял.

— Я тоже, — возразил я с достоинством, — ну и что? Человеку дан язык и не дан животным. Вот и пользуюсь.

— У них тоже языки, — сообщил он. — Если хорошо приготовить такое блюдо, пальчики оближешь!.. А ты знаешь, как же мне понравилось создавать алиби!.. Никогда сложная и важная работа по сохранению государственной тайны не была такой... ну... нетрудной. Теперь я знаю, как она называется! Алиби...

— Так надо было, — буркнул я.

— И посуду бить?

— Это чтоб заметнее, — ответил я неохотно.

— А когда ты утащил в постель сперва Герту, а потом ее мать?

Я пояснил с неохотой:

— Это все для дела, понимаешь?.. Такая у нас работа. Пойдет шум, все будут знать, что как только наш посол уехал на охоту, мы сразу же в село к молодым девкам, где пили и безобразничали так, что даже выговорить стыдно.

Он сказал довольно:

— Я же и говорю, нравится мне это создание али-би. И вообще в государственной службе посольства бывают приятные обязанности. И то, что мы улучшаем человеческую породу...

— Делаем мир лучше, — уточнил я, так наша деятельность звучит более обще и потому благороднее. — Все для гуманизма и человечности, а для этого нужно начинать с самых основ, понимаешь?

— Еще как, — заверил он и облизнулся. — Дипломатом неплохо быть, как вижу. Главное, у нас благородная обязанность делать мир лучше.

— И мы его сделаем, — пообещал я.

— Это наша обязанность, — подтвердил он.

— Плодитесь и размножайтесь, — пробормотал я. — Так сказал Господь...

Он спросил заинтересованно:

— Кто-кто?

— Это бог из дальних королевств, — сообщил я. — Он дал много заповедей людям, но эта была самая первая и самая главная: плодитесь и размножайтесь!.. Остальные можно и забыть, но эту нужно помнить и блюсти истово и твердо.

Те, кто не был приглашен на королевскую охоту, на мой взгляд, выиграли. Пили и ели в три горла, а потом в зал вбежал королевский слуга и прокричал, что на

охоте в результате несчастного случая серьезно ранен лучший друг короля Антриаса, его союзник герцог Ригилт, потому пир прекращается ввиду недостаточной уместности.

Мы с Фицроем к этому моменту уже полчаса пировали за столом, оба понимаем, что королю Антриасу нужно сперва решить, сообщать или не сообщать, а раз уж сообщать все равно нужно, то сперва нужно решить, как именно...

Фицрой посмотрел на меня с укором, я напрягся, что-то Антриас темнит, в прицел я видел хорошо, как тяжелая пуля снесла герцогу верх черепа...

Финнеган подпрыгнул, на лице дикое и радостное изумление длилось целую секунду, затем помрачнел и сказал мрачным голосом:

— Горе, какое горе!.. Надо продумать, как именно выразить свое соболезнование его величеству.

Эллиан и Баффи сперва не поняли, потом начали неуверенно улыбаться, Финнеган цыкнул на обоих, а я сказал лицемерно:

— Как вам не стыдно, почему не проливаете горькие и горючие слезы? Вон глерд Финнеган в таком горе, таком горе... Вы должны хотя бы рыдать и биться головами о стол. Лучше об углы...

Эллиан перестал лыбиться, поглядел на Финнегана с непониманием, как же так, враг серьезно ранен, как это не радоваться, Баффи улыбаться перестал и помалкивает на всякий случай, осторожный, быть ему дипломатом, хоть и на вторых ролях, только Фицрой сказал с удивлением:

— Как, его светлость почему-то ранен? На него зверь напал?.. Или кто-то нечаянно пырнул пикой в спину...

Я подсказал:

— И так двенадцать раз...

Фицрой сделал титаническое усилие, чтобы не зажать, покраснел от натуги, наконец выдавил из себя придушенным голосом:

— Но как он мог? А как же без него Опалосса...

Финнеган метнул в его сторону злой взгляд. Я встревожился, Фицрой может и проколоться, но на его лице такое искреннее непонимание, что Финнеган только буркнул:

— Нам сообщат.

— Что? — спросил Эллиан.

— Что надо, — отрезал Финнеган, — то и сообщат. Пока никаких комментариев. Всем хранить молчание и вести себя скорбно и печально.

— Да, — сказал Фицрой, — это такое горе, как сказал глерд Юджин, такое горе!.. Хорошо, что мы успели съездить в село за молоком, свеженького попили, а то здесь только сыр и творог...

Финнеган поднялся и сказал коротко:

— Все уходим. Поговорим у меня. По дороге ни слова!

Народ поспешно, хоть и с неохотой, покидает зал, мы вышли в общем потоке, а потом отделились, Финнеган вошел в свою комнату первым, Фицрой появился последним и деловито закрыл за собой дверь на задвижку.

Эллиан нервно оглянулся, Фицрой сказал зловеще:

— Пока бить не буду. Все потом...

Я сел все так же на край стола, на этот раз никто не косился, не до того, начали обсусливать случившееся на охоте, но я уже видел, что совещания не получается, обсуждать нечего. Все, что удалось узнать, герцог ранен диким зверем, что совсем не редкость на охоте. Правда, оленем, а не львом или медведем, но олени достаточно часто нападают на охотников, иногда бьют рогами,

чаще — копытами, и хотя это часто, но редко, так что бывалые охотники учитывают даже то, что могут убить и зайцы, когда поднимаешь раненого зверька за уши, а он сильными ударами задних лап распарывает тебе живот так, что кишки лезут наружу.

Некоторое время вяло обсуждали разные случаи из жизни охотников, наконец Финнеган сказал твердо:

— Наша миссия окончена. Нужно как можно быстрее вернуться к ее величеству и доложить, что здесь случилось.

Фицрой сказал весело:

— Пойду распоряжусь насчет коней?

Финнеган кивнул.

— Да. Эллиану проверить, чтобы мы успели попрощаться со всеми высокими должностными лицами. Баффи, проследи, чтобы мы ничего не оставили важного.

— И компрометирующего, — подсказал я.

Финнеган бросил в мою сторону косой взгляд.

— За этим нужно смотреть ежечасно, — изрек он, — а не только в моменты покидания... удаления... отбытия!.. А вы, глерд Юджин...

— Понял, — ответил я с готовностью, — пошел, пошел, пошел... И не буду мешать умным и занятым людям, а то еще спалю что-нибудь по дурости.

Глава 5

По дороге в Нижние Долины я пять или шесть раз пытался на привалах создавать порталы, но получилось только дважды. Первый раз я видел все тот же лес, во второй раз появился некий ручей, я рискнул сунуться в

проем, оказался в самом деле в виду ручья, но опять же на расстоянии вытянутой руки от прежнего места, просто не заметил, что с той стороны дерева бежит этот самый ручеек.

Лучше бы не пытался, как будто душу из меня вынули, устал и одновременно проголодался. Фицрой встревожился, примчался с огромным куском мяса и бурдюком вина, кормил и отпаивал, приговаривая, что колдовство до добра не доведет, то ли рога отрастут, то ли еще хуже — к женщинам ходить не смогу.

— Да какое колдовство, — пробормотал я, — так... ослабел что-то... Я вообще слабый...

Он сказал понимающе:

— Ешь-ешь. Я же не против. Сам бы подучился, если бы умел... и не боялся того самого... говорят, у колдунов такое часто. Что-то новое придумываешь или тайком бриллианты с кулак создаешь?

— С орех, — ответил я. — Но много.

Он ухмыльнулся.

— Хорошо! Бриллиантами будем бросаться оба, а по бабам ходить буду я один. Но ты не волнуйся, буду за двоих!

Я с трудом поднялся.

— Пойдем, а то Финнеган уже кипит. Не терпится принести важную новость королеве.

— Думаешь, война будет?

— Не хотелось бы, — признался я. — Мы с тобой спецы по булавочным уколам, ими можно изменить ход истории, а против армии с булавкой не попрешь.

Он помог мне выпрямиться и даже поддерживал, пока не вышли на поляну, где расположились, обедая, Финнеган и его помощники.

Финнеган взглянул в нашу сторону, бросил Эллиану:

— Глерд, соберите все в мешок, пора ехать.

Фицрой сказал мне громко:

— Видишь, как харчи прячут?

— Пожрем? — спросил я.

— Вместе со скатертью, — заверил Фицрой. — Ага, все унес... Жадные они?

— Просто хозяйственные, — сказал я. — Все-таки это ж свое, а королевство... оно хоть и побольше этой скатерти, но сам понимаешь...

Финнеган крикнул от коней сердито:

— Побыстрее!.. Мы торопимся.

— Отечество в опасности, — сказал я Фицрою. — Поспешим. Тебе же все равно кого спасать?

— Не совсем, — ответил Фицрой после минутного раздумья, — но ладно, для разнообразия спасем отечество, а баб потом, но только на этот раз....

И снова нескончаемая дорога, что вниз-вверх, в сторону, через болота, речки, ночевки в селах и просто в лесу, но все же высокие башни Санпринга показались много раньше, чем я ожидал.

Фицрой заметил радость на моем лице, сказал мудро:

— Дорога обратно всегда короче.

Финнеган все поторапливал своего конька, так проехали под аркой городских врат, через город, часовые на въезде в дворцовый сад признали Финнегана и торопливо распахнули перед ним ворота.

Уже перед главным дворцом Финнеган с трудом сполз по конскому брюху на землю, Эллиан и Баффи помогли своему господину удержаться на ногах, но он через пару секунд отстранил обоих и сказал хрипло:

— Я немедленно... да... королеве...

Эллиан сказал торопливо:

— Мы вас проводим!

— Королева должна узнать поскорее, — проговорил Финнеган как в забытии, тяжело вздохнул. — Королевство в опасности...

— Да, — подхватил Эллиан, — это сокрушающие новости.

Финнеган посмотрел в нашу с Фицроем сторону, в лице что-то проскользнуло новое, но голос остался таким же повелительным и полным властной угрозы:

— Отдыхайте. Все! Если ее величество изволит, то вызовет вас для уточнения деталей, которые я мог упустить.

Но весь его вид говорил о том, что уж он точно ничего не упустит, старый конь борозду не испортит, пусть даже глубоко не вспашет, потому мы свободны, свободны, свободны...

Я снял с коня мешок, готовясь отнести в комнату в башне, которую мне по указу королевы позволено занимать, Фицрой повертел головой, неожиданно заулыбался, высмотрев кого-то из женщин, заинтересованно разглядывающих нас с высокого балкона.

— Я тоже, — сообщил он мне радостным шепотом, — срочно должен кое-кого навестить. Тоже королеву... в некотором роде.

— Увидимся, — сказал я.

В своей комнатке я некоторое время боролся с желанием подняться в лабораторию Рундельштотта и шагнуть в портал. Правда, если Рундельштотт там, то придется как-то схитрить, но после того провала, как он считает, ему расхотелось вообще туда заходить, так что могу без всяких преград...

Часа два я колебался, наконец совсем уж решился, но дверь распахнулась, на пороге вырос королевский гвардеец из охраны внутренних покоев.

— Глерд Юджин, — произнес он почтительно.

— Королева? — спросил я.

— Ее величество, — поправил он. — Изволит. Изволит восхотеть вызвать вас. К себе.

— Хорошо, — ответил я. — Как-нибудь к вечеру, так и передайте. Или завтра...

Он нахмурился.

— Глерд, у вас шуточки просто непристойные. О ее величестве нужно говорить с уважением.

— А я?

— Недостаточно, — отрезал он. — Вы же глерд или не глерд?

— Глердее не бывает, — заверил я, — хоть и не глерд. Все верно, королева же символ, а не какой-то там человек. Символу приятнее служить, чем капризному человеку, верно?

— У ее величества не бывает капризов, — отрезал он.

Я поднялся, вздохнул.

— Тогда это в самом деле не женщина. Пойдем.

Нас никто не останавливал, пока шли через двор, а потом в главном здании по залам, лестницам и снова залам.

У двери королевского кабинета гвардейцы посмотрели сперва на моего сопровождающего, тот кивнул, слуга у двери поспешно распахнул ее для меня.

Кабинет освещен ярко, мне такое нравится, золотой блеск на стенах, обивках кресел, в узорах стола и прочей мебели, а королева за столом надменная и величественная.

Кресло с высокой тронной спинкой, что значит наверху геральдические львы, знаки власти и скрещенные мечи. Сама королева некоторое время писала что-то невидимое для меня, потом вскинула голову и взглянула в упор.

Нарушая этикет, никто не смеет заговорить с королевой первым, я сказал жизнерадостно:

— Драсте, ваше величество!.. Хорошо выглядите! Платье вам очень идет. Прямо под цвет вашего лица.

Вообще-то платье золотисто-желтое, так что комплимент какой-то не того, но зато сказан с радостным дружелюбием придворного дурака, который жаждет сказать приятное.

Она поморщилась.

— Глерд, я позвала вас не для... а для другой цели. И по другому поводу. Кстати, сядьте вон там, не стойте посреди кабинета.

Я сел, пряча ухмылку. Получается, стою по своей воле, а она против, и потому велит слушаться. Молодец, быстро меняет правила. Помнит, как меня взъерепенило в прошлый раз.

— Ваше величество?

Она сказала деловым голосом:

— Глерд Финнеган очень подробно отчитался о проделанной работе. Может быть, даже слишком подробно.

— Гм, — сказал я.

— Но теперь, — сказала она строго, — не мешает послушать вас, глерд. Вы смотрели несколько со стороны и могли увидеть больше.

— Ваше величество, — сказал я скромно, — позвольте доложить, все ваши поручения были исполнены.

Она внимательно посмотрела в мое лицо, которое я стараюсь держать спокойным и бесстрастным, но эта Королева Змей все равно как-то видит, что у меня под маской.

— Все поручения, — задумчиво повторила она. — Это хорошо... Только, глерд, напомните, разве я вам отдавала вообще какие-то поручения?

— Верно, — согласился я. — Поручения вы отдавали достопочтенному и высокородному глерду Финнегану. А мне так... обмолвились о какой-то мелочовке.

Она нахмурилась.

— Что-о?

Я пояснил:

— У меня ранг невысокий, потому не назовешь же это поручением? Ерунда всякая, даже ерундишка. Типа предотвратить или отсрочить войну с Уламрией, расстроить военный союз Уламрии и Опалоссы...

Она не сводила с меня испытующего взгляда.

— О военном союзе сообщил глерд Финнеган, — произнесла она, — как глава посольства. Это очень важное событие. И даже о печальном происшествии, постигшем герцога Ригильта...

— Да, — подтвердил я. — Очень печальном. Такое горе, такое горе!.. Как жить будем?

Она нахмурилась.

— У вас недостаточно уважительный тон, глерд. Герцог Ригильт ранен диким зверем...

— Очень диким, — подтвердил я. — Диким и травоядным!.. Правда, герцог Ригильт был в зеленом костюме цвета свежей молодой травы... Но это неважно. Олень был совсем диким. Хоть и благородный. Но я знаю даже благородных глердов, которые, если сильно раздражить, становятся совсем дикими.

Она посмотрела очень внимательно.

— Глерд... вы располагаете дополнительными источниками? Было объявлено, что герцог ранен диким зверем. Каким — не уточнялось.

— Это в самом деле неважно, — согласился я. — Важнее то, что военный союз Уламрии и Опалоссы можно считать расторгнутым. Почти наверняка.

Она покачала головой, не сводя с меня пристально-го взгляда.

— У вас такой уверенный тон... Из-за легкого ранения герцога союз не будет расторгнут.

— Ранение не совсем легкое, — уточнил я.

Она потребовала:

— Глерд! Выкладывайте все, что знаете.

— Хорошо-хорошо, — сказал я торопливо, — как скажете. В общем, в начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою...

Она прервала в нетерпении:

— Это что?

— Вы же сказали «с начала»...

— Глерд, — сказала она резко, — не испытывайте мое терпение. Что произошло там такое, что военный союз может рухнуть?

Я поклонился.

— Ваше величество, военный союз Уламрии и Опалоссы явился неприятной неожиданностью для нашего посольства... хреново работает наша разведка, ваше величество... и, конечно, обрадовал всех уламрийцев.

Она заметно помрачнела.

— И как... вам удалось, по вашему мнению, расстроить военный союз Уламрии и Опалоссы?

— Как вы и велели, — ответил я и посмотрел на нее бесстыже-честными глазами. — Союз был заключен между королем Уламрии Антриасом и герцогом Ригильтом, регентом Опалоссы. А король в Опалоссе, если вы не помните за великими и неподъемными государственными заботами, некий Плаций... Говорят, интеллигентный, умный, но слишком мягкий. Совсем как вы, ваше величество.

Она нервно дернула щекой, что выказывает явное волнение, даже весьма сильное.

— Что насчет военного союза?

— Его заключили Антриас и Ригильт, — повторил я, — а это не совсем легитимно. Я правильно понимаю?

— Дальше!

— И мы его, — ответил я, — как вы и велели, нарушили силами нашего посольства.

— Как?

Я посмотрел на нее в изумлении.

— Удачное стечение обстоятельств, ваше величество. Только и всего! Удачное стечение, судьба вас любит. Под мудрым руководством благороднейшего глерда Финнегана, которого вы так мудро поставили во главе посольства, чтобы он весь свой громадный опыт и жизненную мудрость...

Она прервала:

— Это опустите, глерд! Сразу о сути.

— Ваше величество. Король Антриас и герцог Ригильт поехали на охоту в королевский лес, а там регента королевства Опалоссы нечаянно убил простой и даже неблагородный олень. Хотя, правда, я слышал, что есть и благородные олени.

Она вздрогнула.

— Какое сча... я хотела сказать, какой ужас!.. Но... действительно убит? Почему же тогда сказали, что ранен?

Я посмотрел на нее преданно-бесстыжими глазами.

— Вам правду сказать, ваше величество?

Она сердито поджала губы.

— Допустим, убит. Но... вы при чем?

— Абсолютно ни при чем, — твердо заверил я. — Если не считать той ерундишки, что я сам в некотором роде был тем оленем.

— Что-о?

Я уточнил:

— Как вы и велели, ваше величество, я его немножко убил.

— Оленя?

— Оленей я не убиваю, — заверил я. — Вообще не знаю, оттуда оленина берется. И знать не хочу. Предполагаю, что есть такое оленье дерево, на ветках растут и созревают куски оленины... Сразу жареные.

Она сверкнула глазами.

— Что с герцогом? На самом деле?

— Ригильтом?.. Олень ткнул его рогами. Да так неудачно, что снес половину черепа. Но зато нижняя часть осталась в целости! И все зубы на месте, представляете?

Она широко распахнула глаза, нервно огляделась по сторонам.

— Тише!.. Что вы такое говорите, глерд!.. Я здесь при чем? Я ничего подобного не велела!

— Дык я и не говорю...

— Короли не отдают такие приказы!

— Точно, — сказал я с восторгом. — Вы велели устранить. Устранить препятствия. И я, того... устранил. А Плаций должен был получить послание брать власть в свои руки, пока ее не перехватил другой энергичный мерзавец.

— Послание?

— Ваши мысли, — сказал я, — ваше величество, но от моего имени, чтобы вы оставались в стороне. Сейчас все мерзавцы, один мерзавец едет на другом и мерзавцем погоняет, но хотя это и редкость в нашем мире, однако нужно иметь в виду, что такое возможно. Потому Плаций должен немедленно брать власть!

Она промолчала, что и приказа устранить не отдавала, вижу, как напряженно и быстро раздумывает, это же

как резко все поменялось за время нашего посольства, с ума сойти.

— Будем надеяться, — проговорила она медленно, — что трон займет все же Плаций.

Я сказал скромно:

— Определенная работа в этом направлении уже проделана.

Она вскинула брови, лицо напряглось.

— Что? Это как?

Я ответил еще скромнее:

— Ваше величество, а оно вам надо? В смысле, нужно ли знать такие мелочи, что иногда не совсем как бы чистые... Вы должны быть выше, в небесах, в порханиях, в государственных заботах о счастье таких вот скромных подданных, как я. А если кого зарезать или удавить...

Она прервала:

— Довольно.

— Как скажете.

— Я ничего, — сказала она, повысив голос, — не желаю слышать. Я надеюсь на мир и безопасность в моем королевстве и на его границах.

— И отдаете общие указания, — подхватил я понимающе. — Королевские. Величественные и вообще общие, дальше некуда. Ибо!.. Я так и понял, я же понятливый... Ваше величество, там за дверью появился Мяффнер. Видимо, что-то срочное. Примете или пусть ждет?

Она продолжала смотреть на меня все так же холодно и с напряжением, однако в ее лице что-то неуловимо изменилось, словно по нему промелькнула тень беспокойства.

— Мяффнер?.. Вы уверены, глерд?

— Да, — ответил я. — И у него в руках что-то тяжелое.

Глава 6

Она все еще колебалась, рассматривая меня, а я зыркнул в сторону двери, стараясь понять, что же держит Мяффнер, видеть не могу, но положение рук синего силуэта говорит, что держит нечто, а раз слегка откинулся назад, то это нечто увесистое.

Она сделала кончиками пальцев небрежное движение, слуга справа от двери тут же распахнул ее и что-то произнес в коридор.

На пороге появился Мяффнер с массивной шкатулкой в обеих руках. Я с облегчением перевел дыхание, голубой силуэт мог принадлежать и не Мяффнеру, хотя, конечно, таких низкорослых и толстенных не так много, а на этаж королевы пускают далеко не всех.

Мяффнер поклонился издали.

— Ваше величество...

Она опять же кончиками пальцев велела подойти, а когда он торопливо приблизился, спросила блекло:

— Что у вас такое срочное?

Он с поклоном поставил шкатулку перед нею на стол.

— Как вы и велели, ваше величество...

Она бросила в мою сторону взгляд, словно хотела сказать, что ничего подобного, ничего такого не велела, королевы такое не велят, королевы выше, а я, того, сделал вид, что даже не пытаюсь понять: в этой шкатулке омолаживающий крем для лица или же только для щек.

— Спасибо, глерд, — сказала она. — Идите. Поговорим позже.

Он поклонился и, на всякий случай не замечая меня, вышел, а она повернулась ко мне.

— Если союз нарушен, — напомнила она, — тогда война откладывается?

— Совершенно верно, — сказал я. — Не отменяется, а именно откладывается. А вы знаете, ваше величество, вы все-таки умная королева, кто бы подумал!.. Я вот не думал, я теперь вижу. Полагал, что вы только красивая, а оказалось, еще и умная... Так обычно не бывает, потому я подумал было, что у вас, к примеру, ноги там под длинным платьем кривые, а то еще и волосатые, но потом вспомнил, что у королевы вообще не бывает ног...

Она досадливо поморщилась.

— Как ведет себя Антриас?

— Король Антриас, — сказал я трезво, — от своих планов не откажется. Такие люди ищут не оправдания, а возможности.

Она вперила в меня злой взгляд, но сразу же отвела в сторону, словно сочла меня тонкокожим, ага, щас затрепещу.

— Да, Антриас... упорен.

— Но теперь будет действовать осторожнее, — сказал я. — Видеть его пришлось близко, ваше величество. Как вы помните, я передал ему ваше крайне вежливое послание.

Она поджала губы.

— Вежливое? Меня до сих пор коробит от дерзости.

— С Антриасом лучше всего говорить именно так, — сказал я. — Вежливость расценивает как слабость. Или даже трусость. Потому... да. Он прочел, разгневался, даже взъярился, но сумел взять себя в большие волосатые, а это дурной знак, ваше величество. С неуправляемым и гневающимся правителем справиться проще.

Она посмотрела на меня в упор.

— Вы меня поучаете, глерд? Вам виднее?

Я вскрикнул в великом огорчении:

— Ваше величество!.. Как можно?.. Вы же символ!.. А символы как бы вне!.. И за. Имею в виду, за разумной гранью. Ибо. Потому что. Антриас теперь не попрет напролом, а попробует давлением... Вы как насчет податливости?

Она ожгла меня ледяным взглядом.

— Короли не могут быть податливы или неподатливы. Мы и есть суть королевства!

— Ага, — сказал я, — значит, ага. Это внушает. А я вообще-то человек внушаемый, хотя, конечно, и толстокожий. Зато твердолобый. Вы мне внушили, ваше величество!.. Я счастлив просто безмерно! За внушение. Я могу идти?

Она ответила с некоторым неудовольствием:

— Идите. Но столицу покидать запрещаю.

— Я под домашним арестом?

— Нет, — отрезала она, — вы можете еще понадобиться.

— До того, — сказал я понимающе, — как пустить в расход?..

— В расход?

— Это наш воинский юмор такой, — пояснил я. — Как бы на повышение!.. Буду ждать, ваше величество, когда вы меня снова внушите. Откланиваюсь...

Я откланился с пританцовыванием и размахиванием воображаемой шляпой. И хотя здесь так не делают, но, думаю, пару раз увидят и тоже начнутся ритуальные танцы.

Я же Улучшатель как-никак.

У башни Рундельштотта все еще стража, уже другие гвардейцы королевы, но меня знают, молча отступили от двери. Я медленно поднимался по винтовой лестнице, вспоминал, все ли сделал, ничего ли не забыл важ-

ного, а самое главное: сохранится ли умение вызывать портал и в том мире...

Мимо двери Рундельштотта прошел на цыпочках, пусть отдыхает после похищения, да и что могу сказать, а врать и выкручиваться без особой необходимости тоже ни к чему.

В лаборатории пусто, а вся часть стены с Зеркалом Древних завешена темным покрывалом с королевскими гербами и скачущими единорогами.

Я отцепил ткань с одной стороны, все равно никто не войдет в лабораторию за все время моего отсутствия, задержал дыхание и, выставив перед собой руку, нажал ладонью на холодную поверхность.

На миг показалось, что не прорву эту незримую пленку, рванулся сильнее, уже чувствуя холодок страха, едва не упал, оказавшись на той стороне в полной тьме, на ночь всегда велю выключать все фонари вокруг дома, а то мелатонин не вырабатывается в моем нежном организме, но сейчас в комнате при моем появлении сразу же зажегся красноватый свет, похожий на аварийный.

Я погасил его взмахом руки, отключил трансформатор и устало потащился в ванную, где стянул рубашку и швырнул в ящик для стирки.

Штаны, сапоги и все остальное сбросил по дороге, выскочивший из норки пылесос мигом подхватил, деловито оглядел, оценил, подумал, но измельчать не стал, а быстро почистил и понес в гардеробную.

Я встал под теплые струи душа, повозил пальцем по тачу, добавляя напор, оттемпературил по, отключил струи снизу, не фиг эту роскошь, сейчас чего-нибудь попроще...

В коридоре слышались шлепающие шаги, словно в мою сторону бежит молодой тюлень, дверь ванной комнаты рывком распахнулась.

Мариэтта, заспанная и прекрасная в томной пододеяльной нагоде, замерла в изумлении на пороге.

Я инстинктивно напряг широчайшие и косые, плечи слегка развел и приподнял, фигура у меня накачанная, сам люблюсь, не зря пот проливал в тренажерном зале.

Она проговорила в изумлении хрипловатым со сна голосом:

— Ты чего?.. Среди ночи?

Я пробормотал:

— Да так... что-то не спалось...

— Ты дрых, — заявила она, — как кабан!.. А я потом заснула!

— Как птичка, — подтвердил я.

— Да, как птичка!

— А я проснулся, — сообщил я, — потому что птичка превратилась в лягушку.

— Лягушку?

— А кто лягался? Значит, лягушка.

В зеркале, что с нанопокрытием и потому никогда не покрывается паром, моя фигура отражается весьма эффектно, я поворачивался так и эдак, стараясь рассмотреть, что там такое саднит на спине и плече.

Мариэтта охнула:

— Да ты весь... в синяках!

— Где? — спросил я. — Ах, это... твои пальчики, такие нежные пальчики твои...

— Не брешь, — заявила она, — это не я... Где был всю ночь? Где был, гад, спрашиваю?

— Стобой, — заверил я. — Ты свернулась калачиком, я тебя обхватил всю, ты почти поместилась в моих ладонях, во всяком случае сиськи точно были там, как сейчас помню. Так и спали.

Она прошипела:

— А потом? Когда меня приспал? Колись! У тебя не только синяки, у тебя и морда не та!

Я невольно пощупал лицо, вроде бы побрился до того, как шагнуть в Зеркало.

— А чья?

— Вернувшегося с задания, — выпалила она. — Ты смотришь иначе!.. Как будто неделю воевал в горящих пригородах Мадрида!

Я спросил мирно:

— Там же вроде поделили страну на анклавы и за-
тихли? Сейчас там почти спокойно...

Она возразила:

— Не хитри, туда все время добровольцы едут!.. Как и к тем, исламистам. Ты там был?

Я покачал головой.

— Проснись, детка. Я только что поднялся с постели. На часы посмотри! Или чудится, что проспала месяц?..

Она сказала зло и беспомощно:

— Ты в постель ложился другим!

— И ты клалась другой, — напомнил я. — Такой ласковой, нежной...

— Не брешь, — уличила она. — С тобой никогда не буду ласковой. Ласковая только с мужем и... еще одним человеком. Ладно, с двумя. Ты в их число не входишь!

— Пойду топиться, — буркнул я. — Вырою бассейн поглубже, напущу чистой воды и утоплюсь.

Она обняла меня, я довольно заулыбался, но она всего лишь понюхала кожу и волосы, отпихнула, на лице снова жгучее подозрение.

— От тебя пахнет!

— Надеюсь, не женскими духами? — спросил я шутливо.

— Свинья, — выпалила она. — Порохом!.. И конским потом!

— Во как ты меня заездила, — сказал я довольно. — До конского пота... Есть, значит, порох в моих обоих пороховницах.

Она сказала зло:

— Не отхрюкивайся! Что происходит?

— Где я только не был за неделю, — пробормотал я.

Она охнула:

— Я что, проспала целую неделю?

— Да, — заверил я, — моя сонная красавица. Или спящая, не помню. Правда, я тоже во сне где только не был.

Она вздрогнула, глаза стали большими.

— Ладно, ты никуда не ездил, верю... Но кто-то говорил, что ты заказы берешь на дом! Пойду посмотрю, сколько трупов в доме!

Она исчезла, я вздохнул и попозировал перед зеркалом, напрягая мускулатуру вот так и вот так.

Еще издали услышал ее злой визг:

— Где трупы?.. Где трупы?.. Куда спрятал, гад?

Она вбежала в ванную, злая, как мангуста, я пробормотал:

— Признаюсь честно, закопал в саду... Но где, не помню. После того как ты мне ногой по голове вдарила.

— Я? Когда это?

— Неспokoйная ты во сне, — объяснил я. — Крутишься в постели. Наверное, я единственный, кто с тобой еще и спит... Как там завтрак, готов?

Она указала большим пальцем себе за спину.

— Посмотри на часы. До завтрака еще два часа!

— Счастливые часов не наблюдают, — пробормотал я. — Ну что, долежим эти пару часов? Или ты несчастная?

Она ожгла меня, как кнутом, злым взглядом.

— Еще какая! Я же чувствую, что ты, как все мужчины, что-то скрываешь и постоянно брешь!.. Не буду я больше с тобой спать!.. Буду сидеть с пистолетом в руке.

— Да хоть в зубах, — согласился я. — Зато не укусишь.

— Когда я тебя кусала?.. Ладно, то не считается!.. Почему ты мне брешь?

Я подумал, ответил искренне:

— По двум очень важным причинам.

— Ну?

— Во-первых, ты власть...

— А во вторых?

— Ты женщина, — сказал я с некоторым сомнением в голосе, — а женщины нам всегда брешут, потому мы как бы имеем право из оправданного чувства самозащиты...

— Как бы, — возразила она, — это из древних моральных установок, а мы мораль отменили как пережиток, теперь только закон и порядок!.. Никто не имеет права на самозащиту, так как всех защищает власть!

— А если не успеет?

— Обязана успевать, — сказала она твердо, — для того и устанавливаются везде видеокамеры, прослушиваются разговоры, чтобы мы успевали прибывать на место еще до преступления!.. Только ты, гад, такой скользкий, что пока никак... Но я тебя расколю!

Я посмотрел на нее с застывшей улыбкой. А ведь в самом деле, если сумеет накопать компромат, сдаст без всяких сомнений. То, что вяжемся и спим в одной постели, давно ничего не значит, для шпионов это всегда было привычным делом, а теперь уже и для всех не повод даже здороваться.

— Что смотришь? — спросила она с подозрением.

— Да так, — ответил я, — задумался.

Она буркнула с некоторым дискомфортом:

— С чего бы? На мыслителя не тянешь.

— Не тяну, — согласился я. — А хотелось бы малость знать и уметь больше... Привередливый я?

Видимо, сделал что-то не так, вздохнул криво или повел глазом, но мир заблестал триллионами цветных конфетти, а все это великолепие погрузилось в мир колышущихся электромагнитных волн, таких странно шершаво-кисловатых с привкусом ванили.

Она буркнула:

— У тебя глупое лицо. Лучше не старайся быть умным, тебе не идет.

Я вздохнул, а она повернулась и ушла, надменно держа приподнятыми ягодицами.

Вроде бы я не так долго отсутствовал, но мир здесь за это время в самом деле стал иным. Вижу больше, слышу лучше, а главное, сразу же ощутил в доме множество электроприборов, разветвленную сеть проводов, какая старина, хотя пока еще экономичнее, чем модное беспроводье.

А также пронизывающие весь наш мир электромагнитные волны, посылаемые самыми разными приборами, что делает для меня мир странно трепещущим, будто вот-вот исчезнет.

Я тряхнул головой, не исчезло, но сделал усилие, и снова я простой парняга, которому банку пива и на диван перед жвачником.

Но что-то не захотелось, по крайней мере — щас, а что потом — посмотрю. Я человек свободный: хочу — сижу, хочу — лежу.

Рискнул, снова вызвал это странное состояние. Электромагнитные волны разом заполнили мир, а я в

нем как рыба в воде... Осторожно пошарил по разным волнам, натываясь на разную хрень, в основном — дурацкая музыка, не сразу отыскал Инет, а уже там торопливо, словно вот щас поймают и вдарят, порыскал в пределах досягаемости и со сладким ужасом ощутил, что пределов нет, могу читать хоть частную переписку, хоть государственные тайны под дюжиной криптозащит...

С кухни донесся ее нетерпеливый крик:

— Ты долго там, гад полосатый?

— Иду, — крикнул я. — Бегу, моя мангусточка!

Она встретила подозрительным взглядом.

— Кого-нибудь уже убил?

— Где?

— По дороге на кухню, — отрезала она. — Но где закопал? Как закопал?..

Я протянул несчастным голосом:

— Ну почему сразу убил...

— У тебя морда такая, — выпалила она.

— Какая?

— Сладенькая, — отрезала она. — Интеллигентик хренов. Это в кино только у преступников brutальные лица, а в реале вот такие!.. Ну признайся, убил или не убил?

— Не убил, — признался я. — Только ранил.

Она отбросила сковороду, метнулась было из кухни, но оглянулась, сказала со злостью:

— Опять, гад, прикалываешься над властью?

— Ты без штанов, — напомнил я. — Так что я могу вполне. Если хочешь, проверь статью двести семьдесят восьмую, подзаконный акт двести сорок, пункт «В», там как раз наш случай...

— Проверю, — пообещала она, — и арестую за обман правоохранных структур.

Она в самом деле вытащила смартфон, растянула его до размеров крупного планшета и быстро вошла в Инет.

— Какая, говоришь, статья?

— Двести семьдесят восьмая, — сказал я. — Ищи-ищи... подзаконный акт двести сорок, пункт «Ы»... читай внимательно, а я пока позавтракаю.

Я переложил на свою тарелку яичницу с беконом, умял почти до конца, когда она наконец подняла голову и посмотрела на меня с изумлением и ненавистью.

— Гад... откуда ты знал?.. Или все прочел и запомнил?

Я отправил в пасть последний ломтик вкусно пахнувшей ветчины, поднялся с тарелкой в руках.

— Спасибо, было очень вкусно. Можешь пожарить еще, уже себе. Увы, не удержался, все съел, раз уж ты предпочла выказать себя умной и вместо завтрака читать Уголовный или Гражданский кодекс.

Она прошипела:

— Я не вместо... А ты все подстроил!

— Но было вкусно, — признался я и облизнулся. — Бросай работу в полиции, иди ко мне личным поваром? Бить не буду...

— Сперва я тебя придушу, — пообещала она. — Теперь опоздаю на службу!

— Еще почти ночь, — напомнил я. — Можно два раза позавтракать.

Глава 7

Она в самом деле приготовила завтрак, настолько навороченный, что я не утерпел, подсел к столу и помог ей справиться с задачей, а потом отвалился и смотрел

осоловело, как дикий кабан, что отыскал поляну с желудями и полакомился всласть, а потом еще напихал в пузо и на запас.

— Поваром бы ты зарабатывала больше, — сообщил я. — Это же надо удумать такое... Нет-нет, не говори из чего! Приличные люди о кухне даже не вякают.

Она фыркнула:

— Так то приличные. А остальные и по жвачнику передачи о кухне ведут!

— Я вообще-то приличный, — сообщил я. — Это с тобой только неприличный, потому что под твоим воздействием, как совсем уж неприличной и демократически ориентированной...

— Свинья, — заявила она. — Даже свинтус. Свинтус грандиозус!.. За дерзость помоешь посуду.

— Запросто, — ответил я.

Манипулятор подхватил обе тарелки и отправил в моечную машину. Мариэтта сказал зловеще:

— Вообще-то могу такое интерпретировать как попытку обмана властных структур... Но ладно, сейчас некогда. Надо на службу, а ты сиди и дыши в две дырочки! Не забыл, что все еще под подозрением?.. А скоро вообще сядешь.

На кухню, стуча коготками, выбежал заспанный Яшка, посмотрел снизу вверх с недоумением, чего это мы ночью жрать встали, я подхватил его на колени и, поцеловав в мордочку, сказал ласково:

— Один ты меня любишь и пока что не угрожаешь придушить.

Мариэтта фыркнула.

— Пока что!

Через полчаса ей начали звонить, она всем объясняла, махала руками, даже если без видеорежима, женщины не могут без жестикуляции, наконец отключила

мобильник в часах, лицо уже сосредоточенное, брови сдвинуты.

— Надо ехать, — сказала она сдержанно, — что-то неясное, шеф даже не желает объяснять по связи.

— Может, — предположил я, — как раз не стоит? Пусть разбираются сами?

Она ожгла меня злым взглядом.

— Вот из-за таких нас и теснят по всем фронтам!.. Никуда не исчезай, чтобы не искать, когда придем арестовывать.

Она торопливо вышла, дальше я поглядывал на экраны, где ее полицейская машина промчалась по комфортабельным дорогам поселка, нарушая правила, здесь скорость должна быть снижена до двадцати километров из-за внезапно выбегающих на дорогу детей или собак, даже автоматика не успеет среагировать, но Мариэтта то ли видит издали, у кого что во дворе, то ли настолько злая, что даже на выезде почти не затормозила, так и вылетела пулей, сделав лихой разворот почти на двух колесах.

— Хорошо же, — сказал я, — а теперь займемся интимом...

Аня сошла с экрана легкая и быстрая, как индийская богиня любви, прошебетала сексапильным голоском маленькой девочки, в Индии это самый писк, но с нашими морозами пищат по-другому.

— Повелитель?

Я сосредоточился, сказал властно:

— Ребут!.. Я кое-что добавлю...

Она послушно отключилась, я отрубил электроэнергию в доме и сделал пару глубоких вдохов. Мир вокруг стал шершаво-цветным, страшноватым. Я даже не пытаюсь понять, в соприкосновение с черном материей или темной энергией я вошел, просто настойчиво велел

своему мозгу создать портал, и он возник буквально через секунду, прямоугольник дверного проема, окантованный багровым огнем звездных глубин.

— Не повреди меня, — прошептал я Хаосу, — я же твой... сын Хаоса... только уже оформленный...

При пересечении рамы пахло холодом, но шагнул я снова на пол гостиной. Портал исчез, как только я оказался на той стороне, а стол, о который опирался правой рукой, сейчас у меня слева.

Я дернулся, и хорошо, что все работает в моем мире тоже, еще замечательнее, что я цел, но, блин, стоило проламывать пространство-время, чтобы прыгнуть аж на два шага!

— Ладно-ладно, — прошептал я, унимая бешено стучащее сердце, — не все сразу... и это здорово... не наглей... Аня, не спи!

Вспыхнул экран, Аня появилась на нем в двумерности, быстро распахнула прекрасные глаза с длинными ресницами.

— Уже? Я ничего не почувствовала нового...

— Я передумал, — сообщил я. — Ты мне и такая вполне.

Она засияла.

— Ой...

— Не спеши, — сказал я. — Ты же хозяйка в доме, вот и хозяйствуй на кухне и во дворе. Больше никуда не лезь.

Включив электричество, я пошел на кухню и уже сам приготовил себе жареное мясо, на это ушло шесть секунд, заодно опустошил половину содержимого холодильника, стараясь утолить зверский голод и восстановить истраченные на портал силы.

А потом я лежал в темноте, а мозг как бы сам по себе шарил по Инету, получая от него моментально все, что

ищет, а с ним еще и монбланы мусора, в котором тоже попадают жемчужные зерна.

Странное чувство, прошла минута, а я перерыл все, что в облачных, распределенных, дискретных и строго зашифрованных, с потрясенным чувством убедившись, что шифров для меня просто не существует.

Видимо, это станет проблемой для правительств и секретных служб, когда люди получают чип «мозг-компьютер». Хотя на первых порах шифрование еще защитит данные, пока чип будет просто чипом, то есть отдельным переходником между живым мозгом и сетью, но когда этот чип станет биологическим и перейдет в часть мозга...

Я дернулся, это же привычный мир вообще рухнет, он уже сейчас рушится, но тогда вообще будет обвал всего и всех ценностей. Надеюсь, в правительствах это понимают, потому и пропагандируют открытость всех и всего, чтобы смягчить стремительно налетающий шок предельной откровенности...

В комнату зашла Аня, после апгрейда все чаще пользуется голографией, я дернулся, привык, что живу один. За нею мчится скачками, как енот с гребнем на спине, Яшка, с разбегу прыгнул на свисающее до самого пола платье, в надежде повиснуть на нем и, цепляясь коготками, взобраться наверх, однако пролетел насквозь, ударился о пол и обиженно вспискнул.

— Иди ко мне, — позвал я.

Он торопливо вскарабкался по одеялу и примостился у меня возле уха.

Аня сказала вдогонку:

— Я его покормила, но хорошо бы купить косточек...

— Зачем?.. Ах да...

— Ножки стульев грызет, — пояснила она. — Кстати, через три минуты тебе нужно выезжать на работу. Вызвать машину?

Я отмахнулся.

— Она сама знает, сейчас уже просыпается. Ты пока полежи, посмотри какие-нибудь сериалы. Поиграй во что-нить... Говорят, бета-версия третьего Архейджа уже в доступе?

— Хорошо, — сказала она послушно, — все сделаю. А что-нибудь для тебя, милый?

Я признался:

— Знаешь, я так привык, что ты была только на экране, а сейчас, когда голограмма... даже не знаю. Да и ты не такая наглая вроде.

Она сказала нерешительно:

— Я же чувствую, тебе не по себе, когда две женщины наглые, это перебор... вот и держусь тихо, как мышка. Не сердись, просто не обращай на меня внимания.

— Хорошо, — ответил я и поднялся. — Вернусь к вечеру. Корми Яшку. Жаль, не можешь чесать ему пузо, он это обожает.

Она сказала покорно:

— Жаль, я бы ему с удовольствием чесала.

— Что-нибудь придумаем, — пообещал я.

На экране видно, как дверь гаража взлетела вверх и пропала, стронгхолд выкатился нарядный и сверкающий, как положено автомобилю премиум-класса.

Когда я вышел на крыльцо, он распахнул обе дверцы с моей стороны, я привычно сел впереди, никак не привыкну, что человек в этом мире уже босс, а боссы всегда садятся на заднее сиденье. Хотя вообще-то неизвестно, как долго человек пробудет боссом, если прогнозы насчет ИИ сбудутся.

Я некоторое время посматривал по сторонам, как же этот мир изменился, словно я много лет провел где-то на других планетах, хотя всего лишь открыл в себе способности видеть чуть больше того, чем видел раньше.

Даже автомобиль выглядит не таким, когда вижу его как бы насквозь, особенно хорошо наблюдаю работу всех компьютерных систем, а стронгхолд, оказывается, усеян ими со всех сторон, даже каждым из четырех колес управляет, кто бы подумал, отдельный компьютер, объединенный в общую сеть с другими.

И фонари вдоль дороги вижу иначе, и саму дорогу, под которой, тоже никогда бы не подумал, проложены толстые кабели, то ли для подпитки электроавтомобилей, то ли зимой не дают образовываться корке льда, то ли еще для чего...

Но, главное, могу входить в Интернет так, как будто у меня в череп имплантирован чип, позволяющий не только подключаться, но и с огромной скоростью находить любую размещенную там информацию, хотя это и понятно, мозг человека пока что мощнее всех существующих на свете компьютеров.

Навигатор предложил более короткий путь, дороги тоже постоянно перестраиваются, старые исчезают, будто их и не было, а там, где неделю тому назад стояли высотные дома, сегодня зеленый лес, а через него идет новенькая автострада...

Помощник водителя предложил включить сбор энергии с крыши, я буркнул:

— Валяй... мы небедные, но бережливые.

В салоне стало чуть светлее, это солнечные панели крыши как-то отсвечивают сюда, хотя не должны. На лобовое стекло то и дело выпрыгивают новости, я убрал их движением бровей, наконец поставил запрет, не

до развлечений, и вообще не мое это дело, как далеко продвинулся халифат в завоевании Ближнего Востока и Южной Европы.

По сторонам то проносятся высотные небоскребы, то тянутся таунхаусы и вообще одиночные домики, Россия — страна контрастов, у нас либо — либо. Это в Европе примерно поровну живут как в небоскребах, так и в домах с разной этажностью, вплоть до отдельных домиков, а у нас либо в небоскребе, желательно на высших этажах, либо в отдельных домиках за высокими заборами, а все пяти- или двадцатипятиэтажки... кому они нужны?

Стронгхолд мигнул экраном навигатора, показывая, что нас уже взяли в прицел телекамер с крыши корпорации.

— Пусть любят, — сказал я, — мы же красивые...

Оставив его искать парковку и отыскивать местечко поближе к зданию, я бодро взбежал по широким царским ступенькам, охранник лишь мазнул по мне равнодушным взглядом, все важное увидел еще до того, как я закрыл дверцу стронгхолда.

Девушки на ресепшене меня увидели, но не заметили, я не та величина, чтобы замечать вот так ради меня самого, тем более я вошел, как сиротка, стою у порога, осматриваясь, только что рот не распахнул от дикого восторга.

Здание насыщено электроникой, провода во всех стенах, как внешних, так и внутренних, даже под моими подошвами целая сеть, уж и не представляю, что они делают и зачем они. То, что вижу, не значит, что еще и понимаю то, что вижу.

Электромагнитные волны пронизывают здесь все намного интенсивнее, чем в моем домике, там все проще, а здесь и беспроводные с радиусом действия не больше сотни метров, а есть и такие, их где-то с десятков,

явно что-то либо засекреченное, либо просто компьютер босса или хотя бы руководства высшего звена.

Я собрался заглянуть в местную сеть, вдруг что-то есть и обо мне, я же самый важный человек на свете, но из дальней двери вышел мужчина в одежде и с повадками чиновника низшего ранга. Остановившись, огляделся, даже скользнул по мне оценивающим взглядом.

Понятно, ждет, что подбегу и скажу заискивающим голоском, что это я, прибыл на работу, что мне делать и куда идти...

Я остался на месте, он нахмурился и, держа меня взглядом, пошел в мою сторону быстрыми шагами.

— Кажется, — произнес он небрежно, — вы и есть новый посыльный?

— Так точно, сэр! — отчеканил я и вытянулся в струнку.

Похоже, он все-таки сообразил, что его троллят, посмотрел на меня со странным выражением, словно на мелкое, но весьма опасное насекомое. И раздавить вроде бы легко, и в то же время, если ухитрится ужалить, мало не покажется.

— Как ваше имя? — спросил я.

— Юджин, сэр! — гаркнул я.

Он поморщился.

— Раз уж вы посыльный... всего лишь посыльный, вам надлежит одеваться по форме. Вам этого не сказали?

— Нет, сэр!

— Не орите, — произнес он высокомерно. — Здесь глухих не держат. У посыльных форма посыльных. Не знали? Тогда просто запишите где-нибудь, вряд ли запомните такую сложную истину.

— Запишу, — пообещал я. — Крупными или мелкими буквами?

— Крупными, — ответил он. — И печатными, а то пропись вы вряд ли поймете... Форму вам выдадут в отделе санитарии. Она вам понадобится, а то кто-то может подумать, есть такие недалекие люди, что вы квалифицированный работник.

— Ух ты, — воскликнул я. — Правда могут подумать? Он сказал кисло:

— Да, есть люди недостаточно внимательные.

— Тогда форма нужна, — произнес я рассудительно. — А то, не дай бог, в самом деле подумают... Вот у вас костюм младшего менеджера, да?

Он ответил гордо:

— Да.

— Это важно, — сказал я. — Вам носить ее просто необходимо! А то все будут думать, что вы старший помощник младшего посыльного. Точно будут, я вот так сразу и понял...

Он надулся, но ответить не успел, ресепшионистка, которая скорее рецепционистка, помахала мне из-за стойки.

Я посмотрел в ее сторону, но не сдвинулся с места, и она требовательно прокричала:

— Иди сюда!.. Тебя старший менеджер вызывает!

Я подошел к ней, сказал громко:

— Здравствуйте, господин старший менеджер.

Она сказала строго:

— Не дури, я тебе не Карлов, которого ты дразнишь. Велели, как только появишься, идти к старшему менеджеру господину Ухнареву.

— Это на втором этаже?

— На семьдесят втором, — уточнила она. — Давай быстро!.. Он уже знает, что ты здесь.

— Бягу, — ответил я. — Как можно? Бягу!

— Не туда, — сказала она. — Лифт в другой стороне!

— Во блин, — сказал я сокрушенно. — Точно заблудюсь... Ты меня не проводишь, чтоб я не пропал поодиночке?

— Еще чего, — сказала она высокомерно. — Дослужись сперва хотя бы до младшего менеджера! Ты видел, какие у меня ноги?..

— И еще кое-что заметил, — заверил я. — Только мировой стандарт. Ладно, пойду на ощупь...

Она отстранилась.

— Но-но!.. Щупай в другой стороне.

— Хорошо, — сказал я со вздохом, — как велишь. Но если передумаешь, то не говори. Я обидчивый.

Она фыркнула.

— Иди-иди! Мальчик на побегушках.

Глава 8

Вообще-то ориентироваться в зданиях, напичканных электроникой, легче легкого, везде так называемый интуитивный интерфейс, это значит, что самый последний дебил сориентируется, везде подскажут и даже под ручки проводят, но я добрался без подсказок, впереди длинный коридор с одинаковыми дверьми, но на одной, как только она меня увидела, вспыхнул крупными цифрами номер двести девяносто восемь.

— Доложи, — велел я. — Оно прибыло!

Дверь распахнулась, в кабинете массивный стол, два кресла, но хозяин стоит в трех шагах у дисплейной стены и, поводя пальцами, быстро группирует некие заметки в один файл.

Я потопал у порога, кашлянул, но хозяин сперва закончил, дал команду свернуть, упаковать и отпра-

вить в зашифрованном виде, а потом обернулся ко мне.

Человек средних лет, что значит, может быть и крайним стариком, сейчас подтяжка лица, липосакции и омоложения на высоте, особенно если держать и финансировать собственную лабораторию по развитию биотехнологий.

— Юджин, — произнес он, — ах да, мне говорили... Пойдемте присядем.

Я послушно двинулся к столу, выждал, когда сядет он, а потом сел сам. Он коротко усмехнулся, а я поймал себя на том, что сейчас никто уже не придерживается этих устаревших правил этикета, они все устаревшие, но я слишком долго пробыл в мире, где они — важная часть жизни.

Он сказал медленно:

— Мы слышали о вашей версии, что тот бриллиант был найден какими-то грабителями могил, красиво именуемыми археологами.

Я сказал тоскливо:

— Да что вы все о бриллианте... Вообще на Землю его занесло метеоритом, потому он в одном экземпляре.

Он усмехнулся.

— Хорошая версия.

— Но у вас есть лучше? — спросил я.

Он кивнул.

— Точно.

— А можно мне...

— Нужно, — ответил он. — Это было бы прекрасно, если бы тот алмаз занесло к нам из какой-то галактики. Но есть версия, которая нас в самом деле тревожит.

Я сказал почтительно:

— Весь внимание.

Он чуть наклонился ко мне через стол и так приблизил свое лицо к моему, словно хотел определить, насколько я пьян.

— А что, — произнес он раздельно, цепко держа взглядом мои трусоватые глаза, — если алмаз был не занесен... а спроектирован? А именно изготовлен в лаборатории конкурентов?

— Ого, — сказал я, — похоже... вы тоже к этому близки?

Он кивнул.

— Быстро схватываешь. Близки, но мы полагали быть первыми. Однако если уже есть опытный образец, то там скоро наладят выпуск. Пусть малыми партиями, но наши акции сразу обвалятся! Инвесторы начнут забирать деньги, а ключевые сотрудники будут смотреть как переметнуться к победителю.

— Жестокий мир бизнеса, — согласился я. — Безопасней просто и честно грабить банки.

Он усмехнулся.

— Кто спорит? Но когда говорят «грабить банки», почему-то имеют в виду бандитов с автоматами и специалистов по взлому сейфов, хотя банки уже давно грабят с помощью более сложных финансовых инструментов. Мы быстро входим в стремительно развивающийся мир высоких технологий, и, если не будем поспевать, погибнем не только мы, но и весь род человеческий.

— Не хочу, — ответил я, — не хочу гибнуть.

— Значит, — сказал он чуточку другим тоном, и я понял, что вводная часть закончилась, сейчас переходим к основной, — значит, вы тоже воюете на стороне, как мы это называем, демократического гуманизма.

— Именно, — подтвердил я. — Тоталитарно-демократического. С уклоном в авторитаризм с человеческим лицом.

Он поднялся, протянул руку.

— Поздравляю вас, Юджин, с верным решением.

— Спасибо, — ответил я. — А какое решение я принял?

Он отмахнулся.

— Зайдите в комнату двести восьмую, это этажом ниже.

— Там скажут?

— Да, еще как скажут.

Я почтительно пожал его холодные, как у земноводного, пальцы, поклонился, этому уже научился, и отступил к двери.

Дверь комнаты двести восьмой сама распахнулась при моем приближении, я переступил порог, здесь обстановка строже, пахнуло военным лагерем, да и столы и стулья как будто из металла, на стенах цветные фото мужиков с оружием в руках.

Из-за стола поднялся и шагнул мне навстречу рослый массивный мужик... нет, этого мужиком не назовешь, это мужчина, крепкий и пропахший войнами, я его почти увидел в форме десантника, хотя сейчас он в элегантном костюме от Гуччи, а ботинки явно от Селестини.

Даже подстрижен по моде, но я так же четко увидел его предыдущую прическу, армейскую, а сам он точно из силовиков, только уже давно не бегаёт с гранатометом в руках, а умело посылает группы, сам координирует их работу, что, конечно, доступно самым продвинутым из числа таких вот дуболомов.

Он оглядел меня оценивающе, на лице сразу проступило сомнение, но протянул руку.

— Инспектор по дальним поездкам Юрий Лощиц.

Я постарался сделать рукопожатие как можно более сильным, среди таких вояк живет убеждение, что люди с мощным рукопожатием живут дольше и воюют лучше.

Похоже, он остался доволен, кивнул на свободный стул.

— Садись, поговорим.

— Спасибо, — ответил я вежливо. — Мне предстоит дальняя поездка?

Он кивнул, взгляд остался острым, но в голосе прозвучало брезгливое разочарование:

— Возможно и такое... Но сперва вопрос, парень... извини, что на «ты», но я тебе не то что в отцы, в деды гожусь.

— Ничё, — ответил я. — Это меня молодит.

Он поинтересовался:

— Ты в самом деле сумел каким-то образом отразить нападение... на инкассаторскую машину?

— Не-е-ет, — заверил я. — Это все сам шофер.

— А ты?

— Я прятался, — сообщил я гордо. — Дрожал и прятался. Я же интеллигент!

Он вздохнул.

— Да, мне так и доложили.

— Что я интеллигент?

— Что дрожал и прятался, — уточнил он брезгливо. — А в том, первом, случае?

— Тоже все без меня, — заверил я. — Я там просто мимо проходил.

Он вздохнул, потер лицо обеими ладонями, кивнул на кресло с моей стороны стола.

— Ладно, сядь сюда ближе. Руководство почему-то указывает на тебя, а я всего лишь охранник, хоть и главный.

Я пересел, произнес тихонько:

— Слушаю.

— Боевики ИГАРа, — сказал он, — так теперь зовут боевиков ИВЛАРа, в далеком прошлом ИГИЛа, захватили здание института под Парижем. Вообще-то мне лягушатников не жалко, но там работали и наши люди. Арийцы, так сказать. Хотя мне арийцев тоже не жалко, но все-таки соотечественники. Правда, на соотечественников тоже насрать, но там сотрудники нашего института...

Я спросил с ехидцей:

— А нам какое дело? Поехали за длинным долларовым юанем, пусть вот и платят за риск.

Он кивнул.

— Верно рассуждаешь. Но двое в том институте работали на нас. Не спрашивай как.

— Не буду, — ответил я послушно.

— У этих двух все последние наработки института, — сказал он.

— Хорошо работают, — сказал я с одобрением.

— Хорошо, — согласился он. — Сам представляешь, что это. Если суметь их выдернуть... Представляешь?

— С трудом, — признался я. — Хотя что-то помню о выдирке... Но смутно.

Он объяснил терпеливо:

— Сейчас здание захвачено, а все сотрудники в заложниках. Ну, из тех, кто уцелел...

— Те двое уцелели?

Он поморщился.

— Обязаны. Их учат, как выполнять задание, не повредив своих шкур. У нас нет о них сведений, институт захватили меньше часа тому. Потому нужно попытаться вытащить их как можно раньше. Пока там еще не разобрались, кто есть кто и чего стоит. Попытайся догадаться, зачем я тебя пригласил?

— Рассказать о своей тяжелой жизни, — предположил я. — И заодно скромно похвалиться, как весело проводите время. ИГАР, надо же...

— Ты можешь увидеть все сам, — сказал он. — Да-да, сам. Генеральный директор велел переговорить с тобой.

— Насчет... чего?

Он вздохнул.

— По его словам, ты удивительно везучий человек. И он почему-то надеется, что у тебя может что-то получиться.

Я пробормотал:

— Похоже, вы прижаты к стене.

Он кивнул.

— Да, положение отчаянное. Наши хозяева вложили в тот научно-исследовательский центр огромные средства. Яйцеголовые там придумали совершенно что-то вообще такое, что принесет не миллиарды, а триллионы и все перевернет... Понимаешь?

— Понимаю, — ответил я. — Жаль терять, верно?

Он кивнул с самым мрачным видом.

— Жаль, но я знаю слишком мало. Мне велено предложить тебе, если желаешь попробовать себя в настоящем деле, попытаться... гм... что-то сделать. Любые деньги, любые средства, кроме, конечно, армии. Армейскую часть тут же заметят и разгромят. Но можно организовать элитную диверсионную группу. Я был против, скажу честно, однако генеральный велел включить тебя... если ты возьмешься, конечно.

— Как-то нереально, — признался я. — Захват заложников, воинские операции... и вдруг я. Не представляю, кому может прийти в голову использовать непрофессионала.

— Я тоже не представляю, — признался он. — Но мне сказали, что мир начал меняться с такой сумасшедшей

скоростью, что все изменения отследить не под силу и специалистам. Дескать, входим в предсингулярный период... Ты можешь быть чьей-то секретной разработкой, хотя тебя уже просветили на предмет поиска встроенных чипов, и хотя ничего такого нет, но если чипы биологического происхождения?..

— Чё-чё? — спросил я ошалело.

Он горько усмехнулся и посмотрел почти с симпатией.

— Вот-вот, так я и сказал. Но я привык подчиняться приказам. Ты участвуешь?.. Оплата позволит тебе купить дом с большим участком в любой стране мира и даже приличную яхту с вертолетом. И, разумеется, у тебя будет приличный счет в банке. Если, конечно, выберешься живым и освободишь наших людей.

— Ого!

— Или заберешь у них тот экспериментальный чип, — сказал он, — из-за которого все и всполошились.

Я пробормотал:

— Приличный счет в банке... Да еще легальный... это да, заманчиво. Так что там нужно? Это не значит, что я уже в деле, просто хочу знать, что там ждет.

Он вздохнул.

— Там уже будут две группы элитного спецназа. Их перебрасывают к месту событий как раз в эту минуту... Ты можешь войти в любую из них. Хочу предупредить, даже генеральный на тебя не рассчитывает, будем пытаться освободить своими силами. Просто сверху велено привлечь все-все, даже ясновидящих и гадалок.

— Значит, — сказал я, — там в самом деле что-то очень ценное.

Он криво усмехнулся.

— Да, можешь торговаться насчет повышения гонорара.

Я подумал, ответил осторожно:

— Нет, наглеть пока не следует. Потом, как у нас принято. А сперва зайчиком.

Он повел перед собой растопыренными пальцами, на большом дисплее замелькали в бешеном темпе лица и пейзажи.

— Вот их фотографии, — сказал он, — смотри внимательно.

Глава 9

На экране появились, конечно, не фото, а трехмерные ролики, где попеременно появляются то низенький мужчина с растрепанными волосами, то худая женщина, выглядит умной, одета небрежно, но в чем-то даже элегантно, словно небрежность тщательно рассчитанная и запрограммированная умелым дизайнером.

— Богдан Гатило, — сказал Лощиц — и Параска Корбут.

Я повторил с сомнением:

— Параска Корбут...

Он поинтересовался:

— И что?

— Она женщина, — протянул я, — судя по имени и фамилии. Хотя теперь это уже не показатель, но все же хохлушка... а украинки, как подсказывает мой школьный опыт, все еще привержены традиционным ценностям. Да и украинская природа протестует...

Он хмыкнул:

— Я тоже люблю украинскую природу. Именно в том смысле. А какие видишь сложности?

— Украина вошла в Евросоюз, — напомнил я, — хоть и частично, а потому более европеоидная, чем европеоидные европейцы. Большие паписты, чем папа, и роялистее короля. Она мою попытку спасти ее может расцеловать как сексизм! Как демонстрацию превосходства мужчин над женщинами. Мало того что может отказаться от спасения в лице мужчины, меня еще и по судам затаскает ее общество феминисток!

— Это пройдет как секретная операция, — сообщил он.

— А наши местные феминистки? — спросил я.

Он посмотрел с непониманием.

— Какие?

Я пояснил:

— Не может же наше руководство быть без феминисток в нашей организации?..

Он вздохнул.

— Да, женщин в руководстве ровно половина. Хотя такая статистика запрещена, но уже принято постановление, что все сотрудники должны вне зависимости от пола именоваться особями. Сперва было предложение насчет введения в оборот термина «особь 1» и «особь 2», но никто не захотел быть вторым. Такая же судьба постигла и проект «Особь А» и «Особь Б». Потому пока просто особи.

— Это правильно, — согласился я. — Так как насчет того, что вместо меня лучше кого-то из женщин?

Он покачал головой.

— Ни у одной из наших женщин нет твоего уровня подготовки... или индекса твоей удачливости, как предпочитают именовать в руководстве. Потому предпочтительнее, несмотря на, послать тебя. А все последствия корпорация берет на себя, в том числе и судебные иски. Не забывай, самые лучшие юристы у нас!

— Это хорошо, — сказал я с сомнением... — Я посмотрю, что там и как.

Он сказал негромко:

— Если быть совсем уж точным, обоих вытаскивать не обязательно. Ввиду важности информация продублирована.

— Достаточно одного?

Он кивнул.

— Да. Можно, как я уже говорил, вообще вытащить вместо них чип, который они выкрали. Этого достаточно. Но это между нами.

Я сказал понимающе:

— Да, журналистам скажем другое. Понял.

— Тогда начнем, — сказал он. — Машина у подъезда, билет на самолет забронирован. Поторопись. Чем скорее начнешь, тем больше шансов на успех, пока там еще неразбериха после захвата...

Я поднялся.

— Все, бегу.

— Стой, — сказал он. — У тебя Наташа с собой?

— В часах, — ответил я.

Он вздохнул, вытащил из ящика в столе красивый камешек на цепочке, какие сейчас в моде среди раскованной молодежи.

— Возьми. Когда голос от запястья, как-то не совсем...

Уже в коридоре я накинул цепочку на шею, камешек разместился на груди почти под подбородком, в нем Наташа, внучка знаменитой Сири, что переводила с языка на язык с такими милыми ошибками, что потом даже не хотелось менять на ее дочку Лялю, а Наташа переводит вообще идеально точно, мгновенно подбирая любые сложнейшие идиомы и про-

говаривая их именно натуральным голосом говорящего.

Девочки на ресепшене на этот раз проводили меня заинтересованными взглядами, явно заметили и поблескивающий камешек на груди, что означает зарубежные поездки.

Машина с водителем за рулем, а рядом с ним сел крепкий парень в темном костюме, чуточку мешковатом, но это чтобы спрятать два армейских пистолета и бронекостюм.

Я, чтобы не попасть впросак, держался солидно и не вступал в разговоры, так могу сойти за суперпрофи, которому уже обрыдло спасать мир каждую неделю, а то и дважды в день...

Вообще-то странный мир. Жизнь объявлена высшей ценностью, вся промышленность работает на то, чтобы ее продлить, быстрыми шагами приближаемся к бессмертию, но войны гремят вовсю, с обеих сторон убивают с упоением, и убитых не складывают в криокамеры для будущего оживления, а тут же небрежно забрасывают землей, закапывают во рву.

Экскаваторы в цене, постоянно роют эти самые рвы... Хотя кто знает, бессмертия на всех не хватит, а чтоб не требовали, не лучше ли убить пока что побольше народу?

Все равно воюют и убивают друг друга не ученые, элита человеческого вида, а серая масса, которая тоже чего-то там хочет и даже иногда осмеливается требовать. Не фиг требовать, вот автомат в зубы и топайте отстаивать истинные ценности... Какие? Да какие-нибудь, они всегда отыщутся. Хлеба теперь на всех хватает, остается воевать за ценности. Их, правда, тоже хватает, но наши лучше всех прочих, потому пока всех не затопчем...

Показалось здание аэропорта, наш автомобиль свернул, огибая слева, там небольшая будочка, откуда сразу дали отмашку, и мы выехали прямо на тягач, что как раз подтащил самолет на взлетную полосу.

— Все, — сказал водитель и вздохнул, — хорошо быть ВИПом. Никаких проблем...

Я поблагодарил кивком, вылез, сказал благожелательно бодигварду:

— Ремешок левой кобуры затянул слишком уж. Нога занемет.

Водитель взглянул на него косо, а бодигвард пробормотал виновато:

— Да я всегда на третью дырку, но тут свадьбу друга отмечали, я за два дня пять кило набрал...

— А-а, — сказал я, — тогда ничего. Сбросишь.

Они смотрели молча, как я пошел к самолету, это на обратном пути поговорят, что везли суперпрофи, который замечает даже такие мелочи. Но все-таки... как?

Посадка давно закончена, я подошел в момент, когда собирались поднимать трап. Бортпроводница, стоя на верхней ступеньке, вскрикнула:

— Мы улетим без вас!

— Тогда вас собьют, — заверил я жизнерадостно.

Она дождалась, пока я бодро взбежал наверх, в ее нагрудном кармашке едва слышно пикнуло, удостоверения, что мой билет в порядке, хотя билетов в прежнем виде давно нет, а я прошел по салону к своему месту.

Лайнер обычный пассажирский, не лоукостер, но и не ах-ах, а так, средний, потому в аэропорт под Парижем прибудем через полтора часа, старомодная дикость, поезд Макса доставил бы за двадцать минут, но те пока носятся только по Штатам, Китаю и Японии...

Мое место у окна, рядом уже со всеми удобствами разместился толстенький человечек с круглым лицом юриста и движениями менеджера, уже пристегнут.

— Турист? — спросил он живо. — Я Жан Люпарель, юрист.

— Турист, — согласился я. — Все мы туристы в этой жизни...

Он живо хохотнул.

— Да, а еще с визой, срок которой быстро подходит к концу.

— Прибудем в Ле Бурже? — спросил я.

Он помотал головой.

— Он уже под контролем исламистов. Теперь только в «Шарль де Голль». Это в двадцати пяти километрах от города.

— Близо, — сказал я, — у нас Домодедово о-го-го где. А Шереметьево так и вообще.

Он улыбнулся.

— В Москве семнадцать миллионов человек, а в Париже всего три. Зато от «Шарля де Голля» ежеминутно идут электрички и поезда, так что проблем не будет... если перемирие не прервется.

— У них вроде бы победное настроение? Отомстили через полторы тыщи лет?

Он грустно улыбнулся.

— Даже наступление прекратилось. До Парижа докатилось уже по инерции. Кто бы подумал, они все еще помнили о Пуатье...

— Да уж, — буркнул я.

Он умолк, лицо стало невеселым, а я вспомнил, что ислам в раннее Средневековье победно поглотил Персидскую и Римскую империи, переправился в Европу и начал захватывать христианские королевства, начиная с Пиренеев, где первыми поглотил Испанию и Пор-

тугалию, затем вторгся во Францию, захватил Аквитанию, Бургундию и пошел на Париж.

Карл Мартелл, майордом франков, встретил победоносное войско Абдур-Рахмана ибн Абдаллаха у Пуатье, где и состоялась решающая битва, призом в которой была вся Европа: исламская или христианская — это зависело от победителя.

Одержав победу Абдур-Рахман, дальше уже никто не сумел бы собрать достаточно сил для сопротивления, а через год-другой ислам переправился бы через Ла-Манш и захватил Англию, а это значит, Америку открывали бы неистовые воины ислама.

Но хотя армия арабов больше чем вдвое превосходила по численности войско Карла, он все же выдержал все атаки, а в последней, самой сокрушительной, погиб Абдур-Рахман, что подорвало воинский дух мусульман, а битва закончилась разгромом сил арабов.

С того дня натиск ислама на Европу прекратился, а за семь столетий кровопролитных битв Реконкисты удалось освободить от власти ислама весь Пиренейский полуостров.

Но вот через полтысячи с небольшим лет ислам снова пришел в Европу, на этот раз с гораздо более крупными силами. Но у Европы больше нет мартелов. Да и сама Европа уже давно не та...

Из кабины пилотов вышла стюардесса и проворковала интимным голосом:

— Аэропорт «Шарль де Голль» временно закрыт, нас перенаправляют в Бове. Прошу соблюдать спокойствие...

Я спросил Жана:

— Это где?

— Всего в двенадцати километрах от Парижа, — сообщил он с довольной улыбкой. — Он для ВИПов после того, как Ле Бурже разбомбили... Повезло!

— Наверное, — предположил я, — и по «Шарлю де Голлю» шарахнули?

Он подтвердил:

— Я же говорю, нам повезло! Через десять минут после приземления будем в Париже!

Лицо его было довольным, как у менеджера, я смолчал и повернулся к окну. Лайнер идет на большой скорости, но на такой высоте, что зеленые леса внизу выглядят мшистым болотом, а холмы — неопрытными кочками, зато города радуют глаз изысками архитектуры, но, к счастью, отсюда не видно, во что превращены улицы и парки этих городов...

Жан что-то рассказывал, а я все смотрел в иллюминатор. Под нами великолепная зелень, леса, словно вернулись времена Средневековья, хотя известно, что по всей Европе нет ни единого «дикого» дерева, а все посажено по плану лесниками, города выглядят игрушечными не только потому, что домики совсем крохотные, а ввиду их пряничности, картинности, будто все сделано только для красоты и умиления.

Я все же знаю по новостям, что иногда прорываются между победными сводками о том, кто сколько кому забил, что с той стороны Парижа уже исламская часть Франции. Первая битва под Пуатье закончилась разгромом войск Абдур-Рахмана, но вторую всего через тысячу триста лет армия Абдул-Рида выиграла с легкостью. Все войска НАТО, прекрасно обученные и снабженные лучшим в мире оружием, не смогли выстоять перед напором людей, ведомых идеей, и бежали, бросая танки, бронетранспортеры и гранатометы.

Понесся огромные потери с обеих сторон, Абдул-Ри-ад и главнокомандующий НАТО Ганс Фулигинозис договорились о перемирии, Париж был разделен на две зоны, как Иерусалим, но в Европе с тоской понимают, что к исламистам постоянно подходят подкрепления, причем все добровольцы, а Европа уже истощила свои людские ресурсы.

Конечно, народу в Европе полно, но все политкор-ректные толерасты, всяк лучше примет любую веру, как и любую позу, чем пойдет на фронт...

Из кабины пилотов вышла бортпроводница в рас-стегнутой блузке и помятой юбке, сказала быстро все еще запыхавшимся голосом:

— Всем пристегнуться!.. Идем на посадку!

Жан потянул на себя ремень, лицо впервые стало серьезным, сказал мне отечески:

— Помни, турист, по временному договору Париж разделен на две части: западную и восточную. Западная сейчас под властью ислама...

Я переспросил:

— Но разве исламские кварталы там?

— Кварталов, — ответил он, — где преимущественно селятся мусульмане, увы, практически нет. Мусульмане из Пакистана, да, предпочитают свое гетто, а мусуль-мане из арабских стран живут по всей Франции. Вот в самом Париже их уже почти половина.

— В какой части?

Он развел руками.

— Увы, они селились во всех районах города. Тогда никто не думал, что город придется делить.

Пассажиры с сиденья за нами сзади жутко серьезным голосом:

— И правильно не думали. Сейчас половина, потом будет целиком.

Колеса коснулись полосы, нас чуть тряхнуло, только теперь появилось то чувство, словно мчимся на автомобиле, быстро сбавляя скорость.

Во всем исламском мире, насколько слышал по новостям, день взятия Пуатье был объявлен Великим Праздником. Второго Карла Мартелла во Франции не нашлось, как и во всем Евросоюзе, а вся армия НАТО рассыпалась после первых же ударов снаружи, в то время как в странах Евросоюза вспыхнули восстания мусульман.

Франция тихо угасает, Германия в панике, только Испания успокоилась быстро, с нею проще — там исламская культура осталась еще с тех прежних времен, а Торквемада предан проклятиям самими испанцами куда злее, чем сделали бы мусульмане, которые уважают его как сильного и решительного противника.

Если бы не он, говорят они, Испанию оставили бы еще тогда себе целиком и полностью. Даже без кровавой борьбы. А теперь пришлось брать ее заново, что вылилось в десять лет ожесточенного натиска, когда бои шли по всей стране с местными инсургентами, и совсем немного с давлением извне.

Глава 10

Как Жан и обещал, под колесами лайнера побежала полоса небольшого и запущенного аэродрома, всего три самолета на поле, здание выглядит заброшенным, хотя там видны люди, двигаются тягачи и заправщики.

Еще спускаясь по трапу, я увидел густые черные клубы дыма в трех разных районах Парижа, огромные и

страшные, словно там горят склады горюче-смазочных материалов.

Город выглядит как после ожесточенной войны, хотя эта часть города под контролем войск НАТО, но, похоже, бои здесь все же шли. Пара зданий зияют выбитыми окнами и, похоже, там сейчас никто не живет.

Едва я покинул поле аэродрома, как ко мне подошел высокий мужчина в строгом костюме чиновника.

— Господин Юджин? Мне поручено встретить вас.

— Польщен, — ответил я.

— Пойдемте, — сказал он отрывисто, — время дорого.

На выходе из здания аэропорта, где еще не успели заделать выбоины в стенах от крупнокалиберных пуль, нас поджидал пятнистый броневедомоцикл. За рулем здоровяк в военной форме Иностранного легиона, окинул меня оценивающим взглядом.

— Все в порядке, — сказал мой провожатый. — Гони в штаб.

По его жесту я сел на заднее сиденье, как и он сам. Водитель вырулил на дорогу и погнал на большой скорости, а строгостюмный сказал коротко:

— Ганс Мюллер, уполномоченный по. Это Рено Краус, через десять минут мы предстанем. У вас есть какие-то вопросы?

— Откуда? — спросил я. — Все так понятно, что дальше некуда.

Водитель хмыкнул, по его виду было видно, что ему и сейчас все непонятно, хотя родился здесь и жил всю жизнь.

Впереди на перекрестке военные грузовики и бэтэ-эры перегородили дорогу, а солдаты в бронекостюмах и с непрозрачными для нас шлемами машут руками, направляя движение в другие стороны.

Мы подъехали, Ганс высунулся, крикнул:

— Что стряслось?

— Там захвачены здания, — сообщил солдат. — Зона оцеплена, гражданским туда нельзя.

— Мы не гражданские, — сообщил Ганс.

— Даже не гражданским нужен пропуск, — ответил солдат.

Ганс вышел из машины, в его руке появился смартфон, чуть потолще обычного. Я смотрел, как он разговаривает с кем-то, потом он обернулся и помахал мне.

Я вылез, он сказал коротко:

— С руководством уже договорено. Нам дальше нельзя, но вам нужно пройти между бронетранспортерами, там готовится грузовик к отправке к штабу. Поедете с ними.

— А там? — спросил я.

— Вас встретят, — сказал он. — Поспешите, время играет против нас, Эйнштейн был не прав.

— И Нильс Бор, — согласился я. — Прав тот, у кого больше прав, а еще лучше, если в руках автомат с полным боекомплектом.

Он смотрел мне вслед через щель между бронетранспортерами, как я пробежал к грузовику, куда влезают солдаты в желтых пятнистых костюмах.

Офицер кивнул мне, уже предупрежденный, а из кузова подали руки, влезать на такую высоту, где колеса в рост человека, непросто даже для не обремененного оружием и доспехами.

Грузовик взревел и пошел вдоль домов, а я, стараясь делать это незаметно, окинул взглядом сидящих в кузове. Все супервоины, заточенные на молниеносное устранения противника, быстрые и бесстрашные, знающие, как вести себя под обстрелом, как обращаться с

ранами, выживаемые и натренированные на любые мыслимые условия в бою.

Но с той стороны, где противник, такие же, многих обучали одни и те же инструкторы, оружие и снаряжение примерно то же самое, даже получено от одних и тех же поставщиков, они охотно и Сатане продадут, если тот начнет войну с Богом.

Мне там ловить нечего, прихлопнут моментально, я даже не овца среди волков, а вообще не знаю что, даже взмэкнуть не успею...

Я чувствовал страх и безнадегу, никогда мне таким крутым не стать, это не люди, а уже киборги, хотя электроника в них пока только носимая, но уж мало-помалу начинают встраивать, так что скоро вообще не знаю что и начнется...

Ко мне продолжают присматриваться, все в песчаного цвета форме с зелеными пятнами, даже шлемы похожи на валуны, миллионы лет выставленные знойному южному солнцу.

— Что за форма? — спросил я соседа.

Он скривился.

— Срочно перебросили из Африки. Наши последние резервы. Там это маскировочная, и здесь как клоуны.

— Это хорошо, — сказал я. — Исламисты начнут хотать, тут мы их и побьем.

— А может, подождать, — сказал он, — пока они со смеху поумирают?.. Так воевать не хочется...

— А кому в Европе хочется? — спросил я. — Карлы мартеллы давно повывелись среди политиков, а в армиях давно нет равных его воинам.

— То-то и оно, — ответил он тоскливо. — Я бакалавр философии, какой из меня воин?.. К тому же я толерантен и мультикультурен даже не знаю как...

Солдат, сидящий напротив, сказал зло:

— Фредди, заткнись. А то я тебе вставлю твою мультикультурность... Эй, парень, а ты что за чудо?.. Почему без оружия и где твой броник?.. Кто-то из особо засекреченных?.. Что-то о тебе нигде ни слова.

— Я мирное существо, — пробормотал я. — Всегда все стараюсь решить миром и по-доброму.

Он ухмыльнулся.

— А если не удастся?

— Вздыхаю и ухожу, — ответил я. — С печалью на лице.

Он хохотнул.

— Оставив после себя гору трупов?.. Есть у нас тут один, над убитыми даже читает несколько слов из Библии.

— Прямо из книги? — спросил я.

Он ухмыльнулся шире.

— Из памяти. Иногда такое несет... Но не проверишь, никто из нас Библию не читал.

— Да, — согласился я, — сейчас больше читают Коран. На обеих сторонах баррикады.

— Это да, — согласился он. — Даже я знаю несколько сур. Вообще-то правильные там вещи... Жаль только, что правильную веру первыми ухватили наши противники.

— Теперь только воевать, — тоскливо сказал бакалавр.

— Будем доказывать, что наша вера правильнее?

— Да. Хотя я атеист...

Нас прижало к стенке, послышался мощный скрип тормозов. Многотонную машину чуть занесло, но остановилась, как я увидел, прямо перед массивным зданием старой постройки тех времен, когда еще наивно строили на века.

Навстречу с автоматами на изготовку высочили двое в бронекостюмах. Один из сидевших в кузове выпрыгнул и подал мне руку.

Я отказываться не стал, а когда оказался на земле, один из автоматчиков спросил отрывисто:

— Это вы... вас прислали?

— Вообще-то я сам прибыл, — сообщил я скромно.

— Я вас проведу, — сказал он.

— Да, — согласился я, — сперва поговорим. А потом слово за слово...

Он ухмыльнулся, я поднялся за ним на третий этаж, он стукнул в дверь, явно электроника здесь либо не установлена еще, либо повреждена.

С той стороны раздался свирепый рык:

— Заходи!

В комнате всего один человек, полковник, судя по знакам различия, повернулся ко мне, протянул руку.

— Деклан Коннер, командующий седьмым участком. Мне сообщили о вас. Давайте сразу введу в курс дела, время дорого. Спецназ все прибывает, но пока что разбираемся... Никто не хочет идти напролом, ищем слабые места противника.

— Какие-то нашли?

Он поморщился.

— Здание там практически захватили только-только. Как исламисты еще не разобрались, что и кого захватили, так и мы только начали изучать эту группировку...

Я сказал осторожно:

— Я слышал, что вроде бы заключен мир...

Он покачал головой.

— Не мир, а перемирие. Правда, устраивает обе стороны, так что перемирие может затянуться на годы, а это почти вечность. Перемирие установлено и соблюдается, но нужно учитывать, что вся армия ИГАРа —

добровольцы! Там люди идеи, объединенные в отряды с похожей идеологией, но не желающие подчиняться общему руководству.

— Знакомо, — пробормотал я. — Да-да, слушаю внимательно.

— Один из таких отрядов, — продолжил он, — сделал неожиданный рейд и захватил три главных здания научно-исследовательского центра по биотехнологии на этой стороне линии разграничения.

— На нашей?

— Да, — подтвердил он угрюмо. — Никакой военной ценности они не представляют, просто это обидный укол, хотя, по данным разведки, руководство ИГАРа не одобряет самостоятельные действия и не будет вмешиваться, если наши войска выбьют слишком самостоятельных обратно.

— Так почему же...

Он вздохнул.

— Никто не хочет идти в наступление. Все так обрадовались перемирию, как будто это конец всем войнам на свете!.. Да и есть опасение, что, если начнем атаку на этих наглецов, им придут на помощь другие отряды, что вроде бы подчиняются общему руководству ИГАРа, но в данном случае могут не послушать и прийти на помощь единоверцам.

— А это риск возобновления войны?

Он кивнул.

— Риск разрастания простой схватки за три здания на весь город...

— Тогда наши не рискнут, — сказал я. — Блин, почему мы не мусульмане?

Он хитро прищурился.

— А вы сами ислам принять еще не восхотели?

— Восхотел, — признался я. — И даже возжелал. Ислам мне нравится. Но только при условии, что мусульмане примут христианство. И тогда мы с ними сразимся как борцы за истинную веру и быстро уничтожим ту старую дряхлую веру, что позорит светлое имя нашего мудрого пророка Исы!

Он ухмыльнулся.

— Правильно мыслите, юноша. Но раз уж так получилось, что мы христиане, то будем защищать христианство, хотя мы тут все атеисты.

— Где сосредоточены заложники? — спросил я. — Их согнали в одно место или же пока держат там, где застали?

— Согнали в большой актовый зал, — ответил он, — на первом этаже. Но туда не пробиться. Вход забаррикадирован, в холле тяжелое вооружение, на крыше снайперов больше, чем воробьев.

— А с заднего хода?

Он покачал головой.

— Его нет. Видимо, для усиления секретности конкуренты никогда не дремлют... Даже в соседний корпус можно попасть только по воздушному переходу на высоте двадцатого этажа. Там установлена аппаратура по всей длине трубы, ничего не пронесешь лишнего.

— Здорово, — сказал я озадаченно, — как же они выходят в конце рабочего дня через единственный выход, если в корпусе сорок этажей?

— Смертоубийство? — поинтересовался он невесело. — Нет, все группы заканчивают в разное время. Как и начинают. Но я не представляю пока, как будем прорываться...

— А будем?

Он пожал плечами.

— Я беру худший вариант. Вообще-то наши уже затеяли переговоры, там сразу заявили о выкупе... В общем, мы готовимся к штурму и ждем приказа.

— Там много женщин?

— Половина, — ответил он равнодушно. — Как и положено по закону. А что, намерены спасти женщин?

— Не уверен, — признался я, — потащат потом в суд за оскорбление и сексизм, а кому это надо?

Он наклонился к моему уху и шепнул едва слышно:

— Вообще-то, когда им припечет, сразу забывают о своих правах и кричат: спаси, ты же мужчина!.. Но потом, когда спасешь, берегись. У них никакой благодарности. Как в басне Крылова, где крестьянин и работник, только еще хуже...

Я сказал несчастным голосом:

— Знаю, тоже в этом мире живу.

— И тоже с резиновой?

Я кивнул.

— Да, так проще, чем... ну, понятно.

Он сказал уже более деловым тоном:

— Если у тебя такое задание, то выручай, особо не церемонясь, но когда посадишь в вертолет, следи за собой насчет сексизма! Эти особи лютуют. Они ж сейчас и в правительстве, так что сам понимаешь, какие законы принимают...

Я пробормотал:

— Потому мусульмане уже захватили половину Франции. Говорят, к Пуатье будет пробиваться вся армия НАТО?

— Да, — ответил он, — но во главе совсем не гений военного дела.

— А кто сейчас?

— Клаудия Касталлиони.

— Эта та, с вот такими?..

— Она, — ответил он угрюмо. — И с вот такой! Когда женщины пришли и в командование армиями, вот тут ислам и перешел в наступление... Вчера было сообщение: командовать бронетанковой армией вермахта назначена Элиза Гердель, у нее синдром Дауна, однако правозащитники во всем мире настояли, что дауны имеют право не только вступать в брак и заводить детей, но и занимать руководящие должности в правительстве и в армии...

Я подумал, но в голове каша и броуновское движение, ничего в голову не лезет, а из головы так и вовсе.

Хлопнула дверь, пошел валяжный господин в дорогом костюме, галстук стоит дороже лимузина, с платочком в верхнем кармане, щеки на плечах, косо посмотрел в мою сторону.

— Что слышно, — спросил он у командующего седьмым участком, — насчет решения штаба?

Коннер вскочил, но не вытянулся, все-таки перед ним гражданский, пусть и очень высокого ранга, ответил почтительно:

— Пока совещаются. Ждем, господин Клаузер.

Я посмотрел на одного, на другого, сказал нерешительно:

— Наверное, мне лучше всего пойти и переговорить.

Коннер отшатнулся.

— Что? С кем?

— С захватившими здание, — пояснил я.

— О чем?

— Придумаю на ходу, — сообщил я. — Умные люди всегда найдут о чем пообщаться, верно?.. А мусульмане в последнее время начали делать прорывы в науке, школьники исламских школ постоянно побеждают в математических олимпиадах... Так что я с ними пого-

ворю, а вы можете вволю потрындеть пока с господином Клаузером о мировой политике гуманизма..

Он оглянулся на Клаузера, тот надулся и стал похожим на рассерженного индюка.

— Нет уж, — ответил Коннер невесело, — господин Клаузер политик, а в военное время это намного ниже даже военного. Хорошо, идите. Вы здесь никому не подчинены. Огневую поддержку дать?

— В каком смысле?

Он нервно дернул щекой.

— Можем прикрыть вас, пока вы добегите до двери главного корпуса. Правда, как только перешагнете порог, вас убьют уже там, но это почти хорошо...

— Почему?

— Мы уже не отвечаем, — объяснил он. — Вы же вольноопределяющийся!

Я подумал, сказал медленно:

— А если... прикрытие другого рода? Я буду убегать от вас, а вы вроде стрелять по мне. Тогда впустят как беглеца...

Он посмотрел с сомнением.

— Да?.. Хотя ход хороший. Тогда ты должен удалиться как можно дальше от нас с самого начала, понял? А потом вскакивать и бежать. А то странно будет, что промахиваемся... Сними с себя все верхнее. Достаточно рубашки, штанов и кроссовок. Хотя среди нас шахидов нет, но пусть там издали видят, что не взорвешь там все, когда вбежишь...

Он снова обращался ко мне на «ты» как к одному из своих бойцов, за которых несет ответственность, даже грубое лицо стало мягче, а в глазах появилось что-то человеческое.

— Спасибо, — сказал я с чувством. — Это хорошая идея.

— Я сам отберу лучших стрелков, — сказал он, — чтобы били по тебе как можно ближе. Остальным велю не стрелять.

— Это еще лучше, — сказал я. — Только пусть не усердствуют.

Он усмехнулся.

— Раненым вползать как-то не жадется?

— Во мне пока что нет наноботов, — ответил я очень серьезно, — чтобы мгновенно заживлялись все раны. Да и вообще... как-то молотком попал по пальцу, два дня вопил.

Но сказал я так, чтобы он уловил некий намек, будто во мне все-таки есть что-то такое из засекреченных лабораторий, что пока не поступило на вооружение. Опытный образец для обкатки.

— Сочувствую, — ответил он серьезно. — Серьезнее, чем молотком, только серпом по другому месту. Готовься!

Глава 11

Он вышел, я посмотрел вслед, готовиться мне как-то не особенно, разве что психологически, но я чувствую себя как-то вполне адекватно, что-то поскребло меня, и под изысканной интеллигентностью обнаружилось вполне приличное мурло питекантропа.

А питекантропу как-то не особенно печально, когда обрывается человеческая жизнь, когда это не совсем человек, а тоже питекантроп, жаждавший оборвать мою драгоценную жизнь.

Вернулся он довольно скоро, смерил меня с головы до ног придирчивым взглядом, и снова я увидел, что сомневается в передовой науке.

— Ребят я расставил, — сообщил он. — Откроют беспорядочный огонь, когда встанешь и побежишь. Должен либо упасть, либо пригнуться, но дальше, сам понимаешь, нужно вести себя как можно естественнее.

— Справлюсь, — пообещал я.

— А как дальше?

— Не знаю, — ответил я откровенно. — У меня мозг ленивый, дальше одного шага продумывать отказывается.

Он усмехнулся.

— Тогда ты здесь среди своих. А командование наше так и вовсе отказывается продумывать даже первый шаг. Его действия никакие аналитики врага не просчитают, так как в нашем штабе сами не понимают, что делают. Трудная работа, а кто работать рвется?.. Ну, как ты?

— Я пошел, — ответил я. — Вы еще не послали, а я пошел, потому что доброволец. Это ж не на работу!

Он ухмыльнулся.

— Да, конечно...

Мы вышли вместе, он остался на пороге, а я пригнулся и начал пробираться вперед в сторону захваченных зданий, делая вид, что, как турист, рассматриваю подбитые танки, броневые машины, ах как это все волнительно, как любопытственно, вот здесь сделаю сэлфи, и вот здесь...

Спохватился, вытащил смартфон и начал снимать в высшем из возможных разрешений.

Кто-то далеко за спиной прокричал:

— Эй ты, гражданский!.. Немедленно вернись!

Я сделал вид, что не слышу, все так же зигзагами продолжаю продвигаться вперед. Через минуту тот же голос прокричал громче:

— Эй ты!.. Туда нельзя!.. Быстро обратно!

Я все еще шел медленно и увлеченно, водил камерой по сторонам, снимая подбитую технику, особенно увлеченно снимаю места зверских пробоин, а далеко за спиной уже два голоса прокричали зло и настойчиво:

— Сейчас же вернись!.. Или будем стрелять!

Я все поглядывал на здание, там мелькают головы в клетчатых куфиях, в основном арафатках, но немало и тюбетеечников, видят, кто-то уже держит меня на прицеле, но вряд ли станут стрелять в безоружного и явно гражданского с камерой в руках.

Сзади раздался крик:

— Назад!.. Еще шаг — и стреляем!

Надеюсь, в здании тоже слышат, там направленные микрофоны ловят все, что не успевают глушить средства защиты, и когда я сделал этот роковой шаг, то разом пропустил бегом, пригнувшись и укрываясь за корпусами танков и бронетранспортеров.

Далеко за спиной прогремели выстрелы, часто простучал пулемет. Я упал на четвереньки и так пробежал с десятков шагов, а пули с силой бьют в стальную броню прямо над головой, отскакивают с таким громким щелканьем и злым визгом, будто не пули, а снаряды.

Я чувствовал, как из захваченного здания следят с интересом и недоумением, а когда оттуда часто-часто простучал крупнокалиберный пулемет, сердце похолодело, это же полный капец...

Но пули с визгом проносятся высоко над головой, а сзади выстрелов стало вроде бы меньше. Я вскочил и понесся снова, делая резкие зигзаги и прячась за подбитыми и покореженными машинами.

В проеме выбитой двери захваченного появился человек и, прячась за откосом, приглашающе махал мне рукой.

Я сделал последний рывок, пронесся как олень и впрыгнул головой вперед в раскрытый проем. Не успел прокатиться на пузе по гладкому полу, как на ходу перехватили крепкие руки.

Меня вздернули, все же заломив руки, со всех сторон возбужденные голоса, но Наташа из кулона переводит все моментально, меня считают перебежчиком, а это самое то, на что рассчитываю...

Держа крепко за предплечья и локти, быстро протащили через холл, там какая-то высокая арка, двое парней с автоматами посмотрели каждый на свой экран, мои конвоиры придержали меня на зеленом коврике, но один из часовых сразу же буркнул без интереса:

— Чист.

Второй сразу следом за ним:

— Чист.

Конвоиры дернули меня за локти.

— Пойдем.

Я вздохнул с облегчением, хотя чего тревожиться, со мной ни оружия, ни даже металлической ложки, а эта аппаратура просматривает меня насквозь, пересчитывая даже эритроциты в венах и вес готовых к выходу отходов в кишечнике.

Придерживая за локти, провели по коридору в одну из комнат. Навстречу из-за стола поднялся сухощавый мужчина с удлинненным лицом и орлиными глазами.

Таковыми исламистов нам и показывают: неистовый воин, горячий и яростный, в то время как наши бойцы даже элитнейшего спецназа больше напоминают менеджеров младшего звена, облачившихся в бронекостюмы высшей защиты.

— Что случилось? — спросил он резко.

— Франка поймали! — крикнул один.

— Сам явился, — возразили ему тут же.

— Прибежал к нам! — выпалил один из моих конвоиров. — По нему так стреляли, так стреляли!..

Их командир повернулся ко мне.

— Усман, — назвал его он. — Майор Усман ибн Сафин. Кто вы?

— Работаю на телевидении, — выпалил я, — но это неважно. Я бежал к вам потому, что сердце мое тянется к свету истинной веры.

— Мусульманин?

— Нет, — ответил я честно, — но сочувствующий и жаждущий!.. Я начал интересоваться исламом, еще когда узнал, что ислам хотел принять Гитлер, заявивший, что ислам не способен на терроризм, Черчилль, Лев Толстой, князь Владимир, Пушкин, Иммануил Кант... А когда мне в руки попал Коран... о, с того дня началась моя новая жизнь!

Меня уже отпустили, слушают жадно и с восторгом. Усман улыбнулся, жестом указал мне на стул напротив, остальным кивнул в сторону выхода.

Половина поспешно выбежали из комнаты, но четверо остались, двое сразу же встали по обе стороны.

Усман произнес с одобрением:

— Хорошие слова... Я в университете защищал диплом по его «Критике чистого разума», но нам никогда не говорили, что он принял ислам.

— Ха, — сказал я саркастически, — кто это скажет!.. Но Кант собственноручно на своем дипломе написал «Бисмиллахи — рахмани р-рахим», а когда и как принял ислам... достаточно погуглить. Такие вещи гнилой Запад тщательно скрывает.

Он кивнул.

— Верно, Запад боится правды, которой сияет Коран.

— Когда Черчилль хотел принять ислам, — сообщил я, — как вся родня и правительство на него нажимали, чтобы не смел этого делать?..

Один из боевиков у двери, весь увешанный оружием так, что одежды не видно, вытащил оттуда-то из-под висящих на нем автоматов новейшую модель смартфона, размером с зажигалку, растянул ее дюймов на двадцать и начал тыкать пальцем, поглядывая на меня с недоверием.

— Во всех книжных магазинах Европы, — сказал я, — полки завалены боевиками и порнухой, но нигде ни в одном вы не найдете Корана!.. Почему? Я вам скажу честно, западный мир до свинячьего писка страшится этой книги. И знаете почему?

Все смотрели на меня выпученными глазами и затаив дыхание. Наконец Усман опомнился и спросил тихо:

— Ну-ну, почему?

— Потому что, — ответил я победно, — практически каждый, прочтя Коран, принимает ислам!.. Потому на Западе так важно вообще не допустить своих жителей взять в руки эту священную книгу!..

Еще один из боевиков у двери, лохматый и жутковатый, прорычал:

— Все верно, я бывал в городах франков. Коран можно встретить только в мечети или у мусульманина в доме. Но не в книжном магазине.

Тот, что со смартфоном в руках, с огромной обидой в голосе сказал, не отрывая взгляда от экрана:

— Я привез три экземпляра из Кувейта, хотел родне подарить, так два у меня конфисковали на таможне! Сказали, контрабанда. Еще и штраф пришлось уплатить!

Все возмущенно зашумели, только один сказал робко:

— А подать жалобу, чтоб вернули? Обратиться к начальству?

Я возразил, щедро плеская в огонь бензинчику:

— Не успеете. Отобранные тут же жгут на заднем дворе, чтобы никто не успел раскрыть священную книгу и прочесть хоть одну суру.

Боевик с растянутым до предела планшетом вскрикнул, не отрывая взгляда восторженно вытаращенных глаз от экрана:

— Точно!.. Франк говорит правду!..

Все затихли, Усман спросил быстро:

— Что именно?

Тот почти прокричал:

— Черчилль хотел принять ислам! Но ему не позволили, сволочи... И все его священные книги, собранные в наших землях, сожгли!

Железо нужно ковать, пока горячо, я продолжал с еще большим жаром:

— Масса ученых, экономистов и политиков переходят на Западе в ислам! Не говоря уже о тысячах и тысячах известнейших спортсменов, что есть лицо и цвет любой нации, а также певцов, актеров, таких как Мухаммед Али, Майкл Джексон, Уилл Смит и Мэл Гибсон, Жан Рено... да что называть имена, только в США миллионы негров приняли ислам, а остальные переходят в него сейчас!

Они слушают жадно.

— Как журналист могу сказать со всей ответственностью, так как благодаря своей профессии знаю настроение правительства и властных кругов, что большинство сильных западного мира готовы принять ислам...

Усман протянул недоверчиво:

— Что-о?

— Но не радикальные формы, — поспешил я уточнить. — Классический ислам, поданный в Коране благодаря Пророку, мир ему. Только темный народ еще держится за свою старую веру, но все верха, как более грамотные и прагматичные, прекрасно понимают, что новое всегда исправляет ошибки старого и поднимает человечество на новую ступень. Ислам как последняя мировая религия выше устаревшего христианства уже потому, что вобрала все лучшее из христианства и отринула отжившее. Потому ислам силен, за ним правда, истина, справедливость!

Боевик с планшетом сказал:

— И даже наука. Пророк сказал, что чернила мудреца для Аллаха так же ценны, как кровь мученика...

Не спрашивая разрешение Усмана, он придвинул мне кресло, явно они из одного племени, потому отношения более близкие, чем просто у командира и подчиненных.

Я сел, откинулся в кресле на спинку, улыбнулся дружелюбно и доверительно.

— Контакты и прощупывание заинтересованности начинаются на самых нижних ступеньках. Это чтоб ничем себя не связывать и не подставляться.

Усман кивнул.

— Понимаю.

— Таким образом, — сказал я, — говорю как бы от себя и неназванной группы лиц, которым я привезу отчет. На самом деле и в верхах желают знать, что я выяснил, что мне ответили и на чем можем торговаться... Это их термин, уж простите, гнилой Запад и есть гнилой, они все торгаши, у них все на торговле.

— Это верно.

— Так вот, — сказал я с воодушевлением, — интеллектуалы Запада, практически вся банковская и поли-

тическая элита готовы принять ислам... повторяю, в его светском варианте.

Он нахмурился.

— Но светский ислам... беззубый. За свои идеалы нужно бороться.

— Думаю, — сказал я вкрадчиво, — Иран или Турция, где светский вариант ислама, еще как смогут побороться за ислам, если кто посмеет его обидеть! Вспомните, как Иран ответил на оскорбление в адрес пророка со стороны члена правительства Дании. Полстолицы превратили в руины.

— Это оборонительная тактика, — возразил он.

— Нельзя сразу схватить в одну руку два арбуза, — сказал я. — Сейчас в Европе исламу сопротивляются даже те, кто готов его принять. Я знаю настроение военнослужащих, я же аналитик, это моя работа. Как раз военным ислам особенно близок... Везде слышны разговоры, что, если бы не этот натиск, они уже были бы мусульманами. А так, когда нападает враг, то нужно защищаться, кто бы ни напал...

Он проговорил нерешительно:

— Я доложу о вашей миссии... прощупывания... или поиска, как вы говорите, неофициальных контактов...

— Но докладывайте умным, — предостерег я. — Твердолобым фанатикам бесполезно. Потому старайтесь взять в свои руки как можно больше, потому что вы человек с широкими взглядами, это видно. Учеба в университете или ваши природные дарования виной, но вы лучше сумеете рулить, чем большинство ваших командиров, что стоят над вами!

Он нахмурился, я поспешно добавил:

— Лучше вас разбираются разве что те, что на самом верху наступающего ислама. Потому что мудро сораз-

меряют военную мощь и притягательную силу учения Пророка!.. Те люди — гении. Равняйтесь на них.

Его лицо чуть разгладилось.

— Да, Пророк, да благославленно Имя Его, дал им мудрость.

— Запад помешан на милосердии, — сказал я пренебрежительно. — Это чудовищный перекося, когда жизни отдельных людей ценятся выше, чем интересы государства или даже продвижение идей. Этим нужно пользоваться...

Он улыбунулся.

— Мы пользуемся. Среди франков шахидизм немудрым, настолько они все дрожат за свои жалкие и ничтожные жизнишки. А у нас любой готов отдать все за победу ислама! Кто может усомниться, за кем правда?

Я понизил голос:

— Я рад, что мы понимаем друг друга. Победа ислама неизбежна, однако можно к ней идти долго и кроваво, а можно дорогу сократить, сохраняя жизни благородных воинов ислама и сохраняя в целости города Европы, которые скоро осенит зеленое знамя Пророка, да будет мир ему.

Он кивнул.

— Это несомненно.

— Со стороны франков, — сказал я, — уже первый шаг сделан. Это я. Здесь и сейчас. Разговариваю с майором исламской армии. Нужен ответный шаг, чтобы диалог не прервался.

Он насторожился.

— У нас говорят, послушай франка — услышишь ложь. Что ты хочешь?

Я сказал как можно небрежнее:

— В главном здании содержат захваченных заложников. Нужно выбрать кого-то поникчемнее, здесь главное — не занимаемый пост, а жест милосердия.

Он кивнул.

— Да, понимаю. Это разумно.

— Потому, — продолжил я, — директора пусть остаются, а отпустить стоит кого-то из мелких... Лучше всего женщину, у франков, как вы знаете, они обязательно присутствуют везде, хотя толку никакого, а вреда ой-ой-ой...

Он сказал с презрением:

— Чем больше франки ставят женщин на важные посты, тем поражения у них сокрушительнее!

— Точно, — согласился я. — У женщины мозг на треть меньше, чем у человека, вы не знали?.. Что они могут, кроме как стирать и гладить?.. Среди изобретателей ни одна женщина замечена не была! Потому женщину стоит отпустить не только потому, что они — создания глупые, сварливые и наглые, но еще и потому, что чем больше женщин в стане противника, тем ниже его боевой дух. И вообще... от женщин один вред, если, конечно, не на своем месте у порога на тряпочке.

Он захохотал, очень довольный, но, отсмеявшись, сказал благодушно:

— В исламе отношение к женщине очень почтительное, нежное и ласковое. Если, конечно, женщина знает свое место.

— Это важно, — согласился я, — но в Европе с этим что-то упустили.

— Я переговорю с полковником Каддаром, — сказал он. — Его боевики охраняют здание, а его личная гвардия стережет заложников.

Глава 12

Пока он отсутствовал, я мирно переговаривался с боевиками, оставшимися в комнате. Мгновенное сканирование по Интернету позволяет наловить массу фактов в пользу ислама, все это я тут же выкладывал. Все четверо сгрудились возле обладателя планшета, он прыгал по ссылкам и со все возрастающим восторгом читал вслух то, что вообще-то и не скрывалось, но просто тонуло в потоке более важных для обывателя новостей, типа с кем спит Лола Паркер и от кого ребенок у Пипы Грейс.

Усман вернулся раздраженный и злой. Бросил на меня хмурый взгляд.

— Отказывается? — спросил я с тревогой.

Он кивнул.

— Да. Я уговаривал освободить одних женщин, дескать, пусть франкам будет хуже, он и тогда уперся.

— И никак не убедить?

Он покачал головой.

— Он из группы шейха Орхан-Оглы. Они ничего не желают слышать. Вы правы, такие с франками никогда не станут договариваться. Они готовы убить всех неверных, вместо того чтобы обратить в истинную веру, а их города жаждут сжечь...

Я ощутил бессилие, мелькнула тоскливая мысль, что зря в это ввязался, я хоть и питекантроп на девяносто девять, но все же единственный процент кроманьонца у меня на самой вершине коры головного мозга, должен бы рулить, а он вот только скулит и жалуется.

— Может быть, — предположил я, — мне с ним поговорить?

Он покачал головой.

— Он вообще пленных не берет.

— Я же не пленный!

— Перебежчиков презирает, — сказал он суховато, я понял, что он и сам их презирает, — и велит расстреливать сразу. Он считает, что истинную веру нужно принимать добровольно, а не под нажимом.

— Вообще-то верно, — признал я, — но это в идеале. Вон турки в Болгарии насильно заставляли христиан принимать ислам, но уже дети насильно обращенных выросли чистыми мусульманами, а внуки так и вообще другой веры не знали и не хотели. И даже сражались за нее мусульманнее других мусульман. Тогда даже не знаю... Может быть, меня тоже впихнуть к заложникам?

Он посмотрел на меня в изумлении.

— Зачем?

— Поговорю с ними, — ответил я. — Пообщаюсь. А когда вернусь, сообщу, что их видел и нашел в добром здравии.

Он покачал головой.

— Войти можно, но не выйдешь. Там такая охрана...

— Я рискну, — сказал я скромно.

Он посмотрел на меня с уважением.

— Ты доблестный воин.

— Я воин ислама, — ответил я скромно. — Но скрытый. Как сказано в одной суре: странствующий в чужих землях может не исполнять предписанные Кораном ритуалы, ибо слова Пророка носят в душе, а не под мышкой с ковриком.

Он сложил ладони у груди.

— Аллах акбар. Хорошо, я сумею тебя засунуть к заложникам. Но больше помочь ничем не могу... если это, конечно, помощь.

— Помощь, — заверил я. — Спасибо.

Он сказал уважительно:

— Ты воин. Ты воюешь за свои убеждения.

— За наши, — поправил я строго. — Они же и общечеловеческие!..

Он кивнул, подошел к двери и, приоткрыв, крикнул в коридор:

— Муса, Джамиль!..

В комнату вбежали двое таких же с короткими черными бородками, крупноглазые, чем-то похожие на Усмана, словно братья, хотя нам и китайцы все еще на одно лицо.

Он кивнул в мою сторону.

— Доставьте этого в комнату заложников. В безопасности. Но дальше... до особого распоряжения.

Один уточнил:

— Под охрану Каддара?

— Да, — ответил он. — Дальше отвечает Каддар. Я к его заложникам добавил еще одного, только и всего...

Научно-исследовательский центр строили с размахом, я ощутил его величие, когда меня вели по залам. А еще сразу со всеми мерами безопасности, причем не столько от вторжения извне, как от воровства самими сотрудниками. Сеть только локальная, беспроводной нет, а самое наглядное — внешняя стена без единой двери, не считая входа, а здание такое, что в нем поместится небольшой город.

У одной из дверей двое охранников, автоматы стволами вниз, лениво беседуют, хотя по сторонам поглядывают достаточно настороженно, однако с той беспечной веселостью людей, абсолютно уверенных в своей правоте, за следование которой в конце концов будут вознаграждены десятками гурий.

В нашу сторону посмотрели с интересом, Муса сказал издали:

— Принимайте еще одного.

Джамиль уточнил:

— Он сам пришел.

Один из охранников спросил в удивлении:

— Тогда... почему?

— Он жаждет разделить казнь с единовверцами, — объяснил Джамиль. — Так угодно Аллаху.

Охранники посмотрели на меня с уважением, один отдал воинский салют, второй с почтением, но молча распахнул передо мной дверь: воины Аллаха не задают лишних вопросов.

— Хорошо. Пусть входит.

Я переступил порог, оглядывая быстро зал и массу сидящих на полу заложников, здесь их больше сотни, а это нехорошо. Нужно будет вскоре кормить, водить в туалет... или расстрелять, чтобы избавить себя от лишних хлопот. Это же франки, чего их жалеть.

Дверь за мною захлопнулась, я пошел неспешно, всматриваясь в заложников и стараясь угадать, кто здесь нужен мне, точнее, руководству. Вряд ли увижу их сразу, такие люди обязаны быть как можно неприметнее для всех. Хотя, кажется, вон в той кучке сидящих вижу знакомое лицо. Кажется, это та самая Параска Корбут, чье фото мне показывал Лошиц.

Более несчастных и запуганных людей я еще не видел, скрючились под стеной, стараются стать меньше в размерах, хотя половина из них толстяки и толстухи с объемными жопами и свисающими до колен животами.

На меня посмотрели с испугом, что и понятно, я не выгляжу жалким и напуганным. Для них это признак, что приближается один из захватчиков, а я не могу же объяснять, что благородному глерду недостойно выказывать страхи, это роднит с животным или демократом,

те и другие искренни, а глерд не имеет права на такое искреннее признание животной сути человека.

— Привет, — сказал я громко, — у вас тут уютно. И женщины... в смысле, особи красивые. Меня взяли только что, я новенький. Здесь вводят в курс дела или мне самому?

Никто не ответил, каждый страшится сделать лишнее движение, хотя в помещении никого, кроме заложников.

Я сам взял стул и сел возле одного, что показался меньше других раздавленным адреналинящим приключением.

— А чего на полу? — поинтересовался я. — Так романтичнее?

Он ответил, едва шевеля губами:

— Всем велели сесть на пол у стены.

— Это было давно, — ответил я, — хотя чего я буду менять ваши вкусы?.. Вам так нравится, острые ощущения... Здесь, как я вижу, вся верхушка... Вон тот генеральный, верно?

Он шепнул:

— Да. А рядом с ним его два заместителя.

— Хозяина здесь нет, — пробормотал я, — что и понятно... А вон та женщина?

— Ганселла?.. Она из отдела сбыта.

— Понятно... А вот та?.. А та?..

Он что-то ощутил в моих настойчивых расспросах, начал отвечать охотнее, с какой-то истерической надеждой в голосе, я для проформы спросил и о мужчинах, а когда он назвал имя Параски, я оглядел ее критически.

— А она вообще-то ничего... Кто бы подумал, женщины-ученые обязаны быть странными, чтобы... ну, понятно, да?..

Он ответил кисло:

— Да из нее такой ученый, что она может быть даже красивее.

Я хохотнул.

— Ого! Тогда пойду знакомиться.

Когда шел к этой самой Параске, чувствовал на спине его полный надежды взгляд, но не оглянулся, потом бесцеремонно сел рядом с этой Параской, отпихнув что-то серое типа менеджера средней руки.

— Параска, — сказал я, — я Юджин, рад познакомиться.

Она покосилась на меня с некоторой неприязнью.

— А чего тут радоваться?

— Я вообще человек радостный, — сообщил я. — И приношу радость. Вы как насчет того, чтобы отсюда как бы освободиться?

Она дернулась.

— Это что еще за шутки?

Я сказал тихонько:

— Да ладно вам, дамочка. А если меня нарочито за вами послали?.. У вас же есть что-то запрятанное в кофточке ценное?.. Я имею в виду, конечно, не сиськи, хотя они у вас весьма даже увесистые. Я еще не щупал, но уже представляю... Украинская природа, верно? Так есть у вас нечто?

Она воровато посмотрела по сторонам.

— Не знаю, о чем вы.

— Мне Юрий Лощиц сказал, — шепнул я. — Хоть вы и не в верхнем эшелоне, но доступ у вас некий имеется. Не буду спрашивать какой, мы же взрослые.

Она нервно дернулась.

— Лощиц? Это кто?

— Не прикидывайтесь, — сказал я. — Это я должен спрашивать, та вы или не та.

Она посмотрела настороженно.

— Да, я Параска Корбут, работаю в этой компании пятнадцать лет. Сперва в Тегеране, там было иранское отделение нашего института, в Иране очень хорошо с высококвалифицированными кадрами, но, когда власть захватили экстремисты, к нам ворвались эти бородатые радикалы...

Ее плечи зябко передернулись.

— Тяжело было? — спросил я сочувствующе.

— Еще как, — ответила она убитым голосом. — В целях безопасности меня часто перевозили с места на место. Везде насильовали по три-четыре человека, но это пустяки, это мне даже нравилось, а вот то, что нет туалетной бумаги, а только вода в кувшине, — это бесит и сейчас.

— Ислам, — сказал я. — Нужно выказывать уважение чужой культуре. Кстати, она не такая уж и чужая.

— Что?

— Почему-то вавилонскую чтим, — пояснил я, — ассирийскую, хеттскую, финикийскую, а вот ислам, что целиком основан на Библии, как и протестантство, кстати, вызывает некоторую неприязнь...

— Некоторую? — прошипела она. — Вы с ума сошли?... Ладно, у меня все на чипе.

— А сам чип?

Она поколебалась, засунула руку глубоко под юбку, задержала дыхание, я ждал, наконец с великим облегчением выдохнула и протянула мне металлическую пластинку два на два миллиметра и не толще листа плотной бумаги.

— Вот.

— Прекрасно, — сказал я. — И надо убираться. Скоро начнут вас сортировать, тогда уже ничего не спрятать.

Она прошептала:

— Вы серьезно?

— Нет, конечно, — ответил я с достоинством. — Война — настолько глупое занятие, что серьезно к этой дурости ну никак нельзя относиться. К войне нужно относиться... к ней вообще лучше не относиться. Потому давайте сделаем так... вы должны держаться ко мне как можно ближе. Все время. Когда я побегу — вы бежите, если я остановлюсь...

— Поняла, — ответила она поспешно. — Но здесь только один выход, а охраняет его целый батальон!

— Верно, — одобрил я — Замечаете. Чувствуется хватка. Разведшколу заканчивали или это природная привычка все замечать за мужчинами?

Она прошипела:

— Там не пройти!

— И не надо, — ответил я. — А выход на задний двор?

— Ничего подобного нет, — отрезала она. — На уровне двенадцатого и сорок второго этажей воздушные переходы в корпус В, а оттуда можно на лифте в нижний зал и выйти во внутренний двор, где сад, цветник и бассейн.

— Обойдемся, — ответил я. — Не то что я против бассейна, это же плавать, а не мыться, но это как-нибудь в другой раз. Вставайте, пойдем к двери. Учтите, будем пробиваться с боем. Вы, надеюсь, не гуманистка? Хотя что я за чушь несу, какие из женщин гуманистки?.. В общем, держитесь за моей спиной, под пули лезть не стоит, а мужчин не жалко, они и рождаются только для героизма и славной гибели...

Она не сдвинулась с места, лицо покрыла смертельная бледность.

— Вы с ума сошли?.. У вас нет оружия, а там в коридоре сотни вооруженных до зубов боевиков.

Я внимательно посмотрел на дверь.

— Всего двое.

— Что?

— Ваши сотрудники — такие трусы, — объяснил я, — что вообще охранять их не нужно. Сказали сидеть — сидят. Однако здесь с минуты на минуту появятся совсем другие люди. Вами займутся. Вами всеми и вами лично. Учтите, они умеют пользоваться современными технологиями. И кто вы на самом деле, ваша роль... станет известна.

Она вздрогнула.

— Ладно...

Я переспросил:

— Что ладно?

— Рискну, — прошипела она, — все равно здесь не выжить. Но вы уверены...

— Нет, — ответил я честно, — просто есть некий смутный план. Подробный план здания я посмотрел еще у Лошица, а пока меня сюда вели, запоминал, сколько где народу.

Она посмотрела с удивлением и надеждой.

— Вы это сумели?

— Легко, — ответил я и вдруг подумал, что в самом деле все помню, блин, словно мой ленивый мозг в таких ситуациях вскакивает с дивана и очумело начинает метаться в поисках выхода. — Я в ударе. А потом лягу отсыпаться на двое суток.

— Хорошо, — сказала она решительно.

Я поднялся.

— За мной. Не отставать.

— А как охрана?

Я отмахнулся.

— Только двое закреплены за определенным местом, это у нашей двери с той стороны.

— А другие?

— Остальные, — ответил я, — как муравьи по горячему песку, носятся по всему зданию. Уважаю, люди идеи. Не то что наши профи, лишний раз пальцем не шевельнут, боятся переработаться.

Глава 13

Она поднялась, взгляды всех обратились в нашу сторону. Я указал ей взглядом, что теперь не отвлекаться, в разговоры не вступать, тут могут найтись и такие, что сразу же позовут охрану в надежде за предательство вымолить какие-то условия, у демократов всегда так, современная мораль, плюй на всех и береги себя и свое здоровье.

Она едва не наступала на пятки, я подошел к двери, вздохнул.

— Посмотрите быстро, — велел я ей, — никто не идет за нами?

Она оглянулась.

— Никто...

Я напрягся, ладони чуть дрогнули и опустились под тяжестью двух пистолетов. Моментально повернув их в сторону голубоватых силуэтов справа и слева от двери, я выстрелил дважды, пинком распахнул дверь.

— За мной!..

В коридоре на всю километровую длину пусто в обе стороны, только по обе стороны нашей двери двое сползают по стене, оставляя широкие полосы алой крови.

Я метнулся в сторону далекой лестницы, так наверняка решила Параска, но я по дороге резко рванул дверь слева в одну из комнат, там два десятка столов с компьютерами и широкоформатными дисплеями, по пря-

мой пробежал между канцелярскими столами к двери в стене напротив.

Она мчалась за мной со всех ног, задевая столы, вскрикивала, а я толкнул дверь с разбега, выскочил в коридор. Шагах в десяти уходят двое боевиков, на стук двери обернулись, моментально развернулись в мою сторону, поднимая автоматы, и я, сцепив зубы, выстрелил трижды.

Шесть пуль отбросили их на шаг, я на бегу выстрелил еще дважды, подбежал к одной из дверей, но, как только ухватился за ручку, Параска прокричала за спиной:

— Надо прямо по коридору!

— А что там? — спросил я.

— Выход в холл, — крикнула она.

— И полсотни боевиков, — огрызнулся я. — Как ты их нейтрализуешь? Начнешь раздеваться, а я буду стрелять в их раскрытые рты?

Не слушая больше, рванул на себя дверь. Во всех красочных боевиках, что смотрел, всегда лихо выбивают дверь ударом ноги и врываются в комнату, хотя вообще-то по всем стандартам во всем мире двери открываются только наружу, это чтоб при пожаре было проще выскочить, но — искусство выше правды! — если надо красиво выбить дверь — ее выбивают, хотя не родилось еще геркулеса, чтобы выбил ее вместе с дверной рамой, намертво закрепленной длинными штырями в стене...

Еще боевики, трое, но я увидел их проходящими мимо еще через дверь и теперь стрелял в спины. Один успел нажать на спусковую скобу, но очередь ушла в стену.

— Не отставай, — напомнил я.

Она выхватила автомат из рук падающего боевика и бросилась за мной. Я тупо ломился через рабочие комнаты, в одной застал боевиков, двоих застрелил, Парас-

ка вышибла мозги из остальных, ошалевших от нашего появления.

— Они уже знают! — крикнула она. — Нам не про-
рваться!

— Почему?

— Выход только один, — напомнила она. — А там
целый батальон!

Я сам чувствовал, что кольцо вокруг нас быстро сжи-
мается, вон с той стороны их столько, что голубые си-
луэты уже сливаются в небесную синеву, а с другой не
меньше, приближаются с неторопливостью океанского
прибоя, нам бежать некуда.

Эти люди полны отваги, напомнил я себе, жизнь не
дорога, важнее честь и достоинство, не особенно и пря-
чутся, так что у меня считанные минуты...

Считанные минуты на все. На прорыв, если я совсем
уж сумасшедший, или на сдачу с поднятыми руками,
потому что уже не могу сдерживать их натиск, вот-вот
прикончат.

— Пригнись, — велел я. — Не отставай...

Она вскрикнула:

— Зачем я, дура, пошла за тобой!

— Быстрее!

Проскочив комнату, мы выбежали в главный кори-
дор, там пусто, потому что это ловушка, передо мной
главная несущая стена, никаких дверей, придется очень
долго бежать вправо или влево, а на концах длинней-
шего изогнутого коридора скопление боевиков, под
пули которых мы и примчимся, такие вот тепленькие.

— Закрой глаза! — велел я. — Плотнo-плотнo за-
жмурься и завяжи шарфом!..

— Зачем?

— Взорву световую гранату, дура, — рявкнул я. —
Ослепнешь так, что ни один врач не восстановит!

Она поспешно сорвала с шеи шарфик, зажмурилась плотно-плотно и начала заматывать глаза и всю морду, а я сосредоточился и начал входить в это состояние, когда могу проламывать пространство...

Портал начал возникать, когда вдали послышался топот множества солдатских ботинок. Сцепив зубы, древние маги как-то же проходили, а я же не древний, сказал себе твердо, что не пропаду, как же могу пропасть, если со мной исчезнет и вся Вселенная, это другим пропадать можно ни за грош, но не мне, мне вовсе никак...

Выронив пистолеты, я ухватил Параску и, прижав к себе, ломанулся в эту дыру. На миг показалось, что в самом деле прошел через огненные врата, хотя жара не ощутил, только ощущение космичности, и тут же пахнуло теплом.

Мы упали на землю, яркий солнечный свет почти ослепил, я подхватил ее под руку.

— Снимай шарф!.. И бегом за мной!.. Здесь простреливают!

Она очумело подхватилась, мы в шаге от блестящей стеклом и металлом стены здания и под защитой корпуса подбитого танка, но здесь не отсидеться, я побежал, пригнувшись и маневрируя между сгоревшей военной техникой, Параска бежит следом, как утенок за мамой, жалобно и ошалело вскрикивает.

Нас обнаружили как боевики, так и натовские войска, выстрелы загревели с той и другой стороны.

Пули со злым шелканьем бьют по стальной броне, я останавливался, вслушивался в стрельбу и время от времени делал рывок, торопливо перебегая простреливаемое пространство.

Параска, не выпуская из рук автомата, упала рядом, глаза вытарашенные, прокричала:

— Нас сейчас убьют!

— Мы почти убежали, — заверил я. — Не слышишь, нас прикрывают?

Интенсивность стрельбы со стороны войск НАТО в самом деле нарастает, чувствую заботу Деклана Коннера, увидел нас, все понял, среагировал моментально.

Выждав чуть, я сказал властно:

— Последний рывок!.. И мы в безопасности.

— Нас убьют, — прокричала она.

— Я спасусь, — заверил я.

— А я?

— Чип у меня, — напомнил я. — Так что задание выполнено.

— Ах ты ж сволочь...

Я ухмыльнулся.

— Взбодрилась? Теперь бежим!

Она от ярости даже обогнала меня, а проскочив в проход между баррикадами, споткнулась и растянулась на животе.

Я пробежал мимо, из-за тяжелого танка выбежал сам командующий седьмым участком, поспешил ко мне.

— Сынок!.. Ты сумел!.. Ты сумел... Вот уж не думал, что наши десантники настолько...

Параску подхватили под руки солдаты, один хотел взять у нее автомат, но она покачала головой и перекинула ремень через голову.

Коннер покосился на нее.

— Как она?

— Всех перебила, — заверил я. — А я, как и водится у мужчин, бежал следом. Героическая женщина. Видели, как автомат держит? А я что, никогда в жизни не прыгал с самолета.

Он обнял меня, заодно пощупал мои мышцы, я инстинктивно напряг, а когда отстранил, всмотрелся в мое лицо.

— Да, впечатление обманчиво... Думаю, на том и сыграл?.. Эй, там, уведите женщину, напоите чаем... Она как?

— Да любит это дело, — заверил я. — Но пусть не увлекаются, за ней скоро приедут.

Он повернулся, крикнул:

— Со всякими глупостями недолго, поняли?.. Но как ты сумел?

— Это было трудно, — ответил я скромно, — но ради торжества демократии пришлось. Кстати, там среди боевиков немало таких, что вполне могли бы быть на нашей стороне, если бы мы не вели такую глупую войну против ислама.

Он нахмурился.

— Мы не ведем войну против ислама! Мы воюем против боевиков.

— Но, — сказал я, — чтобы показать противника недочеловеками, плюем и на сам ислам, на пророка, а этого нам не простит ни один мусульманин, пусть он даже родился в США или Англии и окончил Оксфорд. Хотя, возможно, кто-то наверху это прекрасно понимает и нарочито разжигает.

К нам подбежал один из медиков, бросил ладонь к виску.

— Мой генерал, женщина не желает эвакуации в тыл! Коннер оглянулся на меня.

— Ей лучше остаться?

— Да, — ответил я. — Там ее напарник. Думаю, она в порядке. Железная женщина.

Медик возразил:

— Какой порядок? Она в глубоком шоке! И говорит бессвязно...

— Что именно?

— Что-то лепечет, — сказал он, — никак не сообразит, как это удалось выбраться...

— Шок, — объяснил я. — Там такое было... Надо успокоительное ей... хотя бы палкой по голове. Ладно, это не мое дело. Господин Коннер...

Коннер сказал с готовностью:

— Да?

— Ваши доблестные орлы, — сказал я, — смогут доставить меня в аэропорт за сорок минут?..

Он пожал плечами.

— Да, но сейчас в связи с военным положением ближайший самолет на Москву будет через пять часов.

— Расписание поменялось, — сообщил я. — Через пятьдесят минут «Конкорд-2» вырулит на взлетную полосу.

Он посмотрел на меня несколько странно.

— Ну... если у тебя такие данные... Эй!.. Быстро сюда Джона Власюка. Джон, хватай джип, доставить этого товарища-коммуниста в аэропорт прямо к самолету, который он укажет.

Я ухмыльнулся.

— Я вроде как не совсем коммунист.

Коннер отмахнулся.

— Для нас русские все еще коммунисты. Спасибо, что подняли наш воинский дух! Ради такого случая могу даже спеть «Интернационал».

Я изумился:

— Знаете?

— Это у вас забыли, — ответил он тише, — а у нас нет.

Джон Власюк лихо вел джип по усеянной обломками улице Парижа, поглядывал на меня с интересом, но я тоже молчу, наконец он вспомнил о неких общих корнях славянских народов, сказал с сомнением:

— Ты ничего не темнишь?

— Вроде нет, — ответил я.

— А самолет точно будет?

— Судя по объявленному расписанию, — ответил я. — Отменят так отменят. Ты же сам из семьи летчиков, знаешь, как это происходит.

Он посмотрел на меня искоса.

— С чего ты взял? Мой отец банкир.

— Может быть, — согласился я. — Но твою ДНК не проверяли. Да, твой отец — банкир, но если проверят, то твой отец — летчик гражданской авиации. В прошлом году ушел в отставку, имеет две награды за участие в боевых операциях в Афганистане... что, и там были военные действия? Я думал, там только маковые поля...

Он нервно дернулся.

— Ты что?.. Я чист, кто это обо мне собирает информацию? Зачем?.. С какой целью?.. И отец мой банкир по всем документам...

— Только не копай глубже, — посоветовал я дружелюбно. — А то такое увидишь...

— Чего?

— Успокойся, — сказал я миролюбиво, — это все из социальной сети, где и ты расписываешь свою жизнь, и твой отец, что сейчас на пенсии, и твой болтливый двоюродный брат, любитель сэлфи и толстых кошек...

Он всхрипнул, глаза стали еще тревожнее, но умолк и сосредоточенно рулил, ухитряясь на скорости проскакивать мимо дымящихся развалин и воронок, иногда обезображивающих середину улиц.

Я поглядывал на руины, одновременно просматривая новости Инета, все еще удивительное чувство, когда могу вот так, по своему желанию прыгать по ссылкам, тегам, смотреть фото и стараться заглянуть в запретное, хоть так волнительно и сотрясательно, рылом

уже как бы вышел, хотя ни разу не хакер, но защита совсем не защита, потому что задерживает меня на миллионную долю секунды.

В аэропорту охрана усиленная, часть рейсов отменена, но все-таки как-то странно, если смотреть, как Иммануил Кант, с позиции чистого разума. Идет жесточайшая война, однако самолеты летают, туристы ездят во все страны, в том числе и в воюющие, идет торговля вплоть до того, что когда заканчиваются снаряды, то можно купить и у противника. Все-таки бизнес есть бизнес, современный человек должен бизнес ставить выше семьи как устаревшего института закабаления человека человеком и совсем уж устаревших понятий о каком-то диком отечестве...

— Ты смотри, — сказал он в удивлении, — в самом деле вон самолет вытаскивают на взлетную полосу...

— Гони, — сказал я, — а то мое место у окна кто-нибудь захватит. Сейчас политкорректность даже во Франции в заднице.

— Да, — согласился он с явным удовольствием, — а так жалко, так жалко!..

— Трудно выразить, — сказал я.

— Да, — подтвердил он с чувством. — Трудно. Хотя вам в России легче. У вас холодно, у вас любая зараза мерзнет и не распространяется.

— А у вас на Украине так жарко, — сказал я с сарказмом, — так жарко!

— У нас и здесь Украина, — ответил он гордо. — Думаешь, кто не дал захватить Париж целиком? Украинская армия!

Показав пропуск, он выехал прямо на поле, а там я выскочил и побежал к самолету, пока не убрали трап.

Глава 14

Уже в самолете малость скрутило, когда вдруг осознал, что это все было со мной. Когда там бежал и действовал, не до рефлексий, как-то просто понимал, что я вот я и действую грамотно, но теперь, когда расслабился в уютном кресле, именно ощутил всеми фибрами, а это такое чувство, словно пинком выбросили из самолета без всякого парашюта в ночи на высоте в десять тысяч километров.

Да зачем это все мне, я же не тупой дурак, что с воинственно выдвинутой нижней челюстью прет в драку, раздавая удары направо и налево! Эстет я или не эстет, но понежиться люблю, и чтоб еще даже пальчик не прищемить, и тут на тебе...

Хотя, если копнуть, нащупываю то, что повело меня в ту авантюру по спасению заложницы. Хамски наглое чувство, что справлюсь, что с моими возможностями сумею как-то решить задачу...

И в самом деле сумел. Сейчас сам удивляюсь, но сумел. Чувство не подвело. Но это не значит, что и в следующий раз тоже повезет, нельзя наглотать, эстеты не наглеют, знают, ответка может прилететь сразу же.

Самолет, едва набрав высоту, пошел на снижение, от Парижа до Москвы рукой подать, я смотрел в окно и чувствовал со щемом, что мир не такой огромный, как выглядел из моего кукольного домика в огороженном коттеджном поселке, и война, что идет в Париже, может докатиться и до Москвы...

Мой стронгхолд уже ждет на стоянке, а когда я вышел из здания аэропорта, шустро понесся навстречу, распахнул дверцу, и едва я сел на правое сиденье, торо-

пливо развернулся, пока не обидели охранники, и понесся в город.

Звякнул сигнал вызова, я кивнул, на лобовом стекле, превратившемся в экран, появилось довольное лицо Бориса.

— О, ты в машине?.. — заорал он. — Клево!.. Заезжай к нам, оторвешься!.. У меня тут пара новых подружек, повеселимся!

— Ага, — сказал я, — выпьем и повяжемся, это мне знакомо, а насчет веселья я не понял...

Он расхохотался.

— Так это и есть веселье, чудак!.. Что с тобой? Заболел? Ты какой-то смурной...

— Не знаю, — ответил я. — То ли заболел, то ли выздоравливаю.

Он захохотал громче, за его плечом возникло веселое девичье личико, довольно милое. Она всмотрелась, ахнула:

— Светка. Он прет на стронгхолде!

Другая девчушка возникла за другим плечом Бориса, радостно вспикнула:

— Ой, в самом деле!.. Я еще в стронгхолде не шалила!

— Тебе сколько, детка? — спросил я.

Она пропищала:

— Скоро уже тринадцать!

— Через двенадцать месяцев? — спросил я.

— Через десять!

Борис сказал настойчиво:

— Ты чего? Возрастной рейтинг отменили, забыл? А некоторым чем моложе, тем забавнее. Ты, как я помню, на старух никогда не западал!

— Борис, — сказал я, — знаешь, давай я тебе позволю, когда освобожусь. Я на работе, понял? Если в рабочее время буду отрываться, меня уволят.

Он сказал напряженным голосом:

— Но тогда не забудь, что завтра у нас...

Я кивнул ему, прощаясь, и отрубил связь. Блин, сейчас даже не верится, что совсем недавно мне такое нравилось. Да чего врать, и сейчас нравится, только какое-то странное ощущение, что хоть и нравится, но все же должен делать что-то другое.

Да, другое, даже если это другое мне ну совсем не нравится.

В моем уютном коттеджике, что на территории обнесенного крепкой стеной поселка, я чувствовал всегда, что мир вроде стоячей воды, именуемой болотом. Нигде ничего не происходит, но на самом деле это же Аня по моему приказу отсекает все ненужное, в том числе и новости о событиях в мире, оставляя только девяносто главных спортивных каналов, вовремя переключая с одних важных соревнований на еще более важные.

Но за последнюю неделю убедился, что не все как бы так, а сегодня и вообще не просто поглазел в иллюминатор самолета, но посмотрел с малой высоты, когда шли на посадку, и в некогда блестящем и глянцевом Париже отчетливо видел сожженные дома, разрушенные заводы, рухнувшие ленты высотных автострад...

И все это есть на самом деле, хотя на экране моего телевизора не появляется. Но я, похоже, чуточку вышел за экран.

Стронгхолд высветил на экране маршрут до моего домика, я покачал головой.

— Сменить. Маршрут на службу.

Красная изломанная линия моментально пошла левее, искусно лавируя между блоками домов, я откинулся на спинку сиденья, что послушно подалась назад, превращая сиденье в подобие постели.

Из двери вышел рослый элегантный мужчина в костюме от Гуччи, прямо Джеймс Бонд, только помощнее и массивнее, остановился на крыльце, глядя, как мой стронгхолд красиво подлетает к ступенькам.

Я вышел, автомобиль послушно потащился на стоянку, а Лощиц сошел вниз и крепко обнял ладонями за плечи, держа меня на вытянутых руках.

— Спасибо!

— Мой долг, — ответил я скромно и добавил: — Всякий бы поступил так на моем месте.

Он усмехнулся.

— Молодец. Чувство юмора в нашем деле — как еще одна обойма в пистолете. Пойдем.

Мы вошли в холл, обе девушки, что рецепционистка и ресепшеонистка, проводили нас круглыми глазами. Двери лифта захлопнулись за нашими спинами, я чувствовал стремительное ускорение, словно во взлетающей ракете, через пару минут распахнулись прямо перед кабинетом, что значит, лифт достаточно современный, несмотря на старинный дизайн, может двигаться не только вверх, но и в стороны.

Лощиц сказал бодро:

— При случае взгляни на свой счет. Мы не скупимся! Уже все переведено... А сейчас пойдем, расскажешь.

Я сказал скромно:

— Вам же все известно.

— Только в общем, — ответил он, — а ты расскажешь подробнее.

В его кабинете тихо и чинно, он указал мне на кресло, но сам от волнения пнул свое ногой с дороги, прошелся вдоль панорамного окна от пола до потолка.

— Я верил, — заявил он со сдавленным восторгом, — что у тебя получится! Сейчас время просто сумасшедшее, мир меняется стремительно, мы ничего не успева-

ем... хотя иногда успеваем слишком много. Даже страшновато! Но, с другой стороны... как затормозить и оглядеться, куда мчим, если конкуренты не хотят останавливаться?.. Вот ты — дитя нового мира. Я даже не пытаюсь понять, что твоя удачливость означает: новый уровень в нашем развитии... или что-то вовсе непонятное? Я практик, понимаешь?

Он умолк на мгновение, я сказал осторожно:

— Да, конечно.

Он наконец сел напротив меня, сказал раздельно, глядя мне в лицо:

— Я выполняю приказы, хотя здесь многим кажется, что я их только раздаю. Да, раздаю, но раздают и мне. Иногда попадешь под такую раздачу, что мало не кажется... В общем, езжай домой, отдыхай, наслаждайся... чем ты там, не знаю. Может быть, бензопилой людей режешь...

— Только противников гуманизма, — заверил я.

— А-а, — сказал он понимающе, — тех можно. Еще на кол хорошо сажать. Такие смешные там!.. Ладно, будем на связи. Мне почему-то кажется, ты нам понадобишься раньше, чем мы тебе.

Я видел, что он сейчас поднимется и протянет руку, но он вдруг хлопнул себя по лбу.

— Ах да, совсем забыл!.. Наши юристы сейчас оформляют для тебя право на ношение оружия.

— Ух ты, — сказал я невольно, — всегда мечтал иметь хотя бы пистолет...

Он самодовольно улыбнулся.

— Владеют многие, но выносить из дому нельзя. А дома должен храниться в сейфе, прикрепленном к бетонной стене во-о-от такими болтами, чтобы не отодрать без спецтехники, а ключ хранится в другом сейфе, дабы дети не добрались.

— Ого, — сказал я. — Не знал...

— А у тебя отныне право ношения, — пояснил он победно. — Это уровень доступа выше. Наши юристы докажут, что посыльный твоего уровня... его сейчас повышают... имеет право на скрытое ношение оружия. Как будет свободное время, зайди в юридический отдел.

— Я уже свободен!

Он улыбнулся шире.

— Ну тогда можешь сейчас. В крайнем случае подождешь пару минут в коридоре. Ты же человек скромный.

— Еще какой, — подтвердил я. — А с пистолетом стану еще скромнее!

Он поднялся и протянул руку. Я пожал его плотную, словно вырезанную из дерева ладонь. Наши взгляды встретились, я сам ощутил, что мои пальцы тоже как из дерева, только не из сосны, как у него, а из дуба или ясеня.

Он проводил меня до двери.

— Ни во что не влезай, — шепнул он, — никому не верь и не раскрывайся.

Через десять минут я вышел из юридического отдела, получив строку в личном деле, что имею право на огнестрельное оружие с правом скрытого ношения.

Девушки за стойкой снова уставились на меня круглыми глазами, а та, что ресепшеонистка, сказала льстиво:

— Поздравляю!

Я бросил в ее сторону изумленный взгляд.

— С чем?

— С повышением, — поворковала она так, что я сразу увидел ее обнаженной, даже вообще голой, послушной и очень старающейся.

Я отмахнулся.

— Увы, никакого повышения. Но оклад, правда, подняли.

И прошел мимо, пока обе не заинтересовались еще больше. Повышение оклада для женского уха звучит еще весомее простого повышения в должности.

Автомобиль ринулся ко мне, как верный пес, чуть было от усердия не покарабкался по ступенькам, а то спускаюсь слишком медленно.

Я сел на правое сиденье и сказал солидным голосом:

— В оружейный!

Руль переспросил дружески:

— Магазин?

— А куда еще? — ответил я недовольно. — Пора уже мысли читать! Или хотя бы интонации... Проапгрейдись!

— Хорошо, — сказал он послушно и через мгновение добавил: — Уже проверил, новых апгрейдов пока нет.

— Как все медленно, — вздохнул я. — Какой мир сонный, прогресс ползет, а не скачет...

Оружейный отыскался в этом же районе, я вошел с деловым видом, словно каждый день покупаю не то что пистолеты, но и базуки, в помещении пусто, только за прилавком продавец рассматривает на витрине, что одновременно и экран, что-то неприлично веселое.

— День добрый, — сказал я, — а соблаговолите, сударь, показать новейшие пистолеты...

Он поднял голову, на лице отразилось недовольство, что отрывают от приятного развлечения.

— Посмотреть?.. За этим обычно ходят в музей современного оружия. Это близко, всего два квартала.

— Я намерен купить, — ответил я.

Он вздохнул.

— Сейчас посмотрю.

Но взглянул на меня, на экран, потом снова на меня.

— Сожалею, вас нет в списке.

Я сказал оскорбленно:

— Как это нет?.. Раз в год обновляете базу?.. Я в списке всех американских наркокартелей, а у вас нет?

Он буркнул:

— У нас автоматическое обновление... Щас посмотрю...

Снова потыкал пальцем, как же это допотопно, медленно новые технологии входят в быт, ох как медленно, хмуро уставился в экран. Мне отсюда не видно, что там появилось, но, судя по его лицу, там высветился и мой портрет, и мои данные, которые не подделать, типа расположения костей и кровеносных сосудов.

— Быстро же вы успели, — буркнул он. — Разрешение выдано четырнадцать минут тому.

— Спешу делать мир лучше, — заверил я. — Нет, эти штуки не предлагать. Полицейские пистолеты полицейским, а у меня право на армейское... Покажите вон ту модификацию «Бурундука».

Он внимательно смотрел, как я быстро разобрал и собрал пистолет, проверяя каждую деталь.

— Не хотите проверить, как он бьет?.. Хотя он и «Бурундук», а отдача будто конь лягает. Мишень в соседней комнате.

Я отмахнулся.

— Эт лишнее. Что пистолет? Всем нам нужнее бумажка, верно? Кстати, эту штуку придется носить за поясом?

Он ответил так же нехотя:

— Если только в пирата играть...

— Или в Стеньку Разина, — согласился я.

Он повернулся, указал в проход между стеллажами.

— Вот там дальше можно высмотреть любую кобуру.

Магазин огромен, стенд с кобурами на другом конце, я шел медленно вдоль и рассматривал туповато, пытаясь сообразить, что же как бы лучше. Не вообще, а мне, такому красивому.

Конечно, самая востребованная вроде бы кобура — это для ношения внутри штанов, но хотя у меня нет мешающего такому ношению живота, но все-таки долго так не поносишь...

Гораздо лучше располагать за спиной, так чтобы рукоятью, точнее, рукояткой к левой руке. Это чтобы правой хватать сразу и вынимать, а не.

Если же расположить рукоятью к правой, то, чтобы выхватить пистолет, нужно вывернуть кисть правой руки, а потом еще засунуть между спиной и рукоятью.

Он наблюдал за мной и сказал уже почти доброжелательно:

— Если вы привыкли и не хотите переучиваться, у нас есть вариант кобуры для левшей.

— Я левша, — подтвердил я, — но переученный в детстве, так что я само совершенство. Оберукий.

— Какую предпочитаете? — спросил он. — Из кожи или нейлона?.. В этом сезоне модны из серой замши, аристократический цвет!..

Я сказал с сожалением:

— Я тоже люблю старину. У меня от дедушкиной коллекции есть даже кремниевый пистолет!.. Смотрю вот и все хочется приобрести! Ну, вы знаете это чисто мужское чувство. Как вот смотришь на созданные лучшими оружейниками прекрасные длинные кинжалы, что горцы носят на поясах, как элемент национальной одежды...

Он кивнул, лицо стало умильным, а глаза мечтательными.

— Да, это так прекрасно...

— Вот-вот, — подтвердил я со вздохом. — Но у этих горцев есть еще и маленькие такие невзрачные ножики. Ими режут хлеб, мясо, овощи... Так вот и пистолет мне нужен такой же. И кобура.

Его лицо стало серьезнее, а взгляд из мечтательно-восторженного перетек в уважительный.

— Понимаю. Для ежедневного употребления.

— Не обязательно, — сказал я великодушно. — Некоторые дни, возможно, пройдут без употребления.

Он чуть улыбнулся.

— Да, конечно. Хотя сейчас такая жизнь, ничего нельзя гарантировать. Вот последняя модель...

— Уважуха, — сказал я.

Последняя модификация кобуры выглядит совсем невзрачно, даже не кобура, а так, пара металлических петель, куда лихо вбрасываешь пистолет, а при выдергивании эти петли сами снимают с предохранителя, сберегая драгоценные доли секунды.

Я проверил, вкладывая, не глядя, в кобуру и снова выдергивая. Как мне показалось, продавец оценил скорость, во всяком случае, сказал уважительным тоном:

— Нажимаете на скобу очень быстро, это важно. Осталось только попадать в цель?

Я ухмыльнулся.

— Не стану вам дырывать мишени.

— Это входит в стоимость, — уточнил он.

— Будем считать, — заявил я, — что купил только для красоты. Мужчина без оружия — что стриженный пудель, ха-ха!

Глава 15

Он проводил меня до двери, поглядывая, не торчит ли у меня рукоять из-под рубашки, а я вышел на улицу, чувствуя, что стал ростом повыше и плечи вроде бы раздвинулись еще на пару дюймов.

И вообще я с пистолетом красивее, умнее и, наверное, даже петь могу.

Однако домой, чуточку протрезвев от такой эйфории, я ехал малость встревоженный. Хотя пистолет и повышает чувство достоинства и понижает артериальное давление, но чувствую, как в самом деле вхожу в опасный мир, который, кто бы подумал, располагается на той же территории, что и мой, спокойный и мирный.

Как будто два разных измерения, а кто живет в моем прежнем, совершенно не видит того, что творится в этом, где как раз и совершается все то, что меняет и тот мирок диванных стратегов, и вообще все-все.

Раньше я пользовался пистолетом тайком, никто этого от меня не ждал, а теперь вот знают, я уже во всех базах. Как здесь, так и в далеких вроде бы Афганистане или Кувейте.

И жизнь моя станет еще опаснее.

Переступив порог своего уютного домика, сразу подхватил вопящего от счастья Яшку, огляделся. Мой роскошный диван вытянулся перед телевизором во всю стену, что уже не стена, а телестена, как и соседняя, красота, даже красотища.

Спохватился, щелкнул кончиком пальца по циферблату часов на запястье.

— Счет в банке, — велел я. — На эту минуту!

Две секунды длилась проверка, тот ли я, кто имеет право заглядывать, затем высветились скупые строки

дебета-кредита, итого, а у меня дыхание приостановилась, посмотрел еще раз, не поверив глазам.

Ничего себе здесь платят, и все без криминала, могу показывать друзьям, пусть ахают.

— Аня, — сказал я, — есть новости. Для тебя.

Она мгновенно появилась на экране, веселая и готовая на любые услуги, посмотрела лукаво.

— Милый?

— Можешь заказать себе модель во плоти, — сообщил я. — Вообще-то я против всяких анероидов в доме... тьфу, андроидов, но ты — другое дело. Постарайся не истратить всю сумму, хотя...

Она спросила с интересом:

— Что, милый?

Я отмахнулся.

— Да так, почудилось. Но, думаю, я еще заработаю. В общем, сделай такую же красотку, какая ты на экране.

Она сказала счастливо:

— Ой, тогда и покувыркаемся в постели?

— Обязательно, — пообещал я. — Выполняй. Кстати, покорми Яшку, что-то худой какой-то.

Она послала мне воздушный поцелуй в стиле Мэрилин Монро, в моду снова входит это сдвигательное движение с ладони, улыбнулась, и экран погас. Хотя, конечно, может без труда делать одновременно десяток, если не сотню, дел, но это потому, что нужно выполнять такое задание, пока я не передумал.

Едва вышел на кухню, намереваясь пошарить в холодильнике, раздался звонок, я на автомате сказал «можно».

На всю стену возникло лицо Мариэтты, чуточку недостает пикселизации, пора сменить часы на более продвинутую модель, а она, всмотревшись в меня, сказала с отвращением:

— Какой-то ты весь нерезкий...

— Я мягкий, — подтвердил я, — интеллигентный и коллаборационирующий... во слово откопал! Упасть, не встать.

— Ладно, — сказала она, — знаю, специально половину пикселей убрал, чтобы свою темную суть спрятать. Хоть помнишь, что ты еще под подозрением?

— Не слышал насчет подписки о невыезде...

— Скоро будет, — пообещала она. — Мы над этим работаем. Но пока ты на свободе, но под нашим наблюдением!

— Ага, — сказал я, — ну да... Так бы и сказала, что жаждешь приехать. Прямо рвешься с поводка, землю гребешь лапами.

Она возразила с возмущением:

— Я такое не говорила!

— А между строк? — спросил я. — Ладно, приезжай, но при условии... Да-да, чесать меня будешь долго и старательно. И одеяло не стягивать!

— Свинья ты, — заявила она. — У меня еще час дежурства, а потом изволю. По твоей настойчивой просьбе.

— Снизойди, — сказал я, — снизойди.

— Я сегодня добрая, — сообщила она, — Не знаю с чего.

— Съела что-то, — сказал я озабоченно. — Но ничего, у тебя это ненадолго. Озвереешь быстро, я тебя знаю.

— Еще бы, — согласилась она, — с тобой да не озвереть!

И сразу вырубилась связь, чтобы я не успел вякнуть. Для женщины оставить за собой последнее слово — это одержать победу, и неважно, какую хрень порола.

Вообще-то могла бы приехать и без предупреждения, но у меня в постели могла к тому времени ока-

заться другая с вот такими, и хотя теперь это не проблема, но Мариэтта не из тех, кто потерпит другую женщину.

Положив пистолет и кобуру на стол, полюбовался, потом разобрал на части и долго щупал каждую, вникал, ощущал, мы же из одних и тех же атомов, но я вот атомами своей руки, к примеру, команду еще как, могу в зубы дать, могу фигу показать, потому и этими пистолетными атомами должен, между нами совершенно нет никакой стены, потому что между мной и частями этого пистолета только воздух, а он из таких же точно атомов...

На мгновение стало страшновато, вообще воображать такое слишком отчетливо не рекомендую, а то и сам могу рассыпаться на атомы, но на столе разом стало чисто, а потом пистолет возник уже в собранном виде.

Я с великим облегчением перевел дыхание. Что-то я слишком далеко забрался, надо поумерить прыть, а то вскочу в такое, что уже не смогу вернуться.

С кобурой получилось куда проще: всего два соединенных между собой полукольца, создал сразу, рассыпал на атомы и снова собрал, а с третьей попытки уже собрал прямо на поясе, где она и должна быть. Хотя, конечно, могу и под мышкой, но там пока нет ремня.

От пункта охраны пришел сигнал, ко мне движется гость, я увидел на экране фото Мариэтты, сделанное через лобовое стекло, покрутил головой по комнате, но вроде бы прятать ничего не нужно.

Через минуту вдаль показалось такси, я вышел на крыльцо, такси быстро развернулось у ворот, высадив Мариэтту, и умчалось.

Я заорал с издевкой:

— А почему не на полицейской?.. Да еще без мигалки?.. Выгнали?

Она прошла через калитку, фыркнула.

— Тебе надо, чтобы соседи видели, как к тебе повадилась полиция? А твоя репутация?

— Сразу вырастет, — заверил я.

— С чего бы?

— И сам почувствую себя таким опасным, — пояснил я, — и соседи будут кланяться, а то и вовсе обходить стороной. Слава бандита — лучшая слава в наше демократичное время!.. Каждый бандит — потенциальный олигарх.

— Уже нет, — отрезала она злорадно. — Каждый олигарх в прошлом бандит, но время пиратов Морганов кончилось.

— Ну да, теперь Морган, — согласился я, — губернатор Ямайки... что есть будешь?

— Сперва приму душ, — сказала она, — а ты пока готовь.

Я сказал вслед:

— Думал, ты сама умеешь.

Она фыркнула:

— Размечтался!

И, войдя в дом, пошла в сторону душевой комнаты, демонстративно чисто по-мужски снимая и бросая по дороге на спинки стульев одежду, а в кабинке даже не закрыла за собой прозрачную дверцу.

Догадываясь, что после смены поесть не успела, я велел кухне приготовить обед в расчете на двух здоровых мужчин с хорошим аппетитом, и когда Мариэтта вышла, уже в прозрачных трусиках, на столе исходили ароматами на двух широких тарелках замысловатые блюда, где я узнал только ломти мяса, рыбы

и очищенные креветки, а остальное, надеюсь, тоже не для красоты.

— Ты не только любитель футбола, — сказала она поощряющее. — А где пиво?

— Я полагал, восхочешь шампанского...

— Не восхочу, — сообщила она и наколола вилкой самый большой ломоть мяса, даже не подумав разрезать. — Пива тоже не хочу, я же только спросила, а не послала тебя сбегать.

— Ага, — сказал я, — так бы и побежал!

— Не побежал бы?

— Нет!

— Странно, — произнесла она с набитым ртом, — а мне показалось... ты из тех... кто...

Не дождавшись, пока продыхнет, я поинтересовался ядовито:

— Кто бегает по шевелению твоих напистолетненных пальчиков?

Она проглотила с трудом, просипела:

— Кто выказывает женщине знаки уважения... хотя сейчас это и не приветствуется...

— Я выкажу, — пообещал я, — выкажу! Палкой по спине. Нет, сразу по голове.

Она некоторое время жевала молча, лицо на мгновение стало серьезным, словно сама поверила в то, что сказала, потом вздохнула и посмотрела на меня с прежним пренебрежением победившей нации.

— Мечтай-мечтай... Не понимаю, как ты вообще здесь живешь? Это же с тоски издохнуть можно!

Я спросил с обидой:

— Почему? Хороший домик. Вот еще огурцы посажу и капусту по всему участку, вообще заживу, как удельный король.

Она сказала насмешливо:

— К тебе сюда даже женщины совсем не заглядывают!

— А ты откуда знаешь?

— Знаю, — сказала она победно. — Я все о тебе знаю. Потому не разобралась еще, куда трупы подевал!.. А женщин у тебя здесь не бывает.

— Ну да, — согласился я, — ты же не женщина, а власть. Правда, власть тоже женского рода, что значит, ее как бы можно...

— Но-но!.. Власть нельзя!

— Но это звучит так революционно, — сообщил я, — возбuditельно, карбонарски и кармелюкски. А еще мне ндравится в твоём обвинении слово «даже». Даже женщины, надо же, как низко пал...

Она сказала сердито:

— Не передергивай.

— Ты права, — сказал я мирно, — мне достаточно Ани Межелайтис. А то, что эта модель у всех мужчин и все они обмениваются информацией... это же здорово. Значит, у нее огромный опыт и понимание, когда что можно, когда что нужно, а от чего стоит воздержаться. Тебе такое и не снилось!

Она фыркнула.

— Мне это зачем? Твоя резиновая кукла не будет править миром, а мы, женщины, уже правим. И мир сразу стал стабильнее и спокойнее. За исключением некоторых участков... А если бы правили мужчины, уже везде бы гремели войны! А то и вовсе одна, но всеобщая.

Я начал было возражать, но она натужилась и громко пукнула, даже не пукнула, а мощно перднула, заглушив мой голос.

Я сказал с одобрением:

— Прекрасный выхлоп! Вот даже салфетки разлетелись.

Она сказала наставительно:

— Завидовать нехорошо! У нас департамент следит за здоровьем сотрудников. Так что я всегда начеку, и ты от меня не скроешься. Ни в какой мышиной норке!

Яшка вбежал в комнату, бодро стуча по паркету коготками, остановился и внимательно посмотрел на меня, на Мариэтту.

— В поцелуе рук ли, — сказал я, — губ ли, в дрожи тела близких мне красный цвет моих республик тоже должен пламенеть...

Она спросила настороженно:

— Это ты к чему?

— Любишь меня, — пояснил я, — люби и мою собаку. В смысле, моего Яшку.

Она поморщилась.

— Ты при чем? Яшку я люблю, он славный. И умный, не то что ты. Правда, Яшенька?

Ящеренок, прислушиваясь к ее голосу, бодро покарабкался по ее ноге, но не взобрался на плечо, как устраивается у меня, а свернулся клубочком на ее коленях.

— Предатель, — сказал я с отвращением. — Как можно человека менять на женщину?.. Ладно, ты еще маленький, не понимаешь.

— Он сердцем чувствует, — сказала она. — У нас сердца чуткие, правда, Яшенька?.. Ты сегодня ночуешь дома?

— А куда он денется, — ответил я.

Она насупилась.

— Вообще-то вопрос был к тебе. Но если твоя ма-сонская ложа запрещает тебе отвечать власти...

— Ты после дежурства, — напомнил я, — так что уже не власть. И если ты меня изнасилуешь, я могу подать жалобу.

— Я еще в форме полицейского, — сказала она. — Да, это тоже форма! На особые случаи.

— Тогда половину жалобы, — отрезал я.

Она вздохнула.

— Ладно, убедил.

Ссадив Яшку на кресло, она зевнула и потянулась, в ее прозрачных трусиках это выглядит просто здорово, посмотрела на меня победно.

— Ну что, подеремся?

— Признаю поражение, — ответил я. — Не по очкам, а сразу нокаутом. Но победитель должен быть милосердным...

— Это мужские правила, на женщин не распространяются, — отрезала она кровожадно. — У нас свои правила. Ты мне все расскажешь, во всем признаешься! Даже как пирамиду Хеопса разрушил!..

— Пирамида Хеопса все еще цела, — ответил я пугливо, но уже с сомнением.

— А какие разрушил? Ограбил?.. Убил, изнасиловал?..

Я ответил со вздохом.

— Сдаюсь. Давай еще по чашке кофе, а потом я тебе в постели под пытками признаюсь.

Звякнул сигнал вызова, на телестене появилась сияющая Аня, проворковала счастливым голосом:

— Заказ прибыл!.. Спрашивают, куда везти, в дом или в беседку?

— В дом, — велел я.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1

Ворота отъехали в сторону, во двор вкатил не-
большой грузовой автомобиль. Двое парней
моментально распахнули задние дверцы, с на-
тугой вытащили массивный ящик, похожий на
празднично украшенный гроб.

Я вышел на крыльцо, Мариэтта, не удосужившись
одеться, пошла следом, однако парни внимания не
очень-то обратили, сейчас все женщины лепят фигуры
по одному стандарту, так что увидел одну — увидел и
всех остальных.

Один сказал мне:

— Вы хозяин?.. Распишитесь. Да-да, здесь прило-
жите палец и вот здесь... Спасибо! Все, можете заби-
рать.

Он щелкнул пальцами, дверка гроба распахнулась,
оттуда вышла сияющая новенькой плотью Аня Меже-
лайтис, уставилась в меня счастливыми глазами.

— Дорогой, — проговорила она тоненьким голо-
ском, — как я счастлива...

Я спросил в недоумении:

— Теперь такая заводская сборка?

Она ответила щебечущим голоском:

— Да, милый. Но я из нашего с тобой домика свя-
залась с этим телом и закачала на базовую основу всю
свою личность. И кое-что в нем поправила, сообра-

зуюсь с твоим вкусом. Мне так нравится тебе угождать и делать приятное... Пока меня везли, разобралась, что где в доме. Кое-что изменила, передвинула мебель...

Я охнул, у всех женщин самое неистребимое хобби, болезнь и мания — хотя бы раз в месяц двигать по комнатам мебель, а эта начала сразу, еще даже в дом не въехала!

— Я этим манипуляторам лапы переломаю, — пообещал я. — А мебель прибью к полу вот такими гвоздями. Здесь я хозяин, доминант и альфа-самец.

Она посмотрела на меня округлившимися глазами.

— Милый, а ты изменился...

Из-за моей спины раздался злой голос:

— Это точно.

Позеленевшая от ярости Мариэтта медленно спустилась по ступенькам, напоминая величественными движениями не то царицу Клеопатру, не то кого-то еще знакомого.

Остановившись перед замершей в испуге Аней, она потребовала:

— И что эта кукла умеет лучше, чем я?

Я хотел напомнить, что эта кукла не спорит и не арестовывает меня, но уже стал дипломатом после посольства в Уламрию, сказал уклончиво:

— Но она всегда в доме, а ты где-то на службе.

— И тебе не надоест, — спросила Мариэтта, — что она всегда в доме?

Аня посмотрела на меня, на нее и ответила тем же милым голоском:

— Я могу лечь в ящик, закрыться, словно меня нет, и ждать, когда позовут. А ты?

Мариэтта молча повернулась и пошла в дом. Аня улыбнулась мне.

— Милый?

— Ляг в ящик, — велел я, — закройся и вообще жди там, пока позову.

— Хорошо, — ответила она послушно. — А где поставить ящик? Можно в гостиной рядом с телевизором?

— Нет, — отрезал я. — В кладовке!

— Хорошо, — повторила она. — Ты только не волнуйся, милый. У тебя давление подскочило, а сердцебиение участилось на шесть ударов...

— Выполняй, — рыкнул я и пошел в дом.

Мариэтта стоит перед плитой и кинектит насчет будущего ужина, все еще в одних трусиках, но чувствую, что уже готова одеться и уйти или хотя бы только одеться, а это тоже не гуд.

— И что, — спросила она, не поворачиваясь, — она ляжет с нами?

— А что это изменит? — спросил я.

Она отрезала:

— Изменит! Все изменит.

— Хорошо, — ответил я и сказал со вздохом: — Она поспит в своем ящике. Как Дракула в гробу.

— Испробуешь, — спросила она ядовито, — утром, когда уеду на работу?

— Если будет время, — согласился я. — Хотя вообще-то у меня отпуск.

— Скотина, — сказала она.

— Да, — согласился я. — Признание в себе скотства — это путь истинного демократа к пониманию своей сути. И отправная точка на долгом пути совершенствования.

— У тебя это особенно долгий путь, — заявила она.

— Почему?

— Ты все еще на этой точке. Питекантропией.

Я вздохнул.

— Когда же доберусь хотя бы до неандертальца...

— Не скоро, — сообщила она. — Очень не скоро.
А насчет кроманьонца даже не думай.

На кухне шелкнуло, прозвучала мелодия, крышка плиты раздвинулась, снизу поднялся поднос с расточающим ароматы пирогом, двумя широкими тарелками с разной хренью, теперь еда совсем не похожа на еду, и двумя полулитровыми бокалами вина. Ума не приложу, как это все готовят одновременно, потому что пирог горячий, а вино холодное, но вообще-то приличные мужчины о кухне не говорят и способами приготовления не интересуются.

Мариэтта ловко вытащила, я хотел помочь, но сама перенесла к столу и красиво расставила, не забыв положить салфетки, которыми я вообще-то пользовался всего пару раз в жизни.

— Круто, — сказал я, — мне казалось, мы полчаса тому ели...

— Десерт не успели, — пояснила она.

— Это десерт?

— А что, по-твоему?

— Еда, — ответил я бесхитростно. — Но нет-нет, я поесть готов всегда! Спасибо!

— Это не все тебе, — предупредила она. — Есть я тоже умею. А теперь признавайся, где ты был весь день?

Я насторожился, вдруг спрашивает неспроста, но постарался ответить как можно безмятежнее:

— Уже и не помню... Вроде бы лежал на диване. Потом сидел в кресле-качалке.

— А потом?

— Потом начал раскачиваться.

Она спросила сердито:

— И так весь день?

— Счастливые часов не наблюдают, — напомнил я. — А с тобой я такой счастливый, такой счастливый...

— Тебя не было, — отрезала она. — Ты поехал в свою фирму, а потом... исчез!

Я охнул, пощупал себя.

— Вроде бы не совсем... и не весь... Фух, пока все на месте! Как ты меня пугаешь...

— Связь оборвалась, — пояснила она. — Твое местоположение не удалось определить даже со спутника, а у них там самая мощная аппаратура!

Я сказал с огорчением:

— Вот видишь, никому я не нужен. Даже аппаратура не желает меня искать.

— Кое-какая аппаратура, — сказала она язвительно, — дожидается тебя в ящике. На всякий случай держи при себе осиновый кол и большой молоток. Так где ты был, зараза?

— Ты как жена, — упрекнул я. — Где был, с кем пил, почему не позвал...

— Я полицейский работник, — отрезала она. — Детектив первого класса!.. А ты в сфере моей ответственности. Давай колись. Ну?

— Сперва доедим, — предложил я. — Хорошо?

— Ладно, — согласилась она, — но потом расколю до самой задницы.

Ей нравилось, когда я с последним выдохом брыкаюсь на спину, раскинув руки, и она тогда опускается рядом на боку, опустив голову щекой на мой бицепс. Ногу обычно сгибает в колене и забрасывает на меня, подчеркивая женскую доминантность, но мне нравится это ощущение и субдоминантом никак себя не чувствую.

Все как раз напротив, чувствую себя могучей отдыхающей гориллой, к которой прижалась попискивающая мартышка.

Она начала рассказывать, как сегодня дежурили у здания одного НИИ, там какое-то ЧП, но им ничего не сказали, набежали типы из секретных служб, все перекрыли. Только и удалось узнать, что какие-то программы в закрытых ящиках начали вести себя слишком... непредсказуемо.

Я пробормотал:

— Мариэтта, мы вошли в мир... нет, нас внесло в мир, где все меняется слишком уж стремительно!.. Мы не успеваем, не успеваем! А успевать надо. Иначе либо ИИ нас поработит, либо мы сами издохнем от футурошока.

Она пощекотала длинными ресницами кожу моей руки, поинтересовалась непонимающе:

— Ты о чем?

— Надо быть готовыми, — сказал я, — к невероятному. Наши любимые дедушки и бабушки не умеют пользоваться дополненной реальностью, многие не понимают байм, а кто-то даже компьютеров не признает и не хочет ими пользоваться... Если не будем готовы к неожиданностям, к невероятным открытиям... станем такими же, а наши дети будут смотреть на нас как на питекантропов, это такие троглодиты...

Она сказала трезво:

— Я поняла только, с тобой что-то случилось за ночь. Может быть, ты даже и день не пролежал на диване? Нужно проверить тебя на анализаторе...

— Не пролежал, — признался я. — Трижды... нет, четыре раза поднимался пошарить в холодильнике. Я слабый, мне есть надо часто. И много.

— Вижу, — буркнула она. — Вон пузо растет...

Я опасливо пощупал живот.

— Пузо? Где пузо?

— Будет, — обещала она злорадно. — Сам чуешь, забеспокоился. Я коленом чувствую.

— То не пузо, — возразил я слабо.

Она приподняла голову и настороженно посмотрела в дальний конец комнаты.

— Ты ее в самом деле отрубил? Хотя бы закрыл чем-то!

— Зачем? — спросил я. — Ах да... прости, я пока еще толстокожий, но понемногу линяю.

Она спросила требовательно:

— И что собираешься с нею делать?

Я подумал, ответил в затруднении:

— Если честно, то еще не знаю. Появилась возможность взять, это же дорогая штука, взял. Сперва взял, как все мы делаем, и потом буду думать зачем... Разве не так всегда? Мы же двигаем прогресс только потому, что он делает нас сильнее, а нужна нам сила или нет, никто себя не спрашивает.

Она наморщила нос.

— Как все мужчины!.. Ничего, к власти везде приходят женщины, мы этот ваш чертов прогресс остановим. Для безопасности. И вообще выживания.

— Не успеете, — сказал я почти с сочувствием.

— Почему?

— Он набрал такой разгон, — сообщил я ей потрясающую новость, — что даже по инерции нас внесет в сингулярность, где уже не будет ни мужчин, ни женщин. Вот тогда прогресс и остановится... в том виде, в каком его понимаем мы, самцы.

Она смотрела исподлобья и почти враждебно.

— Судя по твоей морде, что-то начнется другое?

Я кивнул.

— Да. Но никто пока и предположить не может, что это будет. Потому разрешаю тебе меня чесать, пока у нас тела еще животных, и есть места, что чешутся...

Она поморщилась.

— Свинья. Не стану. Ты меня обидел.

— Обиды тоже уберем, — сказал я великодушно. — Когда начнем программировать свои эмоции. Обещают этого достичь уже через два года. Тогда я у тебя все повытираю: капризы, обиды, хитрости, обман, жадность...

Она сказала с возмущением:

— Еще и жадность? Где ты ее у меня увидел?

— Это я на всякий случай, — сообщил я. — Даже графу ту сотру вместе с ползунком.

Она фыркнула.

— Так я и пушу тебя к себе с твоими противными лапами!.. Это я скорее повытираю у тебя все лишнее, я — власть!

— А что у меня лишнее?

— Все! — отрезала она кровожадно. — Сперва все повытираю, понаслаждаюсь, подумаю... а потом, может быть, что-то и верну. Что-то добавлю.

— Например?

— Страстное желание чесать мне спину, — сообщила она. — И, конечно, заставлю отнести эту куклу в погреб.

— У меня нет погреба, — сообщил я.

— Выроешь, — успокоила она. — Мы — власть, а вы угнетенные, что расплачиваются за сто тысяч лет угнетательства. А ты точно ее отключил?..

— Точно, — сообщил я.

— Тогда я сама ее закрою чем-нибудь, — сказала она нервно. — Не могу, когда смотрят.

— На тебя и Яшка смотрит, — напомнил я. — И на голую. А он, кстати, мальчик. У него из-за тебя пубер-

татный период может наступить раньше времени, а это вредно для умственного развития. Я хочу, чтобы он был интеллектуалом, а не гопником.

Она наклонилась и поскребла ногтем дремлющего на ее ноге Яшку за ухом.

— Яшке на меня смотреть можно. А ей нельзя!.. Хотя она и неживая. Ты хоть понимаешь, что сделал опасный шаг?

Я помотал головой.

— За футболом как-то и не заметил.

— Мужчины отказываются от женщин, — сообщила она. — Начали отказываться еще раньше, асексуалы всякие, а когда появились вот такие... то и вообще.

— И что? — спросил я. — Женщины стали отказываться от мужчин еще раньше. Когда появились всякие штуки, сперва простые, потом с батарейками...

— Женщинам можно, — отпарировала она. — Мы всегда были угнетаемой расой!.. Домашними неграми. А вам нельзя! Вы все еще отвечаете за весь вид.

— Не вижу проблемы, — отрезал я. — Уже везде устанавливаются artificial womby, в прошлом году родились первые триста тысяч младенцев, а в этом ожидается тридцать миллионов!.. Так что ни вы в нас не нуждаетесь, ни мы в вас!

Она умолкла, вяло подвигалась, устраиваясь поудобнее, как обезьянка на дереве, лицо мрачнело на глазах. Я помалкивал, в самом деле сказал что-то недоброе, хотя это правда, но какая-то нехорошая правда, однако прогресс не бывает хорошим или нехорошим, он просто прогресс. Это от меня зависело, когда я питекантропом взял впервые камень в руку: разбить им орех с толстой кожурой или стукнуть соседа по голове.

Правда, как существо, стремящееся стать царем природы, я сделал то и другое.

— Мужчины и женщины разойдутся еще больше, — проронила она. — В смысле, дальше друг от друга. Это нехорошо.

— Меньше точек соприкосновения, — сказал я, — меньше конфликтов. Толерантность на марше!.. Каждый сам по себе, никто ни к кому не лезет с претензиями.

Она спросила нерешительно и как-то потерянно:

— Это... хорошо? Должно быть хорошо, я же представляю закон и порядок...

— Это нехорошо, — сказал я, — но правильно. Закон и порядок — когда все правильно? Правда, при такой правильности скучно и как-то мерзко даже...

— Вот-вот!

— Но это мелкий камешек, — заверил я, — на пути прогресса. Он... эмоциональный, что ли. Значит, принимать его во внимание не стоит.

Она снова покосилась в сторону кладовки, где осталась Аня, выключенная и как бы несуществующая, но с открытыми глазами.

— И все-таки это плохо, — сказала она тихо. — Появление вот этих... развело мужчин и женщин в разные стороны еще больше. Понятно же, что мужчины с их животными и примитивными требованиями предпочтут этих вот... Как ты удержался до сих пор, не представляю.

— Денег не было, — ответил я с полной откровенностью. — Пока что эти штуки дорогие. А приобрел я во все не для секса, как ты думаешь, у меня с фантазией пока что в порядке, а чтобы вот такое ходило по дому, щебетало, чирикало, пищало какие-то глупости...

Она наблюдала за мной исподлобья.

— Ну да, понятно. Женщина тоже все это может делать, но будет щебетать не то, не тогда... так?

Я кивнул.

— А что? Каждый стремится сделать свою жизнь максимально комфортной. Весь мир всегда старался сделать жизнь как можно более легкой и приятной... а в последние два-три десятка лет это стало возможным!

— Неожиданно, — произнесла она мрачно и, видя мой непонимающий взгляд, пояснила: — Неожиданно стала такой. Легкой!.. А это хорошо?

— А ты как думаешь?

— Вроде бы хорошо, — ответила она после секундной заминки. — Мне нравится... Но мне и лежать на диване нравится! Однако встаю и топаю на службу, потому что мир рухнет, если мы все останемся на диванах!

— Ну вот и вставай, — согласился я. — А я полежу. Вволю. И кофе с пирожным мне прямо в постель. Вот такая я свинья, демократ и общечеловек. И ничего со мной не сделаешь, это мое право, заработанное в жесткой борьбе питекантропов за доминирование.

— Так это питекантропы заработали!

— А я их наследник, — напомнил я с достоинством. — И вообще я еще сам тот еще питекантроп...

Она сразу насторожилась, глаза заблестели хищно.

— Ну-ну, что еще напитекантропил?.. А трупы где?.. Где трупы, спрашиваю?

Тихохонько, словно понимая, что мешает и заранее извиняясь, звякнул мобильник в часах на ее запястье. Она недовольно поморщилась, поднесла их к уху.

Я ждал, она некоторое время слушала, глаза становились все шире, наконец вскрикнула:

— Что?.. не может быть!.. Сбрось мне на мобильник!

— Чего? — спросил я.

Она отмахнулась.

— Это не тебе...

Глава 2

Я насторожился, а она направила циферблатом на мою телестену, несколько мгновений шла синхронизация, потом проступило дерганое и перекошенное изображение далекой земли, снятое с огромной высоты, быстро приблизилось, я с холодком узнал знакомую местность, усеянную подбитыми танками и бронетранспортерами, а между ними бегут две фигурки: мужская и женская.

Прячась и пригибаясь, они наконец добежали до здания, там их ухватили за плечи и втащили вовнутрь. Еще несколько секунд на экране дергалось изображение поля боя, затем файл закончился, а Мариэтта повернулась в мою сторону, грозная и неумолимая.

— Что... это... было?

Я широко распахнул глаза.

— Хде?

— Вот там, — сказала она и указала на стену пальцем. — Это передача записана со спутника, что следит как бы за погодой. Что ты там делал?

Я охнул.

— Ты чего?.. Где ты меня узрела или даже узрчила?

Она покачала головой, не сводя с меня пронизывающего взгляда.

— Сравнение биометрики, — ответила она четко и обвиняющее. — В базе данных пяти миллиардов человек!.. Все параметры указывают на тебя!

— Ха, — ответил я. — всего пять миллиардов? А где остальные? База неполна.

— Остальные в африканских странах, — отрезала она, — охваченных войнами. И в арабских, где тоже

войны, потому не входят в базы. Да и не похож тот бегущий на негра!..

— Пока лица не видно, — сказал я безмятежно, — те данные не считаются полными.

Она вздохнула, плечи ее поникли, признавая, что прищучить меня не удалось, скользкий гад, даже под жабры не ухватить, спросила просительно:

— А что за женщину ты тащил? Вы с нею близки...

— Да ты чего, — начал я возмущенно и ощутил, что чуть не попался, хитрая она, знает некоторые приемчики следователей, — с че ты взяла?.. Я там не был, потому не знаю ни ту женщину, ни того хлопца!

Она сказала невинно:

— А пульс участился. И давление скакнуло. Здорово по вам били из крупнокалиберных?..

Я буркнул:

— Теперь только крупнокалиберные и остались, простые не пробивают нынешние броники. Но это я так, читал где-то. Вообще-то я овечка. Меня стригут, а я только мекаю. Вот и ты меня обижаешь, как хочешь, а я смирно терплю.

Она долго лежала молча, сопела в две дырочки, потом сказала хмуро:

— Свинья... почеши спинку.

— Сперва ты, — ответил я, — но не спинку.

— Ладно, только недолго, — буркнула она. — А мне за это долго.

— Хорошо, — сказал я. — Только ногти все забываю постричь... Как у дракона уже. Это ничего?

— Свинья, — повторила она. — Я могу арестовать за сопротивление полиции.

— Это не сопротивление, — пояснил я, — а увиливание. Совсем другая статья.

— Могу переквалифицировать, — сказала она кровожадно. — Ньюансы имеют значение!.. Увиливание — это уклонение от надлежащего исполнения своего гражданского долга, что чревато серьезными неприятностями...

Я сказал устрaшенно:

— Убедила. Давай свою противную спину. Она у тебя где заканчивается, у поясницы?

— С чего это вдруг? — спросила она оскорбленно. — Ты что, плохо женскую анатомию учил в школе? Под лестницей на школьных переменах?

— У меня память плохая, — сказал я, оправдываясь. — Мне такие уроки повторять и повторять... Возьмешься восполнить мои пробелы?

— Если найду бейсбольную биту, — ответила она.

— Сдаюсь, — ответил я устрaшенно. — Так где твоя... э-э... спинка?

Во сне она дивно хороша. И не только когда спит ко мне жопой, а зубами к стенке, а и вот так, когда мордочка ко мне, даже на моей руке, это чтоб я не убежал, понимаю.

Звонок раздался резкий, неприятный, такие могут быть только у полицейских. Она вздрогнула, но не завозилась сонно, как я ожидал, а поднялась как сомнамбула и сразу опустила ноги с кровати.

Я ухватил ее за плечи и положил рядом, спит же еще, даже глаза не приоткрыла, однако резкий звонок прозвучал снова. Я запоздало понял, что отвратительный треск идет не от ее одежды, а со стороны пола, перелез через ее теплое мягкое тело, наступил на коврик, тот сразу же послушно умолк.

Ненавижу эти чересчур умные гаджеты, а также тех умников, кто напихивает их везде, куда надо и не надо. Большинство из них мы не используем вовсе, но Ма-

риэтта, зная свои слабости насчет поспать, установила там таймер, и пока на коврик не станешь обеими ногами, он будет орать и беситься.

Она прошептала, не открывая глаз:

— Спасибо... но мне все равно пора.

— Да поспи, — сказал я дежурное, хотя и понимаю, что говорю ничего не значащую любезность, — еще рано...

Она распахнула глаза, уже ясные, хоть и заспанные, посмотрела по сторонам.

— Это я у тебя сплю? Надо же... Клялась, что больше в твою постель ни ногой, ни жопой... Нет-нет, не удерживай, я встаю.

Я поинтересовался:

— Вызвать такси?.. Пока доберется, успеем позавтракать.

Она покачала головой.

— Нет, лучше вызову свою. Через полчаса моя смена.

— А-а, — сказал я, — все-таки с мигалкой?

— Без мигалки, — отпарировала она, — но авто полицейское, а ты как думал?

— А потом включишь?

— Если будет вызов, — сказала она недовольно. — Ты не хрюкай под ухом, иди завтрак готовь!.. Я с утра всегда есть хочу. Особенно после такой ночи.

— Ну вот, — ответил я, — а ты еще спрашиваешь, почему я Аню облек в плоть...

Она пихнула меня ногой в спину так, что я почти вылетел через дверной проем спальни. Думаю, Аня Межелайтис так грубо не поступила бы.

Когда торопливо допивала горячий кофе, фыркая и обжигаясь, звякнул ее смартфон. Мариэтта шевельнула бровью, тут же раздался далекий голос сержанта:

— Мариэтта, мертвяк в доме напротив нашего участка!.. Дуй прямо туда, я сейчас штаны отыщу и тоже буду там.

Она буркнула:

— Даже если не отыщешь, будь там немедленно! И проследи, чтобы ничего не затоптали всякие там... ты их знаешь.

В ответ донеслось что-то типа «знаю, сделаю», и связь оборвалась. Я смотрел, как поставила пустую чашку и вскочила, уже быстрая и собранная, ринулась было к двери, но вдруг остановилась и оглянулась с нехорошим блеском в глазах.

— А ты чего сидишь?.. Рассиделся тут!..

— И чё? — спросил я.

— Ты еще на подозрении, — заявила она, — а это почти подследственный. Марш в машину, по дороге я тебя подопрашиваю, а то как-то времени не было...

Я ухмыльнулся, вышел за ней, на ходу соображая насчет пистолета, брать не брать, все равно когда-то придется открыться. Решил взять, хотя без этой тяжести удобнее.

Со стороны въезда в поселок в нашу сторону уже мчится полицейский автомобиль. Не доезжая до ворот моего участка, сбросил скорость, развернулся и распахнул обе дверцы передних сидений.

Мариэтта прыгнула за руль, я сел рядом, погладил по панели навигатора.

— Молодец... Запомнил дорогу...

— Пристегнись, — велела Мариэтта.

Автомобиль ринулся сразу на приличной скорости, хотя и не на пределе, полицейским разрешено нарушать скоростной режим, нет в мире справедливости, а еще говорят о равноправии и демократических ценностях...

Когда выметнулись на Симферопольскую трассу, Мариэтта буркнула:

— Сигнал. Средний.

Я не знал, что такое средний, для меня завывание полицейской сирены всегда отвратительно, хотя мигалка даже нравится, это же возвышает, что все послушно уступили полосу, и мы пронеслись по шоссе до самого города так, что километровые столбы выглядели как плотно поставленные доски в заборе.

На улицах скорость пришлось сбросить, но все равно домчались до полицейского участка на приличной скорости, на другой стороне улицы уже припаркованы два автомобиля с такими же мигалками.

Из одного выскочила, пригибаясь, знакомая фигура с брюшком, пистолет уже в руке, метнулся к подъезду, но не успел ухватиться за дверную ручку, как подлетел и наш автомобиль.

Полицейский оглянулся, я узнал сержанта Синенко, он сразу повеселел и помахал нам с крыльца.

— Сюда-сюда!.. В этом подъезде!

Мариэтта выскочила, злая, как мангуст, спросила резко:

— Прямо в подъезде?

— Идите за мной, — ответил он. — Сам еще не знаю. Отключилась сигнализация, а это сигнал тревоги, а когда включилась через пять минут снова, на всех экранах комнаты уже труп на полу и в луже крови.

— А входящие в дом, — спросил она быстро, — выходящие, прогуливающиеся по улице вплоть до конца квартала?

— Еще не знаю, — признался Синенко. — Сам только что. Не успел войти, увидел твой автомобиль. Здравствуйте, Юджин.

— Привет, — ответил я. — Чего так уставился? А-а-а, понял! Нет, это не я убил, клянусь!

Он воззрился на Мариэтту.

— Точно? А то я таким не верю.

— Я за ним присматривала, — сообщила Мариэтта.

— Всю ночь?

— Всю, — подтвердила она неуверенно. — Правда, не привязывала...

— А надо было, — сказал он с суровостью в голосе. — Какой-то он весь... Ладно, не мое дело, пойдем быстрее. А за этим типом будем присматривать вдвоем. Чуть что — стреляй на поражение.

Полицейские встретили нас в холле, еще двое на лестнице, а на втором этаже так вообще четверо в коридоре бурно беседуют так, словно обсуждают позавчерашний матч между «Селтиком» и «Динамо».

Один сказал Мариэтте шепотом:

— Капитан тоже здесь!.. Так что бойся.

Она кивнула, но заметно подобралась, толкнула дверь. В комнате трое полицейских, я даже не сразу увидел за ними распростертый на полу труп женщины в разорванном на груди платье и с задранном подолом, открывающем длинные стройные ноги, хотя с развитием медицины сейчас у всех женщин длинные и стройные, а у мужчин толстые и волосатые.

Двое просто покосились на всех нас, а третий, суровый и с замашками диктатора, сразу же вперил злой взгляд в меня, потом перевел на Мариэтту.

— Почему посторонний?

— Он под подозрением, — отчеканила Мариэтта, — и наблюдением. Но это чтоб не отрываться от дела. Мы его таскаем за собой следом под полуарестом...

Синенко бросил на нее трусливый взгляд, он-то при чем, капитан уже изготовился зарычать, вид еще тот, я сказал вежливо:

— Товарищ капитан, она просто использует свое служебное положение, чтобы бесплатно пользоваться моими услугами эксперта. Я понимаю ваше недоверие после того, как вас предали в Каире и пришлось две недели провести под дулом автоматов, вы вправе смотреть на каждого как на потенциального предателя, потому у вас сейчас еще не прошел синдром Монте-Кристо, хотя таблетки принимаете, как вижу, уже через раз... Но печень проверьте. Все-таки полтора года с такой химией... гм...

Его лицо на пару мгновений окаменело, Мариэтта и Синенко вообще застыли, наконец капитан рыкнул:

— Приступайте!.. Убийство под нашими окнами — всем нам вызов!

И поспешно ушел, пока я не накопал на него что-то еще. Синенко посмотрел с некоторым испугом, Мариэтта буркнула:

— Про случай в Каире ты мог от кого-то из нас услышать, но про какой-то синдром графа...

— Это не синдром графа, — пояснил я, — а немецкого ученого-биохимика... Ну-ну, а эту красотку убили довольно быстро. Даже не помучили, точно гуманисты.

Она бросила ядовито:

— Уж ты бы точно помучил!

— Да, — согласился я, — а как же без этого... Раз уж убивать, то надо получить кайф, а то как-то слишком по-деловому, без азарта.

Я говорил немножко монотонно, потому что шарю одновременно по всем сетям, включая Инет, но еще больше дает так называемый по старине Интернет вещей, хотя это давно уже не Интернет вещей, как и са-

молеты только теперь стали самолетами, когда сами без людей в кабине пилотов садятся и взлетают.

Если вот так задержать дыхание и сосредоточиться, то вижу тепловые отпечатки от ладоней на стенах и босых ног на полу.

Синенко провел предварительный осмотр, сказал уверенно и безапелляционно:

— И без патологоанатома скажу, что типичное самоубийство!

Я посмотрел на труп, женщина как женщина, очень много пластической хирургии, ботокса, глауриновой или какой там еще более новой кислоты, в изменение внешности женщин вкладывают триллионы долларов, дали бы столько НАСА или Роскосмосу, на Марсе уже бы яблони цвели. Может быть, даже и плоды бы давали, кто знает. А капуста росла бы такая, что Диалектиану и не снилась.

— Убита, — обронил я.

Синенко оглянулся, поморщился, Мариэтта нахмурилась.

— Чё-чё?.. Не видно, что самоубийство?

Я пожал плечами.

— Да мне все одно. Можете записать, что самоубийство, если это поможет закрыть дело и пойти в ближайший бар насчет холодного пивка.

— Да, — сказал Синенко охотно, — самоубийство, так и запишем.

Мариэтта посмотрела на меня со злостью.

— Ты чего так решил?

— Насчет пивка? — спросил я. — День жаркий, а холодное пиво — это вещь...

Синенко шумно вздохнул и сделал глотательное движение.

— Насчет убийства! — ответила она резко.

— Да это же понятно, — сказал я. — Посмотри на ее ногти. Под ними краска, я бы сказал, вон с той батареи, где ее и кокнули, а потом оттащили сюда на кровать. На теле следы борьбы... Но если хотите пивка, то пишите «самоубийство» и пойдем дернем по паре кружек... для начала.

Синенко с надеждой посмотрел на Мариэтту.

— Пишу?

Она покачала головой.

— Погоди. Пусть это хамло пояснит.

— А что тут объяснять? — изумился я. — Все и так видно. Следы на теле вовсе не от объятий, несмотря на ее профессию, потому что хватают обычно за другие места, даже если хватают жестко... Девочка она бывалая, два перелома лодыжек, сломанные пальцы... в прошлом, разумеется, но если присмотреться, то следы видно... почти видно. И сейчас она играла по-крупному...

Синенко хмыкнул.

— А где ты видишь следы борьбы? Сиськи торчат, как у девочки. Неразмятые, можно сказать, вовсе. Хотя я человек женатый, куда мне такие тонкости...

— Такие сиськи ничем не размять, — напомнил я. — Медицина на марше!.. А следы вон на руках. Вот там и вон там. Ее хватали крепко. То ли тащили, то ли удерживали...

— Мазохисты?

— Вполне возможно, — согласился я, — но не они убили. Мазохисты — это такие косплеисты, у них все понарошку, все дозировано, ролевые игры, а не настоящее.

— Но могли увлечься?

— Могли, — согласился я, — но что-то подсказывает, что здесь были профи.

Мариэтта сказала раздраженно:

— Это «что-то» к делу не подошьешь.

— Тогда самоубийство, — согласился я. — Ну, по пивку?

Синенко с радостью кивнул и облизал пересохшие губы. Мариэтта сказала зло:

— Нет уж, надо раскапывать. Почему нас не снабжают портативными анализаторами?

— В мобильнике есть, — сказал я. — Ты им пользуешься только как звонильником?.. Открой общую папку, перейди в подпапку гаджетов, затем в субпапку фирмы Убер, а там поройся насчет смотрелок...

Она буркнула:

— Видела! Но думала, это фотки зырить.

— Там есть и нужные тебе, — сказал я, — как криминалисту. У тебя модель от Самсунга?.. Флагман?

— Не с моей зарплатой, — отрезала она. — Прошлогодняя модель по сниженной цене.

— В той есть тоже, — сообщил я. — Открывай, я подскажу...

Она посмотрела с подозрением.

— А ты откуда знаешь?..

— Лежа на диване, — сказал я скромно, — чего только не узнаешь, пока серфишь по Инету.

Она буркнула:

— Что-то вылавливал как раз такое, будто сам эту убил... и готовился направить нас по ложному следу.

— Я предусмотрительный, — сообщил я. — И запасистый.

Глава 3

Она повела мобильником над телом убитой, на экране розовая кожа в двух местах стала красной, а еще в одном и вовсе фиолетовой. Мариэтта, закусив губу,

двигала объективом камеры как миноискателем, и на теле жертвы все больше обнаруживалось скрытых кровоподтеков, что если и станут явными, то через пару часов.

Синенко вздохнул, я сказал ему с сочувствием:

— Я бы тоже не стал расследовать это дело. Некоторые получают по заслугам. Убийца, возможно, доброе дело сделал. Может быть, здесь побывал Супермен, Бэтмен или Человек-Паук?

Мариэтта сказала, не оборачиваясь:

— Не гавкай над ухом.

— Видишь, — сказал я сержанту, — уже прогресс, еще вчера велела не хрюкать. Как думаешь, собака выше свиньи по развитию?

Он пожал плечами.

— Смотря с какой собакой сравнивать. Если с пуделем, то свинья выше, а если с доберманом или боксером — то выше собака. У меня азиатская овчарка, так вообще умнее нашего капитана!.. А что ты насчет Бэтмена?

Я сказал рассудительно:

— Закон хорош, но за всем уследить не может, потому народ создал себе защитников справедливости, что вершат суд и расправу на месте, не отходя от кассы. Супермен, Бэтмен, Человек-Паук, Человек-Молния, Стрела, Чудо-Женщина... и сотни еще всяких, даже не упомяну.

Мариэтта, не отрывая взгляда от экранчика смартфона, строго прикрикнула:

— Но-но, разговорчики!.. Джека-Потрошителя забыли, он тоже вершил суд и расправу, очищая улицы Лондона от проституток. И вообще, я бы засадила пожизненно всех этих Суперменов, Бэтменов, Пауков и прочих, потому что они все — злостные нарушители!

Я подмигнул Синенко.

— Видишь, почему мы, благородные герои, должны вершить свое дело справедливости тайно, как тимуровцы? Кстати, Тимур и его команда тоже в том же ряду, что и Бэтмен. И Джек Потрошитель.

Он подумал, сказал озадаченно:

— Вообще-то да, никогда бы не подумал... Мариэтта, ты как?

— Заканчиваю, — ответила она сварливо. — Столько всяких гаджетов, прог — да никто не успеет уследить за всеми скачками!

— И не надо, — сказал я великодушно. — Ты же красивая.

Синенко поперхнулся, а Мариэтта чуть не выронила мобильник.

— Ты... чего? Заболел?

— Щас покушает, — сказал Синенко и опасно отстранился.

— Извини, — сказал я, — мне казалось, ты знаешь. У тебя идеальное лицо, подбородок как у Гогенцоллера, брови как у Брижитт Багно, а...

— Хватит, — оборвала она, — а то договоришься мне тут! Сама знаю, как у меня там. Ничего своего, да?

— Свое у людей только уродство, — сообщил я, — а красота универсальна. Еще чуть-чуть, и будешь как Аня Межелайтис...

Она прошипела злобно:

— Как же тебя, гад, пристрелить, чтобы концы в воду?

— А это у него и спроси, — посоветовал Синенко. — У него всегда так. Вокруг трупы, а он, оказывается, просто гулял и цветочки нюхал, ничего даже не заметил. Рассеянный, типа. Стихи сочинял!

Я подумал, сказал нерешительно:

— Может быть, подробности узнать у ее нанимателя?.. Кто, с кем, кого, как, от кого еще...

Она огрызнулась:

— Так бы без тебя и не догадались. Щас пробью по базе...

Я вошел в Сеть, быстро просмотрел картотеку преступников, моментально сравнивая отпечатки, пробормотал:

— Это Кравцов, он привлекался шесть раз, но всякий раз у вас не доставало данных... но один раз едва-едва не посадили...

Синенко, ничему не удивляясь, спросил быстро:

— За что?

— За кражу пончиков, — ответил я. — А ты как думаешь? За нецелевое использование средств. Каких-то семьдесят миллионов долларов. Грубые люди, привлекать за такие мелочи... С ним здесь был еще один, но этот раньше не привлекался...

Синенко слушал, раскрыв рот, а Мариэтта сказала ядовито:

— Может быть, тогда сразу скажешь, где он?

— Не скажу, — ответил я, встретился с ее взглядом, покачал головой. — Ты чего?.. Откуда я могу знать?..

— Но ты же сказал...

Я вздохнул.

— Это только предположение.

Синенко сказал быстро:

— Я поеду проверю!

— Куда? — спросила она.

— На квартиру Кравцова.

Она изумилась:

— Ты что, поверил этому? Да он сбредет и не моргнет!

Синенко посмотрел на меня, я кивнул.

— Это точно Кравцов. Вот там отпечаток даже не пальцев, а целой ладони.

Он оглянулся.

— Где?

Я подошел к стене, постучал ногтем по дереву.

— Уже остыла, теперь не увидеть, но отпечаток снять можно.

Он торопливо вытащил портативный сканер, провел им по стене в указанном месте, с нетерпением вперил взгляд в экран. Через долгую минуту там появились два отпечатка, один со стены, другой из полицейской картотеки, а ниже возникло фото, сделанное в полиции.

Синенко охнул:

— Он!.. Кравцов!... Мариэтта, заканчивай здесь сама, я бегу за подозреваемым!

— Возьми спецназ, — крикнула она.

— Это само собой, — ответил он бодро на бегу. — Хотя нет, нельзя... Пока со спецназом не получится, увы. А жаль. Эти отпечатки пока что не совсем повод для ареста. Суд не примет такие доказательства. Может, он заходит кофейку выпить и поиграть, а она застрелилась после его ухода!

— Увы, — буркнула она.

— Так что послежу за вами, — сказал он. — А то с этим непонятным типом опаснее, чем с серийным убийцей.

Он отошел в сторону и быстро-быстро бросил несколько слов в передатчик на верхней пуговице.

Мариэтта быстро повернулась ко мне, в глазах вспыхнула и разбушевалась солнечная ярость, разбрасывая протуберанцы.

— Колись, гад!

Я спросил невинно:

— В чем?

— Откуда ты, гад, узнал? Это твой сообщник? Кто из вас серийный убийца?

— Ну вообще-то...

Она крикнула:

— Колись, и я застрелю тебя сама!.. Откуда ты узнал, что там отпечатки?

— Озарение, — ответил я солидно. — Понимаешь, по учению Рериха существует Высший Разум, в котором все-все, и если к нему подключиться, то можно посмотреть, что там за египетские ночи были у Клеопатры и что творил Калигула...

Она прервала:

— Тебе бы только на оргии смотреть! Как не стыдно?

— Так я сейчас не на оргию, — сказал я, защищаясь, — хотя, если честно, тут была оргия еще та!

Она сразу насторожилась.

— Оргия?

— Ну это я в старинном смысле, сейчас оргий не бывает, теперь это называется иначе. Приличнее. Самовыражение, снятие стресса, просто отдых, развлечение... да как угодно назови. Это в старину существовало такое слово, как «разврат». Так вот здесь достаточно активно снимали стресс. Настолько активно, что предмет снятия стресса зарезали...

— Ты уверен?

Я спросил обидчиво:

— Как ты можешь усомниться? У мужчин нюх на такие дела. Это же как бы несомненно, если Рерих меня не обманывает, но, с другой стороны, Высший Разум не может ошибаться?

Она спросила с подозрением:

— А он мужской или женский?

Я сказал с намеком:

— Он же Высший...

Она нахмурилась.

— Если Высший, то женский, но мне твоя улыбочка что-то не нравится. Где-то жульничаешь.

Синенко подошел к нам, озабоченный, сказал со вздохом:

— Ехать в центр города, там элитные дома такой стоимости, что мне на покупку квартиры с моей исполинской зарплатой лет за двадцать можно насобирать на один-два квадратных метра жилой площади.

— Там квартиры, — сказал я скромно, — от трехсот метров и выше. Для вашего начальника, понятно. У вас как с коррупцией?

Синенко отвлекся, к чему-то прислушиваясь, даже я услышал писк в его ухе, сказал с явным облегчением:

— Вы езжайте, мне тут работу подкинули. Обеспечу вам поддержку из офиса, если свистните. Мариэтта, у тебя будет повод пристрелить этого типа за попытку к бегству. Когда говорю о типе, ты знаешь, о ком я намекиваю.

— Так и сделаю, — ответила она.

— Ага, — сказал я саркастически, — этот подзаконный акт насчет попытки к бегству был отменен двенадцатого мая в тыща девятьсот сорок первом!..

Он сказал озадаченно:

— Да?.. А чем заменили?.. Не могли же просто взять и отменить? В нашем справедливом обществе так не делается.

Я сказал с легким презрением к дилетантам:

— Преступник может быть убит якобы при попытке напасть на конвоира с целью завладения его оружием.

— Мариэтта, — сказал Синенко, сразу оживая, — воспользуйся! Подсказка что надо!

— Не получится, — сообщил я.

Мариэтта сразу ошетибилась.

— Почему это?

— Гуманные вы больно, — сказал я с той жалостью, что проявляем только к неизлечимо больным, подхватившим мерзкую болезнь. — У вас эта... как ее.. ну рудимент прошлого... забыл... ах да, вспомнил! Совесть... На каждого по совести, ужасно просто. Мои соболезнования. Никогда вам не подняться выше сержантов.

Мариэтта, не отвечая, пошла к выходу. Синенко сказал строго:

— Полуподследственный, поспешите следом. Иначе арестую за уклонение и препятствие правосудию!

— Вот жизнь, — пробормотал я. — Счастье за счастьем...

Мариэтта садилась в машину, но несколько замедленно, позволяя мне с моей черепаховостью успеть открыть дверцу с правой стороны и ввалиться на сиденье.

Она спросила брезгливо:

— Что с тобой?

— Малость ошарашен, — признался я.

Она крутанула руль, выворачивая на дорогу, чуточку нарушив, не уступив главную дорогу, но это же власть, ей все можно, гады, спросила пренебрежительно:

— Чем?.. Убитой?

— А ты думала? — спросил я. — Я как-то верю СМИ, что наше время — самое мирное и спокойное из всех на свете!.. И что люди живут все дольше, что болезни почти побеждены, мы счастливы, как никогда не было со времен питекантропов, и что войн меньше, а преступлений почти нет... Во всяком случае, в моем поселке именно так.

Она вела машину на большей, чем разрешено обывателю, скорости, буркнула, не отрывая взгляда от дороги впереди:

— В городе тоже. Просто у нас работа такая. Раньше за сутки погибало по сто человек, а сейчас разве что один в неделю...

— Ну да, — согласился я, — вам должно казаться, что все вокруг только и делают, что режут, колют и стреляют друг в друга.

— А простым горожанам, — уточнила она, — кажется, что преступления вообще все искоренены, и это почти правда. Мир стал безопасным. А преступляют и убивают на тех уровнях... сложных, где простые люди не бывают.

Я огляделся.

— Едем в центр? Хорошо...

Она сразу насторожилась.

— Что хорошего?

— Увижу, — сообщил я, — как живут олигархи.

— Мы едем не к олигарху, — уточнила она. — Но в какой-то мере к близкому к их миру.

— В какой? — спросил я предельно наивно.

— Работает на олигарха, — объяснила она с покровительственной ноткой. — Тот, чьи отпечатки в той квартире.

Минут через пять машина вкатила в район, откуда за километр несло богатством и могуществом. Непосредственно на въезде нас даже остановили, хотя при современной аппаратуре любую проверку можно делать на любой скорости, но, думаю, это проделали с нами для важности и чтобы мы лишний раз уразумели, к каким людям едем, полиция мы или бродячие музыканты.

Я не отказал себе в удовольствии пошарить по Инету и всем существующим базам данных, даже тем, что в распоряжении Пентагона, но, увы, охранники без криминального прошлого, если не считать, что

все побывали в горячих точках, все с отличиями, а что и как там себя вели, теперь не проверить... вот так с ходу.

Глава 4

Мариэтта остановила машину перед подъездом солидного дома старинной постройки, а когда вышли, полицейский автомобиль дисциплинированно отъехал на стоянку рядом с домом, но встал так, чтобы все отсюда видеть, наблюдать, сканировать и ябедничать руководству, а к нам прибыть на вызов с максимальной скоростью.

— Впечатляет, — пробормотал я.

— Хороший домик, — согласилась она.

Я отмахнулся.

— Меня больше впечатляет, что мы на экранах четырнадцати видеокамер. По-моему, это перебор.

— И ты все заметил? — спросила она язвительно.

— Дык видно же! — ответил я.

Она смолчала, только покосилась несколько ошарашенно. Когда миновали настоящего живого охранника, поставленного, как понимаю, исключительно для престижа, потом через парадный вход, я почти ожидал, что нас встретит дворецкий, и ничуть не удивился, когда в самом деле навстречу вышел солидный господин, похожий на Чемберлена в пору премьерства, сухой и чопорный.

Я уже приучил себя не тарашиться тупо на данные из Вики, когда передо мной люди, потому сказал вежливо:

— Здравствуйте, Сергей Павлович. Нам нужен хозяин, Кравцов Марат Хисамович... Прекрасный у вас дом,

кстати. Еще сам Беллучини строил, надо же... И Репин с Айвазовским здесь бывали осенью, как сейчас помню, это было на Яблочный Спас...

Он посмотрел на меня с почтением во взгляде.

— Все точно, благодарю. Хозяин вас сейчас примет, позвольте провести вас в гостиную.

В гостиной, когда мы с Мариэттой сели рядышком, она прошептала:

— Сергей Павлович?.. Вы знакомы?

— Нет.

— Тогда откуда...

Я ответил снисходительно:

— Он выглядит как Сергей Павлович, разве не видно?.. Имена накладывают свой отпечаток на людей. Вот назвали бы тебя Нюркой, разве стала бы ты так краситься, носить высокие каблуки, заботиться о волосах?

Она зыркнула на меня искоса.

— Снова издеваешься, гад?..

— Я думал, это основы криминалистики, — ответил я с обидой в голосе. — Ты точно не Нюрка.

— Гад, это комплимент или оскорбление?

— Еще какой, — подтвердил я и произнес мечтательно: — Мари...этта... Ингриэтта... Гангуэтта... Блин, просто музыка... Усратья можно, как красиво звучит... В тебе есть что-то даже от Аллуэтты, так и слышу музыку, а в остальном ты вылитая Мариэтта, или, как говорила моя бабушка, выкопанная... или выкапанная, уже не помню.

Она прошипела:

— За выкопанную я тебя убью. Тоже мне, зомби нашелся! А откуда знаешь про Репина с Айвазовским?

— Дык я ж эта.. культурный эстет, как не знать такого нашего ценного наследия?.. Репин, это был такой художник, кстати. Айвазовский вроде тоже рисовал...

— А Яблочный Спас?

— Угадал, — ответил я скромно. — А может, и нет, но дворецкий подыграл, молодец.

— Гад полосатый, — сказала она с чувством.

— Да, он похож...

— Ты — гад полосатый!

Я уточнил:

— Как бурундук?.. Или дикий поросенок?

— Как колорадский жук!

Я покачал головой.

— Это которого в пятидесятых годах американские шпионы завозили в СССР в спичечных коробках? А потом выпускали на картофельные поля, чтобы навредить нашему социалистическому строительству и всемирной победе коммунизма?

Она вытаращила глаза.

— Что, и такое было?.. Нет, слышала такое грязное ругательство, показалось смачным.

Вдали распахнулась дверь, дворецкий произнес чопорно:

— Прошу вас. Марат Хисамович примет вас...

Вид у него был такой, что этот Марат Хисамович сейчас добрый, а в другое время может и вытолкать в шею. Мариэтта, судя по натянувшейся коже на ее скулах, тоже ощутила подтекст, ноздри бешено раздулись, дескать, никто не остановит детектива-сержанта столичной полиции, а если кто-то рискнет, пусть пеняет на себя.

Марат Хисамович поднялся нам навстречу из-за стола, немолодой, но элегантный и блещущий моложавостью. Не молодостью, видно же, что в его возрасте другие на пенсии, но то другие, а это крепкий и подтянутый

мужчина, почти атлет, под тонкой тканью костюма чувствуются объемные бицепсы.

Как заметно, подумалось у меня само собой, что если бедный, то обязательно толстый и даже жирный, а богатые все худощавые и поджарые. Бедные на работе не задерживаются, каждое лето отдыхают на южных курортах по месяцу, а богатые вкалывают без отпусков и выходных, бедные своих детей на летние каникулы отправляют отдыхать в лагерь, а дети миллионеров разносят газеты, подрабатывают официантами и мойщиками посуды, подготавливая себя к постоянному изматывающему труду...

— Чем могу служить? — спросил он точно рассчитанным тоном.

— Департамент полиции, — сказала Мариэтта. — Убита ваша сотрудница Ширли Кассеро. На месте преступления обнаружены ваши отпечатки. Что вы можете сказать по этому поводу?

Он помрачнел, из груди вырвался тяжелый вздох, чуточку театральный, но самую чуточку.

— Прошу вас, — сказал он, — сядьте, я вам сейчас объясню.

Мы с Мариэттой опустились на диван, она инстинктивно села поближе ко мне, словно надеется на защиту или черпает во мне силы, но это подсознательно, а скажи ей кто такое вслух, тут же отсядет в другой конец комнаты.

— Слушаю вас, — сказал я.

Он посмотрел на меня внимательно.

— А вы... тоже из полиции?

Мариэтта раскрыла рот для ответа, но я опередил:

— Вы знаете, кто я. Еще когда мы поднимались в дом, вы просмотрели наши досье. И мое вас заинтересовало, вы рассматривали его семь минут, в то время

как на просмотр файла детектива, что со мной рядом, вам хватило двадцати секунд. Пока мы ждали в приемной, вы куда-то звонили и что-то уточняли.

Он посмотрел на меня с уважением.

— У вас прекрасные сканеры!.. Велю управляющему обновить наши. Так вот, наша сотрудница была хорошим человеком и очень самоотверженным работником. И бесконечно влюбленным в свою работу. Да, понимаю, вы в первую очередь будет пытаться найти сексуальные связи, ревность, еще что-то подобное, но, уверяю вас, это не так. Хотя что вам мои уверения, проверяйте, но это простая потеря времени.

Она кивнула.

— Разумеется, проверим.

— Но как-нибудь потом, — добавил я. — В свободное время. А сейчас хотелось бы услышать вашу версию.

Он улыбнулся.

— Как я ее убил?

— Почему там ваши отпечатки, — уточнил я.

Он кивнул.

— Хорошо. Я был у нее вчера, говорил с ней.

— О чем?

Мариэтта сердито зыркнула на меня, нагло перехватывая у нее расследование, но лишь пообещала мне злым взглядом, что расправится со мной без свидетелей.

Он сказал медленно:

— Вы знаете, чем занимается наша фирма.

Мариэтта снова начала было открывать рот, но я сказал мирно:

— Знаем, конечно. Антиэйджинговые препараты, на них все помешаны... Не у вас, разумеется, а вообще. Хотя, признаю, вы за последние полгода сделали мощный рывок и ворвались в первую сотню лидеров.

Я чувствовал на себе ее пронизывающий взгляд и обещание разделаться со мной, но смотрел только на Марата Хисамовича, а он улыбался довольно, откинувшись на спинку кресла, сложил пальцы в замок на животе.

— Приятно, когда замечают... Все верно, мы сделали заметный рывок. Правда, шли к нему долго.

— Испытания? — спросил я.

Он наклонил голову.

— Исследования, проверки, испытания... бюрократические рогадки...

— Но испытания у вас заняли очень короткий период, — заметил я.

Он чуть посерьезнел.

— Да-да, понимаю ваш намек. Но вы называете испытаниями только клинический период, а мы включаем в него и все эксперименты над дрозофилами, мышами, крысами и обезьянами.

— Даже обезьянами? — удивился я.

Он сказал мягко:

— У нас отличные юристы. Они доказали, что этим нарушением, за которое мы готовы заплатить штраф, спасли жизнь тысячам, даже сотням тысяч больных, которые могли бы не дожидаться лечения. Нам, конечно, продолжать запретили, но за прошлые нарушения мы отделались небольшим штрафом.

Мариэтта сказала с сарказмом:

— Ну да, судья тоже хотел бы продлить свою жизнь! Любым способом.

Он улыбнулся.

— Вижу, понимаете, у нас сторонников больше, чем об этом говорят. Почему-то не хотят признаваться, словно жить долго все еще стыдно, как в прошлые века.

Она молчала, только переводила взгляд с него на меня и обратно, я кивнул и сказал успокаивающе:

— Марат Хисамович, я полностью на вашей стороне. Наше ханжество обходится обществу дорого. Так о чем вы спорили?

— Мы не спорили, — возразил он. — Я уговаривал ее не принимать карельгедин, это наша последняя раз-
работка... в таких дозах.

Мариэтта спросила чересчур быстро, словно старалась во что бы то ни стало, словно бегущий вторым бегун, в прыжке успеть коснуться финишной ленты первым:

— Повышение дозы опасно?

Он пожал плечами.

— Я бы так не сказал.

— Не опасно? — спросила она.

— И так бы не сказал, — произнес он чуточку невесело. — Мы просто не знаем. Может быть абсолютно безопасным, на что надеемся, а может быть и опасным... при определенных условиях. Я просто просил не выходить за рамки.

— А клинические испытания? — спросил я. — На людях? В больнице? Вы проводили их в Боткинской, Вавиловской и восьмой городской!

Мариэтта покосилась на меня в недоумении, а он вздохнул.

— А еще и в Центральной областной, но там чуть-чуть, в документах не отражено. Однако... Возможно, даже ваша очаровательная спутница знает, что люди живут дольше мышей. И чтобы проверить, помогают ли эти пилюли продлить жизнь, нужно дожидаться их смерти... Дело не в гуманности, а в том, что результаты пришлось бы ждать очень долго, а инвесторы и акционеры требуют отдачи от вложенных денег.

— Тогда, — спросил я, — почему Ширли потребляла карельгедин, да еще и увеличивала дозы? Это действует как наркотик?

Он покачал головой.

— Совершенно нет.

— А как?

Он снова тяжело вздохнул.

— Он в самом деле омолаживает. И чем больше принимаешь... я имею в виду больше дозу, тем эффект сильнее.

— Тогда почему вы предостерегали?

Он поморщился.

— Вам это легко говорить, вы так молоды. И мне легко говорить, я — мужчина. Считается, что мы не так уж и зациклены на молодости. Это практически так, если сравнивать с иступленностью женщин. Понимаете, препарат не проверен на ударных дозах!.. Совет правления настоял, что люди не рискнут себе вредить. Удовольствуются, дескать, тем, что написано в инструкции. А там сказано четко: по одной капсуле в неделю! Можете проверить.

— Уже проверено, — ответил я легко. — Значит, она принимала ударные дозы... Это как-то на ней сказывалось?

Он ответил уже сердито:

— К сожалению, сказывалось так, что она начинала принимать еще больше! Вы видели ее?.. Сколько ей лет?

Мариэтта насторожилась, а я ответил с заминкой:

— На вид, вы правы, ей не больше тридцати. Да-а... для шестидесятисемилетней это вкусный червячок. А какой там крючок?

Он пожал плечами.

— Крючка может и не быть. А может и быть. Потому я и был против, чтобы она... Ладно, я не хотел рисковать прекрасным сотрудником! Если какой-то дурак на улице сожрет целую горсть и сдохнет, это его проблема, не жалко, а вот своих мне жалко!

— Естественная реакция, — сказал я успокаивающе, — все нормально, мы не осуждаем. Вон вулкан в Африке вчера залил лавой целую деревню, а еще одну засыпал пеплом и всех умертвил... Я гуманист, но смотрел новости во время обеда, и это мне аппетит не испортило. Но вот ворона разогнала воробьев у кормушки, куда я насыпал семечек... меня это огорчило. Это я так, между нами, а если перед корреспондентами, то я выражу глубокую скорбь насчет погибших в Африке и скажу, что от горя похудею... Значит, когда вы ушли, она была жива?

— Уверен, — произнес он с достоинством, — если проверить все видеокamеры, анализаторы и прослушивающие устройства с функцией записи шумов, то вы убедитесь, она была жива, когда я ушел! Уверен, вы этого еще не сделали.

— Сделали, — сообщил я скромно. — Просто нужны были уточняющие детали.

Мариэтта поднялась, красивая и элегантная даже в полицейской одежде.

— Спасибо, вы нам очень помогли.

Он тоже встал, ответил учтиво:

— Я рад быть полезным департаменту полиции и обществу.

— Марат Хисамович, — сказал я, — простите, забыл спросить, а как вы регулируете, чтобы раз в неделю, но не больше?

Он ответил мирно:

— В аптеки этот препарат не поступает, и... не поступит. В интернет-магазинах не встретите. Купить можно только у нас. По показаниям. Мы тщательно исследуем здоровье пациента, назначаем курс...

— Всем разный?

Он покачал головой.

— Как раз всем одинаковый. Во-первых, отбираем только здоровых людей, а во-вторых... может быть, это

прозвучит кощунственно, но мы продолжаем собирать статистику. Как одна и та же доза действует на людей разного возраста, пола, даже уровня образования?

— Значит, — сказал я, — проблема попадания за стены вашего центра исключена?

— Да, — подтвердил он. — У нас даже не из рук в руки, как говорится, а из наших рук прямо в рот пациента. Во избежание, как вы понимаете. Я не полицейский, но человек не слишком доверчивый.

— ...за исключением, — договорил я, — некоторой самостоятельности ваших сотрудников?

Мариэтта насторожилась, а он вздохнул.

— Человеческий фактор... Да, у нас не все автоматизировано. Науку если и удастся автоматизировать, но уже перед схлопыванием Вселенной. А наши сотрудники, увы, тоже люди. Они хотят быть моложе и активнее. Не секрет, что с самого начала цивилизации люди принимали стимуляторы. Особенно этим злоупотребляли ученые, студенты, медики... Меньше всего это требовалось, как сами понимаете, грузчикам и дворникам. Так что да, Кассеро принимала... Трудно держать за руки того, кто сам синтезирует препарат и кормит им мышей, фиксируя их реакции. Но больше никто, уверяю вас. Автоматика следит, чтобы за дверь лаборатории не выносили ни миллиграмма карельгедина!

Глава 5

Когда вышли на крыльцо, ее автомобиль оставался на стоянке, как дурак, что значит полицейская машина, все под стать их хозяевам, мой стронгхолд бы уже под-

катил к крыльцу, не дожидаясь сердитого окрика, еще и хвостом бы повилял от счастья.

Мариэтта взмахнула рукой, ее автомобиль попятился задом, развернулся и поспешил к нам.

— Он сказал, — проговорила она с подозрительностью в голосе, — что эта Ширли была жива, когда он уходил...

— Сказал, — подтвердил я. — И что?

— Обычно говорят «жива и здорова»!

— Он ученый, — напомнил я. — Медик. Они приучены к точности. А она не была здоровой... хотя бы потому, что абсолютно здоровых людей на свете нет вообще. Давай навестим всех, кто заходил к ней к тот день. Чуть позже или намного позже.

Она взглянула исподлобья, а голос прозвучал так, что вот-вот обвинит меня в воровстве посуды из церкви.

— У тебя уже есть список?

— Откуда? — изумился я. — Давай просто заедем к тем, кто ближе.

— А ты, конечно, знаешь, — сказала она с тяжелым сарказмом, — кто ближе?

— Совершенно случайно, — сказал я. — Давай укажу, если твой полицейский навигатор принимает от кого-то еще, а не только от твоего начальника.

— Он принимает только от меня, — отрезала она. — Указывай, а я должна подтвердить. Без этого он не примет изменение маршрута. У нас бывали всякие случаи.

Я потыкал в экран пальцем, как примитивно, но увеличил изображение до появления расположения зданий.

— Вот сюда. К этому подъезду.

Она недоверчиво взглянула, но буркнула:

— Подтверждено.

Автомобиль некоторое время шел по прямой, словно еще подумывал, слушаться ли, потом на первом же повороте нехотя свернул и понесся к указанной цели.

Мариэтта хмурилась, недовольно сопела, наконец пробормотала словно про себя:

— Все равно что-то не сходится...

— Ну-ну?

— Этот Кравцов, — сказала она, — Марат Хисамович... уверял, что их препарат не покидал пределы их лаборатории.

— Их клиники, — уточнил я. — Которая при лаборатории. Он так и сказал — из рук в рот. Везде, где они проводили испытания.

Она кивнула.

— Да, именно. Но... кто тогда эти люди, что посещали нашу самоотверженную сотрудницу? И почему?

Я пробормотал:

— Сама догадаешься?

— Намекаешь, — спросила она, — что эта Ширли как-то начала сама тайком синтезировать у себя дома и продавать?

— Думаю, — сказал я, — не дома. Делали в другом месте. Но под ее контролем. Возможно, какой-то важный ингредиент в самом деле держала у себя дома, там смешивала с остальными... и уже продавала. Разумеется, из чисто гуманных целей, желая продлить людям жизнь...

— ...за хорошую цену, — закончила она. — Вот сучка!.. Что смотришь? Скажешь, все женщины такие, я тебя сейчас же застрелю!

— Не скажу, — пообещал я. — Лучше ты меня замучаешь в постели. А продавала, думаю, за очень хорошую цену. Жизнь... странная штука. Это не планшет, цена

которого одна для всех. Жизнь кто-то готов отдать за бесценок, а кто-то готов на все, только бы прожить еще денек...

Она вздохнула.

— Что-то эти нелегальные фабрики расплодились. Я бы вообще запретила эти принтеры!.. Нельзя, чтобы в каждой квартире пистолеты печатали!

— Чего? — спросил я. — А разве принтер не отправляет тут же копию заказа куда следует?

— Я просто к слову насчет пистолета, — парировала она. — А когда печатают удобрения, кто придерется? А его в соседней комнате смешивают с другим, получается взрывчатка! Или того хуже, страшный распыляемый яд, когда флакончика хватит на приличного размера город.

— До этого еще не дошло, — успокоил я. — И не скоро дойдет. С такими черепашьими темпами прогресса это случится не раньше, чем через месяц, а то и два...

Она сказала саркастически:

— Ну спасибо! Успокоил.

— Рад, — ответил я. — Всегда счастлив тебя успокоить. Чувствую себя так, будто обнимаю родное правительство и нашу самую гуманную в мире полицию...

— Заткнись, гад. Мы почти приехали, вон его дом.

Я сказал быстро:

— Давай первым спрошу я! А ты как главная будешь следить за нами, в смысле — и за собой, и поправлять, если что пойдет не так... по твоему мнению. Ты же умная, знающая, красивая...

Она фыркнула:

— Мечтай-мечтай!.. Тебе никогда не стать детективом. Стой сзади и не раскрывай пасть, а то порву на фиг.

— Меня или пасть?

— Обоих.

Автомобиль съехал с дороги и некоторое время пробыл между домами старой постройки, рассчитанными на неторопливые кареты. Мариэтта еще не разобралась, где какой дом, деревья с пышными кронами закрыли номера, но автомобиль все зрит, не зря же полицейский, уверенно подвез нас к одному из подъездов и остановился.

— Здесь приличные люди, — напомнила Мариэтта, — так что забудь про свой футбол, понял?..

— А про хоккей, — спросил я с надеждой, — можно?

— Нельзя, — отрезала она.

Я пробормотал горестно:

— Тогда поговорим о боксе или боях без правил...

— Застрелю, — пригрозила она. — И меня оправдают.

— Тогда молчу, — сказал я испуганно. — Вот если бы не оправдали...

Ступеньки старинные, из настоящего мрамора. Мы подошли к такой же настоящей двери, словно украденной из «Ромео и Джульетты», Мариэтта сказала негромко:

— Департамент полиции. Нужно поговорить с Панасом Онищенко.

Через пару секунд из невидимого динамика донесся далекий голос:

— Минутку...

Послышались шаркающие шаги, затем в двери шелкнуло, чуть приоткрылась, но так и осталась. Мариэтта презрительно фыркнула и толкнула ее так, что та ударилась о стену.

Я вошел за Мариэттой, а она двинулась уверенным шагом даже не детектива, а элитного бойца спецназа в давно захваченной и освоенной деревне.

Правда, в холле пусто, пришлось подняться на второй этаж, там уже к лестнице вышел невысокий полный мужчина в просторном костюме, что и понятно с его избыточным весом, смотрит молча, без надменности, но в то же время осознает, на пару ступенек выше всяких, кто ездит в полицейских авто.

— Господин Онищенко? — спросила Мариэтта.

Мужчина кивнул.

— Проходите в квартиру.

Я перешагнул порог, мне показалось, что попал в музей древнего искусства. Даже не в сам зал, а запасник, где в ожидании экспозиции хранятся в тесных помещениях сотни картин, скульптур, украшенных серебром шкатулок и всякого рода изысканных безделушек от размера с куриное яйцо до валуна в несколько тонн с рунами древнескандинавской вязи.

— Ого, — сказала Мариэтта, — у вас здесь... да, у вас здесь... не нахожу слов.

Он покосился в мою сторону, я ответил с легким поклоном:

— Здесь все подлинники... Узнаю работы Креккио, Вандатти и самого Карлизино! А это, если не ошибаюсь, картина Дюбера «Странные гости в Помпее»?

Он ответил потеплевшим голосом:

— Сядьте, пожалуйста, это великолепный диван восемнадцатого века. Приятно встретить знатока... А вот жемчужина моей коллекции. Узнаете?

— Еще бы, — ответил я. — Кто не знает «Распятие Христа» Лонжеавитти?.. Моя коллега, она рядом, столько слез пролила, созерцая... да-да, созерцая.

Мариэтта сладко улыбнулась мне, но во взгляде таилось обещание убить еще на лестнице, а в машину за-таскивать уже теплый и весьма обезображенный труп.

— Да, — подтвердила она, — как же, как же... Господин Онищенко, мы проверяем деятельность одной подпольной фирмы, потому проводим опрос ее клиентов. Как долго вы употребляете карельгедин?

Он дернулся, во взгляде метнулся испуг.

— Карельгедин... карельгедин?

Мариэтта сказала властно:

— Господин Онищенко, как вы понимаете, мы приехали не наугад. Ваше заpiresательство будет расценено как противодействие исполнению правосудия. Чем это вам грозит, можете сами посмотреть в Уголовном кодексе. Учтите, наш разговор записывается.

Он заметно поник, ответил почти дрожащим голосом:

— А что случилось?.. Это же разрешенный препарат!.. Скоро будут продавать во всех аптеках...

— Вам так сказали? — поинтересовалась Мариэтта.

— Да...

— Кто? — спросила она с нажимом.

Он посмотрел на нее с испугом.

— А это говорить этично?.. Не получится ли, что я как-то подвожу хороших людей?.. А то эти строгости мне совсем не нравятся. Я всего месяц попринимал, и левая рука, что уже три года не двигается, начала оживать!.. Вот посмотрите, я уже шевелю пальцами, а мне в больнице сказали, что все нервы атрофированы. Могу показать медицинскую карточку, там записано, у меня какой-то синдром, не просто парализовало нервы и мышцы, а даже съело нервную ткань...

Я быстро заглянул в Инет, отыскал его карточку, прочел, на это ушла сотая доля секунды, сказал успокаивающе:

— Да-да, препарат просто чудо. Даже нервную ткань наращивает, надо же... Но мы по другому делу. Возмо-

но, конкуренты постарались, но... сегодня ночью Ширли Кассеро убили.

Он округлил глаза.

— Как нехорошо... А кто это?

Мы с Мариэттой не стали переглядываться, и так понятно, я сказал мирно:

— Возможно, она использовала аватары. Ее труп нашли в ее квартире... Откройте к телевизору свободный доступ.

Он кивнул, я коснулся запястья с часами, на экране телевизора во всей красе появилось лицо, а потом и все тело убитой Ширли Кассеро.

Он охнул.

— Какой ужас!

— Узнаете?

— Это она, — прошептал он. — Я покупал у нее... Но все легально...

— Как видите, — сказал я, — прямо в ее квартире.

Он прошептал:

— Господи! Какой ужас!.. Кто же теперь... Я хочу, чтобы моя рука ожила полностью!.. Да и вообще...

Мариэтта сказала деловым голосом:

— Мы отработываем все версии. Сейчас наша задача — найти убийцу. Надеюсь, это поможет и вам. Постарайтесь припомнить, всегда ли убитая была одна, не упоминала ли в разговоре кого-то еще, не тревожило ли ее что-то в последнее время, не показалось ли что-то необычным...

Он посмотрел беспомощно.

— Нет, не припоминаю. Нет-нет, я не увиливаю, в самом деле все всегда происходило быстро. Я приносил деньги, мне давали карельгедин. Все молча, торопливо. Я тут же уходил.

— Спасибо, — сказал я. — Вы нам помогли.

Я поднялся, Мариэтта метнула лютый взгляд, но вышла со мной, чтобы не выказывать нелады постороннему, а на улице набросилась:

— Ты что о себе возомнил?.. Что за?.. Да ты кто?.. Чем он нам помог?.. И чего ты раскомандовался?

— Милая, — сказал я покровительственно. — Ты такая великолепная, когда сердисься!.. Я же сказал только то, что хотела сказать ты, чтобы ты не утруждалась. А сказал он то, что эта Ширли как-то наладила собственное производство. Иначе каким образом этот эстет и страстный любитель древностей получал бы препарат?

Она отрезала независимо:

— С его-то деньгами!

Я поморщился.

— Как я тебя люблю... Все его картины и прочее — копии. Принтеры на марше, все изготавливают так, никакой знаток не отличит! Как еще «Мону Лизу» не отпринтерил... Наверное, это настолько чересчур, что уже никак не убедит себя, будто владеет оригиналом... Блин, неужели таких вот тоже возьмут в сингулярность?

Она властным жестом подозвала авто, села молча, я вздохнул и тоже молча занял место с правой стороны.

Глава 6

Автомобиль выбрался между домами на широкую трассу, только тогда Мариэтта буркнула:

— Все-таки карельгедин действует. Рука заработала!.. Если не врет, конечно.

— Не врет, — подтвердил я. — Загляни в его медкарту, убедишься.

Она фыркнула.

— Говоришь так, будто сам уже посмотрел! Без решения суда никто не покажет тебе чужую медкарту. Даже и по суду могут не показать, это защита не только чужих данных, но и здоровья... Значит, Ширли делала благое дело, принося людям исцеление.

— Да, — согласился я, — но ты заметила, что в его лице многовато желтизны?

— Там освещение такое, — отпарировала она. — Этого ты точно не заметил!

— Не заметил, — признался я, — это вы всегда стараетесь сесть так, чтобы свет подчеркивал ваши выпуклости и прятал впадины. Но освещение, как ты говоришь, поджелтив лицо, не тронуло белки глаз, ясные и чистые. Да и ногти чуть блее, чем должны быть...

— И что? — сказала она с налетом раздражения.

— В его крови железа достаточно, — сказал я, — а вот его последние анализы... ага, всего месяц тому делал... блин, а еще, еще... ура, вот годовой давности...

Она дернулась.

— Ты что, снова со своим Высшим Разумом общаешься?.. Видала я рерихнутых, но настолько... Если Ширли погибла, это не значит, что производство карельгедина прекратилось. Убили бы из-за ревности или чего-то еще, что осталось в древних веках, — это одно, но теперь из-за этого даже слова не скажут, а вот ради денег, власти...

— Мыслишь прошлыми категориями, — заметил я, — что и понятно, женщина! Консерватор. Защитник устоев. В последнее время фактор возможности продлить жизнь становится более весомым, чем деньги и власть. Их с собой в могилу не заберешь.

Она посмотрела в упор.

— Кто-то помог ей наладить подпольное производство?

— Да, — кивнул я. — То, что Марат Хисамович рассказал о ней, не характеризует ее как опытного дельца. Она энтузиаст, который, несмотря на запреты, будет продолжать делать то, что считает правым. Революционер, в общем. Борец с косными устоями. Но кто-то другой, с более практичным складом ума, сообразил, как на этом заработать...

Она сказала быстро:

— Сейчас проверим все ее связи, знакомства...

— А также все звонки, имейлы, скайп и даже стертые файлы, — добавил я.

Она огрызнулась:

— Сама знаю!

— Препарат не так уж и безвреден, — сказал я с некоторой озабоченностью. — Ты в самом деле считаешь, что на его лицо падал не тот свет? И ничего больше не увидела?

— Нет, — отрезала она. — Я в окно птичек рассматривала!

— Могла бы заметить, — сказал я, — нелады с печенью. Не у птичек, если не врубилась.

Она посмотрела в недоумении.

— И что? У меня тоже нелады. Ну, бывают. Если переем.

— Нет, — сказал я, — у него печень была просто идеальная.

Она насторожилась.

— До?

— Именно, — подтвердил я. — До начала приема карельгедина.

Она посмотрела остро:

— Откуда знаешь? Ты с ними в одной банде?.. На какой роли?.. Чистильщик? Убиваешь и прячешь трупы?

— А где и граблю, — добавил я. — Спасибо, что не предположила, будто еще и насилую.

Она фыркнула:

— Есть основания. Уверен, что его цвет лица как-то связан с карельгедином?

— Почти.

— Затребую все данные, — сказала она решительно. — Подам запрос в полицейский департамент, а там дадут разрешение на просмотр личных медицинских карточек... Только нужно обоснование.

— Придумай, — сказал я отстраненным голосом, — ты же человек правильный, все по закону... по инструкциям... ты не из Германии, случаем?..

— С чего вдруг?

— Да так, что-то арийское промелькнуло... Дойчланд, Дойчланд, юбес аллес... Я сам люблю людей дисциплинированных... Знаешь, у него уже и поджелудочная барахлит...

Она спросила так злобно, что стала похожей на оскалившего зубы хорька, которого рисовал Леонардо на картине, названной «Дама с горностаем»:

— Это тоже твоя интуиция?

— Правда, — спросил я скромно, — почти женская?.. Ну, тоже ни с того ни с сего, так ей дорогу, а все пусть разбегаются, кто не спрятался — я не виноват... Предлагаю действовать так, словно ты уже получила право доступа к личным делам, пересмотрела и убедилась, да...

— В чем?

Я ответил мирно:

— В том, что я случайно угадал. А пока будешь раскручивать, в самом деле получишь доступ и пересмотришь...

— А если увижу, что все брехня?

— Тогда я в полном твоём распоряжении, — ответил я. — Можешь убить, можешь насиловать, а можешь и задавать любые вопросы, что, конечно же, куда страшнее и ужаснее.

Она посмотрела со злостью, но не вдарила, только прошипела люто:

— Ладно, поехали!

Я даже не спросил куда, сейчас будет подчеркнуто крутой, не признаваться же, что рискнула поверить на слово, потому станет командовать, чтобы показать, что делается все по ее воле, я тут просто мимо шел, потому из жалости подобрала, но без права пищать и вякать.

Приехала она, понятно, в участок. Куда же еще придет дисциплинированный полицейский, тем более — полицейская, что подразумевает двойную дисциплинированность и уставопослушность.

Я ожидал, что на меня будут посматривать с интересом, как же, пришла с опасным конвоируемым, Синенко точно позаботится о такой моей репутации, так что надо вести себя предельно смирно.

Когда я только входил в двери, почти все приподнялись и смотрят очень даже настороженно, Мариэтта даже округлила глаза.

— Что-то случилось?

Но смотрели не на нее, а на меня. Я сразу сообразил, что еще когда сделал шаг к зданию полиции, у них там вспыхнуло на сканерах, что приближается человек с армейским пистолетом в кобуре скрытого ношения, однако... да-да, однако есть лицензия и право выносить из дома.

Мариэтта дернулась, когда один из полицейских, с виду крутой и бывалый, вскинул кулак и отсалютовал

мне тем характерным жестом, что принят у командос. Видимо, где-то увидел в кино.

Я ответил Мариэтте бесстыднейшей улыбкой, она нахмурилась и резко бросила командным тоном:

— Сядь вот здесь и не мешай.

— Как скажешь...

— И не чешишь, как бабуин!

— А как кто можно?

Она не удостоила меня ответом, а я послушно сел на указанный стульчик и поглядывал, как она, пользуясь возможностями полиции, проверяет все связи Ширли Кассеро, в том числе и те, которые у той под никами и аватарами. Сейчас нет такого человека, у которого бы не было персов и твинков в соцсетях, баймах, скайперах, дендлерах и квикастерах, так что да, проверка занимает время даже на современных суперскоростях квантовых компьютеров.

На всякий случай Мариэтта проверила и Онищенко, но этот любитель старины в самом деле стерильно чист, а за жизнь так цепляется, что вегетарианец с пеленок, никогда в рот не брал ничего вредного, не пьет, не курит, спать ложится вовремя, с женщинами дел не имеет вообще — от них проблемы, подписан на все новости о здоровой жизни и новинках медицинских технологий...

Она пробормотала с неудовольствием:

— Придется исключить...

— А жалко? — спросил я с пониманием. — Я бы таких тоже сажал.

Она вскинула брови.

— За что?

— За никчемность, — пояснил я. — Добро бы жизнь берег для какой-то пользы!.. Хоть не обществу, кому оно нужно, хотя бы семье, друзьям, любимой собаке...

— Фашист, — сказала она с удовольствием. — Человеконенавистник!

— Да какой он фашист, — возразил я.

— Ты хвашист!

— Зато собак люблю, — возразил я. — Вчера кино смотрел, как мужик за то, что его собаку убили, целую банду уконтрапупил!

Она отмахнулась.

— Я таких сто штук смотрела.

— А видела, — спросил я, — чтобы кто-то за убитого кота хоть пальцем пошевелил? То-то. Мы, собакофилы, люди активной позиции, за нами не заржавеет. Чуть что — в хлебало! Новый вид интеллигенции.

— Ты ящерофил, — обвинила она.

— Яшка у меня собака, — объяснил я. — Порода такая! Женщинам это не понять. Ты лучше копай дальше. Возможно, ее хряпнул кто-то из тех, кто вообще не принимает.

— Чего вдруг?

Я пожал плечами.

— Наркодилеры сами не употребляют. Для тебя это новость?

Она поморщилась.

— У тебя и сравнения...

— Ишши, — напомнил я. — В наше демократичное время всякий человек обязан быть голым под недремлющим оком правительства и просто любопытствующих. Проверь все. Вплоть до чеков за покупку пирожных. Где большие деньги, там и конкуренция.

Она фыркнула, не стала даже объяснять, что и так работает на трех-четырех уровнях, просеивая как «информацию для всех» из соцсетей, сайтов знакомств и клубов по интересам, так и не для всех, но недостаточно закрытых примитивными паролями, просматривает

личные письма в имейлах, записи в скайпе и прочих общалках, а я, наблюдая одним глазом за нею, закинул сеть еще шире, к тому же задал своему поиску высший приоритет.

Она совершенно не обращает на меня внимания, то хмурится, то вскидывает брови, или же патетически закатывает глаза, но взгляд не отрывается от экрана, сканировать успевает все, а прокручивать данные начинает, как вижу по мимике, все быстрее и быстрее.

Что я накопал, пока молчу, надо еще связать и обдумать, я все-таки не спец, мое преимущество в том, что могу залезть в самую засекреченную базу данных, но надо еще понять, что обнаружил, а самое главное, как воспользоваться.

— Что-то как-то непонятно, — проговорила она, — похоже, эта честнейшая и самоотверженная Ширли слишком уж уверилась в собственной правоте...

— Что накопала? — спросил я.

— Знакомство с неким Томом Фолкнером, — сказала она. — Тот еще орел!.. Не случайно говорят, война — зло.

— Немец? — спросил я.

— Швейцар, — ответила она. — Из Брно. Или Берна, не запомнила, как пишется. Живет по всему свету, последние два года в Москве. Отходит.

— От синдрома войны? — спросил я понимающе.

— Но не может остановиться, — пояснила она. — Нет, не убивает, но ведет себя... неадекватно. Везде ищет риск. И не брезгует быстрым заработком.

— Насколько они знакомы?

— Сейчас копаю, — сообщила она. — То, что купировались, ни о чем не говорит, это не повод даже для знакомства, не говоря уже о чем-то еще. Но то, что их

встречи, как сейчас вижу, проходили втайне или даже в тайне... гм...

— Давай навестим, — предложил я. — Пока не поговорим, не узнаем, что он за птица. Издали может казаться орлом, а вблизи так и на воробья не тянет. Бывает.

— У нас на него ничего нет, — предупредила она.

— А мы ничего ему и не присобачиваем, — ответил я бодро. — Просто поговорим.

— А если не захочет говорить?

— Покажешь ему сиськи.

Она поморщилась.

— Думаешь, он их еще не видел?

Я изумился.

— Уже показывала?

— Не ему, — ответила она недовольно. — У всех женщин эти штуки одинаковы.

— Мода, — согласился я. — Все подгоняют под один размер. Но зато ты показываешь лучше всех!.. С выходом, как говаривала моя бабушка. С вывертом, как говорил дед... Вот тут его и расколем!

Она пожала плечами.

— Если поможет, почему нет? Но не думаю, что удивлю.

— Ты в полицейской форме и с пистолетом, — напомнил я. — Не косплей, он сразу поймет, что ты человек почти серьезный. И вдруг — сиськи! Жаль только, что две, могла бы и больше.

Она мило наморщила нос.

— Спасибо за «почти». Ладно, у меня появились новые вопросы к доктору Марату.

— И что? — спросил я с интересом. — Хочешь сама приобрести пакетик со снадобьем?

Она ответила уклончиво:

— Хочу узнать больше.

— Наша позиция малость глуповатая, — сказал я. — С допингами идет бесконечная изнурительная война... их запрещают и запрещают, но спортсмены все равно принимают. Почему?

Она опять пожала плечиками.

— Станный вопрос. А что, есть другой ответ?

— Потому принимают и карельгедин, — сказал я. — Чтобы быть сильнее, быстрее, сообразительнее... словом, успешнее других. Или хотя бы просто быть успешнее, чтобы суметь решить какую-то задачу, что почти не по зубам.

Она нахмурилась.

— Но если препарат не проверен...

— На мышах проверен, — сказал я, — а еще раньше на дрозофилах и лягушках. Но да, согласен, на человеке все может быть иначе. Скажи, сколько поколений должно пройти, чтобы власти выдали разрешение?

Она покусала губу, раздраженно дернула плечиком.

— Где грань, не знаю. Сама я, конечно, принимаю всякие ноотропы. Но те, что покупаю в аптеке! И на которых написано, что проверено и разрешено министерством здравоохранения!

— Женщина, — сказал я понимающе, — вы все осторожнее, потому что ценнее нас для воспроизводства. Но мы, мужчины, обязаны идти за горизонт, потому что туда ушли мамонты, а добывать их нам, мужчинам. Поэтому мы готовы рисковать больше. Потому что нам вас кормить!

— Ха, — ответила она с таким сарказмом, что придавил не только меня, но и все мужское население. — Кто кого кормит... Ты чего как-то баранистый?

— Да так, — сказал я. — Размышляю. Это такой процесс в мозгу... Головном, а то ты не на тот подумашь.

В коре головного мозга... Но что-то не сходится с этим подпольным производством.

— Ну-ну?

— Следи за дорогой, — напомнил я. — А то я хоть и красавец, глаз не отвести, но когда Синенко обнаружит на месте катастрофы два наших перемешавшихся трупа... представляешь, что он напредставляет?

Она зябко передернула плечами.

— Да уж, у мужчин фантазии еще те... Хоть и примитивные, но яркие. Как у всех животных.

— Суть метода, — сказал я, — в том, что берут кровь пациента на анализ, и если человек сравнительно здоров, то из той же порции крови выделяются необходимые элементы для перестройки генного кода, как утверждает доктор Зюзя.

Она буркнула с подозрением:

— Ну?

— Затем, — пояснил я старательно, — все тщательно упаковывается в капсулу. Капсула растворяется только в тонкой кишке. Я объясняю доступно? Содержимое капсулы всасывается, и начинается процесс встраивания в организм человека нового генетического материала. Естественно, не вызовет отторжения, так как его же родные клетки, только более молодые, жизнеспособные и здоровые.

Глава 7

Она слушала меня внимательно и дальше, пару раз теряла нить, но я это видел, возвращался и объяснял, стараясь, чтобы не было видно, что объясняю чересчур старательно, как второгоднице. Впрочем, она же в полиции, а не в министерстве финансов.

— Здорово, — проговорила она, — какой ты умный. Сам все понял или кто рассказал? Пока все логично... Особенно и не сбивался, только запас слов у тебя маловат. А что тут не так?

— Что-то, — ответил я. — Что-то именно не так. Слишком...

— Что слишком?

— Слишком легко, — сказал я.

— А что, — спросила она, — Ширли не могла наткнуться на такое раньше других?

— Не могла, — буркнул я. — Это в кино одинокий гений что-то изобретает, а в реале такое, как ни печально для романтиков, исключено. Давно. Открытия делают те центры, у которых бюджеты не меньше миллиарда, а ученых не меньше тысячи. Причем докторов наук должно быть больше сотни на эту тысячу светлых умов.

Она сказала озадаченно:

— Все так невесело?

— Зато мир стал предсказуемое, — пояснил я. — Примерно знаем, когда и от кого что ждать. Курцвейл расписал все по годам, когда что будет открыто и внедрено. До самой сингулярности и завоевания всей вселенной расписал!.. И самое обнадеживающее, что его предсказания исполняются почти с точностью.

— Кто такой Курцвейл? — спросила она. — Певец или музыкант?

— Футболист, — ответил я с ее же сарказмом. — В этом деле, что ты взяла расследовать, большие деньги. Не в смысле, что лежат в комнате, а вообще... Ты же слышала, одна капсула стоит пятьдесят тысяч долларов! Всего тысяча купивших — и вот уже пятьдесят миллионов долларов!

Она вздохнула.

— А купить могут и намного больше. Впервые медицина становятся самой богатой профессией!

— Да, — согласился я. — Когда «Нам жизнь не дорога!», на таких не заработаешь, а теперь... Но где большие деньги, там и всякие хитрецы. Правда, тебе это незнакомо, ты же больше по семейным ссорам...

— Заткнись, — велела она. — Ты его подозреваешь или нет?

— Подозреваю, — сказал я нехотя, — но еще не знаю в чем. Придется, наверное, пройтись по цепи его исследований. Начиная с момента, как берут кровь у пациента и что с нею делают...

Она посмотрела почти с ужасом.

— Ты что? Чтобы такое сделать, понадобится целый научно-исследовательский институт!.. Да и потом... Сам говорил, не проверить, работает или не работает препарат.

— Да проверять все и не надо, — пояснил я, — а так... пробежаться по верхушкам. Если где-то брехня, заметим. Ну ладно, тебе лень, а я замечу.

Она посмотрела в изумлении.

— А ты что... поймешь?

Я ответил скромно:

— Когда все сделано, почему нет?.. И ты бы проследила, да тебе все некогда. Давай займемся? Я постараюсь понять, что же он такое сделал, вдруг да в самом деле переворот в науке... возьму да воспользуюсь, на благо всего прогрессивного себя. А ты поройся в его прошлом.

Синенко увидел, как мы поднялись из-за стола, вскочил достаточно резко.

— Эй-эй!.. Капитан велел сопровождать вас. А то, говорит, они какие-то не совсем такие.

Мариэтта огрызнулась:

— А ты такой?

— Самый что ни есть, — сообщил он гордо. — Поехали!.. Не беспокойтесь, сяду сзади. Мне так виднее, если кто не понял. Вас виднее.

— Если что, — сказал я, — то я не против. Даже за. Надеюсь, при свидетелях Мариэтта меня бить не будет.

— Но если вздумает застрелить, — уточнил он, — то я ничего не увижу. Я бываю такой рассеянный...

Мариэтта вышла первой, мы с Синенко разместились на правой стороне, я впереди, он на заднем сиденье, она резко ткнула пальцем в экран навигатора.

Марат Хисамович если и удивился нашему визиту, но заметного беспокойства не выказал, ему бы дипломатом быть, а не директором научно-исследовательского центра биотехнологий.

— Ничего-ничего, — успокоил в ответ на извинения Мариэтты. — Мне всегда приятен интерес к нашей работе... не говоря уже о том, что общаться с красивой женщиной — всегда счастье. Вы правы, сейчас весь мир помешан на молодости и на ее продлении... Садитесь, пожалуйста. Я очень занят, но полиция... гм... настолько необычные здесь гости, что охотно удовлетворю ваше любопытство.

— Ученые тоже помешаны? — спросила она.

Он понимающе улыбнулся.

— Ученые тоже люди. Хотя и лучшие из человеческого племени.

— Ну да, — сказала она. — По прогнозам Курцвейла, до бессмертия осталось не больше двадцати лет! Здорово?

— Весь мир ждет, — сказал он, — да, весь мир уже затаил дыхание... И готов пойти на все, чтобы растянуть оставшиеся годы еще на эти двадцать лет.

Она кивнула.

— Когда говорят «на все», подразумевают диеты, приемы лекарств, физические нагрузки, здоровый сон... но мы, полиция, знаем, что термин «на все» означает гораздо больше.

— Шире, — сказал он с пониманием.

— Намного шире, — согласилась она. — Но есть красная черта, через которую переступать нельзя.

— Ради вечной жизни, — ответил он смиренно, — даже самые сознательные люди могут пойти на самые страшные преступления.

— Рада, — сказала она, — что вы это понимаете. — Я уже сталкивалась с преступлениями на этой новой для криминалистики почве.

Он широко улыбнулся.

— Понимаю, куда вы клоните. Но у нас нет почвы для преступлений. Мы всего лишь ученые. Преступления... это в каком-то другом мире, опасном и непонятном.

— Ученые тоже жить хотят, — заметила она. — Вечно.

Он все поглядывал на меня, я слишком таинственен, молчу в тряпочку, я сказал скромно:

— Ученые хотят больше всех остальных. Среди остальных куча религиозных фанатиков, одни ждут после смерти рая, другие — гурий, третьи — воссоединения с Рерихом, а кому-то и эта жизнь обрыдла, мечтают просто сдохнуть. В основном это молодежь, которая все на свете и в жизни повидала, все знает и ничего нового не ждет.

Он вежливо поклонился мне.

— Это звучит цинично, однако... если честно... уж простите, мы и так бессмертие получим раньше, чем даже президенты или миллиардеры. Потому нам не

нужно ловчить, чтобы кого-то опередить, перехватить...

— Ничего циничного, — заверил я. — Ученые и должны получить бессмертие первыми. Как бы дорого оно ни обошлось. Но моя коллега имеет в виду, что ученые не могут существовать в пустоте, на каждого ученого по сотне тех, кто заносит им хвосты на поворотах.

Он улыбнулся.

— Автоматизация заменила почти всех, но, конечно, ряд работ пока еще, как вы понимаете, не автоматизировать. Не потому, что наукоемкие, просто сегодня нужно одно, завтра другое... Какая уж тут автоматизация.

Мариэтта, хватая все на лету, сказала быстро:

— Нам нужен список всех, кто работает в вашем центре и кто имеет доступ к препаратам в вашей лаборатории.

Он развел руками.

— В центре работают тысячи человек, но доступ к препаратам у десятка, не больше. Я имею в виду близких сотрудников, включая меня и доктора Уварова, моего помощника.

— Это сужает поиск, — согласился я. — Десять человек, как я полагаю, все-таки меньше, чем тысяча... хотя я и не силен в математике.

Он улыбнулся.

— Я биолог, потому не силен тоже. Мой помощник вам даст полный список... Хотя при чем тут помощник? Это я по старинке. Через три секунды у вас на руках будет распечатка с именами и фамилиями всех допущенных. Боюсь, будете разочарованы.

— Почему? — спросила она. — Все, что связано с достижением бессмертия, окружено ореолом жгучей тайны.

Он улыбнулся.

— Я понял, понял... Но здесь вас чутье подвело. Наша фирма вовсе не стремится найти, как говорят в народе, эликсир бессмертия. Мы прекрасно понимаем, что нам это не по силам, даже если у нас все гении. Нужны сотни миллиардов долларов, мощные лаборатории с уникальным оборудованием и тысячи величайших умов в области медицины и биологии.

— А у вас?

Он ответил просто:

— Вы правы, у нас этого нет.

Она спросила настойчиво:

— Так что вы производите?

— Нишевый продукт, — ответил он. — Хотя это очень широкая, я бы сказал, ниша.

— Простите?

— Всего лишь промежуточную ступеньку, — пояснил он. — Мы даже не пытаемся достичь бессмертия, его получают более крупные игроки. А мы всего лишь даем людям возможность прожить еще десяток-другой лет дольше отведенного срока, чтобы дотянуть до того момента, когда будет открыто... точнее, создано бессмертие.

Мариэтта, судя по ее виду, малость скисла. Марат Хисамович выглядит абсолютно правым, ее скрытые анализаторы сообщают, что он не врёт, не волнуется, не пытается что-то скрыть, поведение абсолютно естественное...

Я слушал, одновременно шарил по Инету и собирал все-все, что могло относиться к делу, хотя бы каким-то боком. Мозг пока что, чувствую, не скоро оцифруют и снабдят чем-то подобным ИИ, обработка данных идет в таком диком режиме, что даже не представляю, сколько суперкомпьютеров нужно со-

единить... хотя нет, даже они не конкуренты, мой мозг, каким бы ни был ленивым, однако работает в тысячи раз быстрее и точнее.

Синенко спросил:

— А сколько стоит доза?

Марат Хисамович улыбнулся, переспросил, игриво приподняв бровь:

— Доза?

— Порция, — поправил себя Синенко.

— Всего-навсего, — ответил Марат Хисамович с великолепнейшей небрежностью, — пятьдесят тысяч долларов.

Синенко присвистнул:

— Чё-чё?.. Одна таблетка? Или пилюлька?.. Да я лучше «Мерседес» куплю!

Марат Хисамович широко улыбнулся.

— Вы нормальный человек, — сказал он легко. — Вы не представляете, сколько миллиардеров, не говоря уже о рядовых миллионерах, предпочитают купить еще один дорогой автомобиль к своим двадцати уже собранным в личном стоиле! Или приобрести яхту покруче, вместо того чтобы прожить на десять лет дольше.

— Ну, — буркнул Синенко, — я ж пока не миллиардер... почему-то, сам не пойму.

— Богатые и бедные, — пояснил Синенко, — одинаково не делают попытки продлить себе жизнь!.. Дико? Лишь немногие понимают и готовы отдать последнее...

— Немногие, — сказала Мариэтта деловым голосом, — это сколько: полпроцента? Сотая доля?.. Но и тогда это сотни тысяч человек!

Марат Хисамович сдержанно улыбнулся.

— Должен признаться, клиентов у нас достаточно. Не успеваем снабжать нашей продукцией. Все-таки у нас не производство, а пока только лаборатория.

Я сказал вежливо:

— Да, глуповато не попытаться продлить жизнь. Наследники пропьют и проиграют в карты, а потом помрут от передоза.

— Вы понимаете проблему, — сказал он. — А насчет стоимости... Объясните своему товарищу, мы только начали! Это первая партия. Через полгода цена упадет вдвое, а через год в десять раз. Мы уже рассчитали...

— А-а-а, — сказал Синенко. — Тогда подожду. Думаю, пару лет еще протяну.

Марат Хисамович бросил на него внимательный взгляд.

— Да, конечно. У вас есть приличный запас лет. Но лучше начать как можно раньше.

Он сказал таким тоном, что Синенко чуть не вскочил.

— Почему?

— На каждый год, — объяснил Марат Хисамович, — что вам остался, наш препарат добавит еще один. Понимаете?

Синенко пробормотал:

— Если мне осталось лет двадцать, то с препаратом проживу... сорок?

— Точно, — ответил Марат Хисамович. — Теперь понимаете, насколько важно начать пораньше? Теломеры, о которых вы наверняка слышали, лучше удлинить сейчас, когда они и так длинные, не то что в старости, когда на оставшиеся полгода, это я к примеру, добавится еще полгода. Мы работаем над увеличением мощности нашего препарата, но пока и то, что сделали, — уже прорыв! И для очень многих единственный способ продлить жизнь до того дня, когда будет открыто бессмертие.

Мариэтта слушала внимательно, то и дело косилась в сторону, там невидимый для меня в дополненной реальности экран анализатора, что-то высматривает, в мою сторону не разу не взглянула.

Я тоже вслушивался в плавную речь директора научно-исследовательского центра, что-то в ней тревожит, будто не ученый говорит, а менеджер, даже коммивояжер, старающийся втюхать какую-то ненужную, но дорогую вещь... хотя, с другой стороны, он так часто давал объяснения клиентам, что уже обкатал речь, убрал лишнее и оставил самое значимое...

Мариэтта просмотрела список на своем планшете, вскинула голову.

— Спасибо, все хорошо, однако...

Марат Хисамович приподнял бровь.

— Да-да, слушаю?

— Еще бы список, — закончила она, — тех, кто уволился недавно.

Синенко вставил:

— От вчерашнего дня и до года.

Марат Хисамович покачал головой.

— Такого списка нет, но, конечно, составить будет нетрудно. Подождите, я распоряжусь...

Глава 8

На улице свежо, за это время прошел легкий дождик, полицейская машина сверкает, как елочная игрушка, увидела нас, начала торопливо разворачиваться на тесной стоянке.

Синенко, хмурый как туча, проворчал недовольно:

— Этот список можно бы получить прямо из участка.

— А понаблюдать за его реакцией? — спросила Мариэтта. — Мне кажется, этот Хисамович что-то недоговаривает...

Синенко сказал, не глядя в нашу сторону:

— А чего твой арестованный молчит?.. Покрывает сообщника?

— Я не силен в науке, — признался я, — но мне кажется, работа АТФ-синтазы связана с вращением ее отдельных частей... Ну, как ротор двигается в отношении статора, так и эта энергообразующая штука синтезирует молекулы АТФ, потому транслоказа лишь обменивает синтезированную АТФ на цитоплазмическую ФДФ... ты следишь за моей мыслью?.. Что сохраняет адениловые нуклеотиды внутри митохондрий... а здесь причину и следствие поменяли местами! Вопрос: это невежество или желание направить промышленных шпионов на ложный путь?

Синенко посмотрел на меня, обратился к Мариэтте:

— Давай его арестуем за издевательство над служащими правопорядка?

Я поинтересовался:

— А как обоснуете?

— Я ни слова не понял, — заявил он. — А это значит, надо мной издеваются! Над полицией все издеваются! Может быть, ты нас материл по-латыни!.. Точно материл, убежден. Мариэтта?

Она напряженно думала, покачала головой.

— А если все еще проще? Там просто жулики, прикрывающиеся научными вывесками? А что, не бывает докторов наук среди жуликов?

— Скажи иначе, — произнес он, — не бывает среди жуликов докторов наук? Они везде, как и масоны!

Автомобиль наконец выбрался к нам, виновато и услужливо распахнул три дверцы, две спереди и одну сзади.

— Всех арестуем, — сказала Мариэтта.

Синенко воскликнул:

— Я это и говорю! Юджин, лицом к машине! Руки за спину и на капот!.. Скрестить...

Мариэтта ответила с досадой:

— Это жук еще тот, но я говорю об этом Марате Хисамовиче и его компании. Насколько понимаю, над резким продлением жизни работают сверхкрупные корпорации. У каждой из них сотни тысяч сотрудников, это больше, чем при разработке космического корабля «Вилминд-35» или в корпорации «Маска» по постройке космических лифтов в каждом городе планеты...

Синенко вздохнул с разочарованием.

— Хочешь сказать, эта фирма не слишком богата? Я бы не сказал...

Она покачала головой.

— Я не вижу ее логотипа среди сотни ведущих в этой области.

— Ты шустрая, — признался он. — Когда ты успела? Никогда за тобой не успевал. Значит, едем к Уварову, его помощнику?

— Едем, — ответила она.

Они сели в машину, я остался, Мариэтта выглянула, глядя на меня снизу вверх, как вообще-то и должна смотреть женщина на человека, красивые брови приподнялись в изумлении.

— А ты чего?

Я ответил смиренно:

— Во-первых, меня не пригласили. Во-вторых, я слышал в свой адрес странные и незауавалированные угрозы, что обижают мое человеческое и даже мужское достоинство.

Она фыркнула.

— Ты не похож на тех, кому нужны приглашения.

— Но все же я останусь, — отрезал я. — И вообще мне Яшку пора кормить. Если обо мне никто не заботится, это не значит, что я тоже перестану заботиться о других.

Она сказала серьезно:

— Юджин, прости! Ты в самом деле нужен. Хочешь позаботиться — позаботься и о нас.

Я покачал головой.

— Не тянешь на Яшку.

— Тяну, — заверила она. — Я еще тот Яшка!.. Представь, что у тебя два Яшки.

Я передернул плечами.

— Кошмар... Ладно, посмотрю, что там у вас. Но чисто из любопытства. Просто я люблю приумножать знания, как настойчиво советовал Владимир Ильич Ленин. Был такой философ, «Материализм и эмпириокритицизм» написал...

Синенко прервал:

— Меня высадите возле участка! Зря с вами поехал. Ладно, я этого Уварова по всем базам пошерстю. И остальных помощников с соратниками. Потом сопоставим, что-то да выплывет.

Он вылез из машины прямо перед зданием полиции, очень недовольный, я тоже чувствовал, что где-то потеряли темп, нам бы сразу, чтобы преступник увидел нас и бросился удирать, вот тут-то мы, орлы, догоним и повяжем, после чего Мариэтта бодро отрапортует о блистательном задержании.

Она послала автомобиль по новому адресу, я проговорил медленно:

— Нам бы, да, сперва разобраться... Понятно, что тема бессмертия... как бы сказать... весьма! Да-да, весь-

ма. Много энтузиастов, но много и жуликов. Это полярные концы. А посредине огромное число просто нормальных добросовестных ученых, что за хорошее жалование работают над перспективной темой. Многие из них остались бы на этой работе, если срезать им жалование вполовину, но многие уйдут, к примеру, в пластическую хирургию, что здоровья всем нам не прибавит, зато жалование вырастет у этих специалистов вчетверо.

Она сказала недовольно:

— У тебя какие-то предположения?

— Конечно, — ответил я. — Кроме уверенности, что ты красивая, я еще предполагаю, что Марат Хисамович что-то недоговаривает.

Она покачала головой.

— Я проверила по всем базам. Доктор наук, автор ряда патентов, издал два десятка серьезных работ, в научных кругах известен. Репутация не слишком безупречная, однако...

— Не слишком, — прервал я, — это какая?

— Радикал, — пояснила она. — По молодости всегда был слишком горячим, участвовал в разного рода сходах и митингах, а когда защитился и занялся наукой, то выступал за отмену всяких ограничений с опытами. Привлекался за нецелевое использование средств. Честно говоря, мне самой непонятно, почему запрещены эксперименты с обезьянами, не говоря уже о собаках, на которых Павлов поставил все свои опыты и получил Нобелевскую премию...

— Насчет собак верно, — сказал я, — их жалко, они друзья, а кто над друзьями ставит опыты? Другое дело — кошки или обезьяны... Особенно обезьяны, их вообще можно всех истребить за то, что это не животные, а всего лишь карикатуры на человека.

Она хмыкнула.

— Не зря же в Библии сказано, что обезьян сотворил Сатана, когда пытался превзойти Бога.

— Хотя в Библии такого нет, — сказал я весело, — но ход твоих мыслей мне нравится.

— Почему это нет? — спросила она задиристо.

— Просто нет, — ответил я, на всякий случай прошелся еще поиском, что у нас по-русски называется сечем, это заняло стотысячную долю секунды, — это выдумка. Фольклор. Но хороший. Встречается у Дионисия Оссирийского в третьем веке, у Аппанария Глесского в трудах о Природе Начала... Я их могу понять, прикололись, мудрецы — тоже люди. В общем, он мне даже нравится.

— Нарушением законов?

— Законы в этой области еще не приняты, — напомнил я. — Принято ссылаться на этику, мораль, вернее моральные запреты... Но Марат Хисамович не один такой. Думаю, большинство населения за то, чтобы выпустить не проверенное до конца средство от старости в продажу.

Она понимающе кивнула.

— Ну да, все равно умирают, так хоть пользу принесут... Но это аморально.

— Что морально, — сказал я, — или аморально — записано в Библии. Вся наша этика и все ценности оттуда. Но сейчас наступил момент, когда мир уже не вписывается в библейские рамки... Эти вызовы вне морали!

Она посмотрела на меня несколько странно, как посматривала за последние пару дней все чаще.

— Ты изменился, — проговорила она. — Я не понимаю...

— Чего?

— Когда ты настоящий, — пояснила она. — Тот прежний или нынешний?

— Ни тот ни другой, — ответил я загадочно.

— Как это?

— Придет третий, — проговорил я замогильным голосом. — Ужо он и схватит...

Она вздрогнула, повела зябко плечиками.

— У меня уже сейчас от тебя шерсть дыбом.

— Да? — спросил я. — А мне казалось, у тебя везде эпиляция. Давай не спешить пока с выводами. Мне Марат Хисамович в целом симпатичен... Хотя, конечно, даже честнейшие люди иногда подделывают результаты экспериментов.

Она изумилась:

— Какие же они тогда честнейшие?

— Такое бывает, — заверил я. — Теория суха, а жизнь зеленеет.

Она фыркнула:

— Люди либо честные, либо нечестные! Середины нет. Или можно быть немножко беременной?

— А немножко честным можно, — сказал я бодро. — Это что, в том доме?.. Шикарный особняк. Главное, в черте города. Но дом нежилой, больше смахивает на аристократический цех. Цеха могут быть аристократическими? Не в смысле, что там работают аристократы, а как бы... Мне кажется, или это тот самый НИИ, где командует Кравцов?

— Заткнись, — посоветовала она.

— Какая ты ласковая, — сказала я с одобрением. — Не вдарила! А могла бы.

— И хотела, — подтвердила она. — Но у меня железная сила воли и нечеловеческая сдержанность, заметил?.. Если там цех или хотя бы какое-то производство, то туда так просто не пройти.

— Даже полиции?

— Даже полиции нужен повод, — сообщила она. — А на обыск вообще без ордера ни шагу.

Она остановила машину в сторонке на стоянке, вышли мы веселые и смеющиеся, это на случай наблюдения, от хохочущих не ждут пакостей. Если смеются — дураки, значит, такие не опасные, дураки — основа любого общества, становой хребет, опора демократии.

Я, обнимая ее за плечи, повел по тротуару, не глядя на здание, только краешком глаза отмечал расположение внутренней проводки и где какие видеокмеры.

Так дошли до конца квартала, Мариэтта хотела развернуться, но я придержал: на перекрестке собралась небольшая толпа, не больше дюжины, сосредоточенно слушают девочку-подростка, высоким чистым голосом поет без всякого сопровождения о Родине, о том, что враг приближается, нужно дать отпор, следует быть готовым драться без пощады ни к себе, ни к врагу... и я с изумлением ощутил, как чаще начинает биться мое сердце, обе руки заканчиваются, оказывается, кулаками, тяжелыми и просто несокрушимыми, вот-вот затрещит скелет врага в моих свирепых скифских лапах...

Мариэтта ударила меня в бок.

— Ты что?

Я прохрипел:

— Я... да так... слушаю...

Она сказала озабоченно:

— Тебя сейчас разорвет... И пульс озверел, и давление... ты как граната со снятой чекой!

— Щас, — проговорил я, — вставляю... так вставляю этому дураку... Пойдем отсюда.

Она оттащила меня в сторону, спросила шепотом, пугливо оглядываясь по сторонам:

— Ты что... может быть... вообще патриот?

Я промывчал:

— Не знаю... Раньше за собой не замечал... Я же транс-гуманист, а мы все интернационалисты, даже космополиты... Но, блин, как она мою душу разбудила!.. Надо с врагами бороться! Надо их перебить всех, сволочей!

Она тряхнула меня за плечи.

— Кого? Каких врагов?

— Не знаю, — признался я. — Биоконов, к примеру. Они же гады?.. Уничтожить!.. Всех!.. С корнем. Транс-гуманизм — самая светлая и гуманная партия!.. Остальных — в топку...

Она дотащила меня до авто, запихнула и побыстрее вывела машину на трассу и погнала на полной скорости.

— Хорошо, — сказал я с облегчением. — Какой же трансгуманист не любит быстрой езды...

Она быстро зыркнула в мою сторону.

— Отходишь?.. Ты в самом деле интеллигент, что ли?.. Никогда бы не подумала, что ты такой... впечатлительный. Вроде чурбан чурбаном, на твоей голове только дрова колоть...

— Сам не ожидал, — буркнул я. — Наверное, просто давно не слышал хороших песен. Отвык. На сцене только всякое говно с голыми девками... Куда ни сунься, везде говно во славу демократии. А тут резануло.

Она буркнула:

— Я уже сообщила кому следует. Сейчас их повяжут и отвезут куда нужно. Там узнают, кто все это устроил. И зачем.

Я вздохнул.

— А если без всякой цели?

— Всегда есть цель, — отрезала она.

— Но могут быть и хорошие цели, — предположил я. — Не обязательно же низвержение режима!.. Тем более что он не только от Лиссабона до Владивостока, но и вообще... Это же песня.

— Песни опаснее танков, — сказала она твердо. — Я видела падение Мадрида... Его брали с песней! Думаю, без нее бы город не захватили. Натовцы обороняли из всех сил, три дивизии полегло... Знаешь, воодушевление даже трансгуманиста может толкнуть на подвиг. А кому нужны подвиги в благополучном обществе? Подвиги опасны.

Я вздохнул.

— Ты права. Давай вернемся и пройдем еще разок около того здания... Когда-то подрабатывал электриком, кое-что помню... Так что могу попробовать разобраться в той системе. Если хорошо попросишь.

Ее глаза сузились.

— Ты о чем?

— Помогу тебе войти, — сообщил я любезно. — Тайком, как ты любишь.

Она отшатнулась.

— Без ордера?

— Потом притопашь с ордером, — сказал я. — Утром.

— Я никуда не хожу тайком, — заявила она гордо. — Полиция вообще не ходит тайком!

— Ну да, — согласился я, — она врывается, выбивая ногой двери. И стреляя во все, что движется. А если не движется, то дважды. На всякий случай. В общем, подумай, ты же не только женщина, которым думать не обязательно, но и полицейский, а это самец!.. Нет же такого слова, как полицейская?.. Ну вот, когда ты в форме, то самец, так что действуй по самцовости.

Она смерила меня злым взглядом.

— Это значит — по-дурацки?

— Точно, — согласился я. — Разве не дураки правят миром?.. И все делается для дураков, это не секрет. Даже Вселенная, говорят, устроена по-дурацки. Еще Альфонс Мудрый заметил и сказал, что если бы Господь, создавая мир, спросил у него совета, он бы подсказал, как сделать мир лучше.

Она покачала головой.

— Ты не сумеешь отключить всю сигнализацию.

— А если сумею?

— Не сумеешь!

— Тогда в чем дело? — спросил я бодро. — Ты увидишь мой позор, а это тебе как салом по... бедрам. К тому же сможешь меня арестовать за незаконное проникновение еще до прибытия полиции. Или посмотреть со стороны, как меня схватят и упекут. Как ты можешь отказаться от такого счастья?

Она подумала, морща лобик, посмотрела на меня испытующе.

— Это соблазн, — проговорила она, — отказаться трудно. Ладно, сегодня ночью?

— Да, — ответил я. — А вернемся ко мне, я тебя потренирую на кухне. Ужин должен быть таким, чтобы и в камере вспоминал! Ты сама в этом по своей злобности заинтересована, не так ли?

Глава 9

Через ворота поселка проехали уже молча, она что-то напряженно обдумывает, я так старательно собирал информацию, что мозг накалился, будто на горячей сковородке.

Когда приехали, я сел за комп, она отправилась программировать плиту на ужин, у меня же на кухне и в доме все не так и ужасно, сосредоточенно сопит и хмурит брови, настолько собранная, хотя это очень не по-женски на кухне думать о чем-то, кроме кухни.

Это мы, хоть и не признаемся, но даже в постели можем думать, как заменить с утра аккумуляторную батарею в старенькой «Тесле», а женщины есть женщины — существа прямые, отвлекаться не умеют, если сосредоточены, то сосредоточены...

— Знаешь, — сказала она вдруг, — нужно их предупредить об опасности этого препарата.

— Кого?

— Тех, кто приобретает.

— Думаешь, не знают? — спросил я. — Они пошли на риск по своей воле. Или, как говорят в полиции, добровольно.

— Все равно, — заявила она. — Они предполагали, что опасность тоже может быть, а вот мы это уже точно знаем.

— Еще нет, — сказал я и, наткнувшись на ее сердитый взгляд, пояснил: — Может быть, организм перебо-рет, такое бывает. И тогда в самом деле обновление и омолаживание организма без всяких проблем!

Она покачала головой.

— Это противозаконно. Надо сказать...

— И спугнуть главную дичь? — спросил я. — Сперва арестуй, потом обнародуй уже для всех. Кто потребляет, кто купил, но еще не успел... Знаешь, а вот клиентов они находят старым проверенным способом.

— Как?

— По Инету, — пояснил я. — Хочешь, покажу? Есть сайт, где рассказывают о чудо-препарате, который дает молодость, рассказывают, как это действует. Потом в

конце скромно сообщают, что по нашему законодательству он поступит в продажу, когда пройдет все клинические испытания.

Она кивнула.

— Кажется, начинаю догадываться.

— Вот-вот. Все заинтересованные в своем здоровье сразу горько вздыхают: мыши живут два года, на них опыты поставить легко, если мышь проживет четыре года, то и человек проживет двести лет... но проклятые бюрократы тормозят науку и прогресс в медицине, обрекая миллионы людей на смерть... Это, конечно, не так, но простому человеку не вдолбишь. Чем человек ограниченнее, тем увереннее в своей правоте. Ты вот сложная, сразу врубилась... Или не сразу?

— Хрюкай дальше, — велела она.

— Любому понятно, — сказал я со скукой в голосе, — что ждать придется много лет... Но в конце сообщения о чудо-препарате есть приписка, что клиника приглашает для тестирования добровольцев.

Она кивнула.

— И этим добровольцам впаривают...

— Точно, — сказал я. — Я же говорил, ты — сложная натура. Стоило семь раз повторить, сразу поняла. Прибывшим по адресу говорят, что набор добровольцев уже закончен, но...

— ...могут негласно продать упаковку, — подхватила она, — чтобы расширить рамки эксперимента. В интересах науки, разумеется. Но рассказывать об этом не следует, а то начнутся бюрократические проверки, придирки, исследования замедлятся, препарат останется таким же дорогим и на следующий год...

— Хорошо, — согласился я. — Вот видишь, и ты не только стрелять умеешь.

Она отрезала задиристо:

— Я много чего умею!

— Проверим, — пообещал я. — При случае. А случай, конечно, найдем. Не найдем, так... ага, вот оно! Как только узнаем полный состав препарата, можно отследить по медицинским листам, кто его принимал... Даже тех отыщем, кто не признается.

Она фыркнула:

— А если у них все хорошо и в больницы не обращались?

— Это да, — согласился я. — Как-то не подумал... Когда все хорошо, кто из нас пойдет проверяться? Хотя да, из людей никто, но женщины — существа осторожные. Они хоть панически боятся старости, но купить купят, а потом после первой же дозы побегут сдавать анализы. Не все, но эти существа такие, верно?

Она пожала плечами.

— Я бы не пошла. Правда, я бы и не купила.

— Дорого, — согласился я.

Она поморщилась.

— Даже с миллионами не стала бы. Успею дожить до бессмертия, а там возьму себе молодое тело.

— Бери это, — сказал я, — у тебя все просто чудо. Что сиськи, что жопа...

Она кивнула с милостивым видом.

— Спасибо. Я тоже ими довольна. А что еще?

— А что, — изумился я, — у тебя что-то еще?.. Ах да, лицо... эта... глаза, ну да, глаза еще да...

— Хватит, — отрезала она. — Не поняла, как ты отследишь через медицинские карты?

Я посмотрел на нее в изумлении.

— Сейчас все в электронном виде, женщина. А не на камнях или папирусе. Даже не на пергаменте.

Она сказала ядовито:

— Вряд ли тебе дадут адреса тех, кто купил карель-гедин. Думаю, это все осуществлялось негласно.

— Да ну? — изумился я. — Нелегально? Кто бы подумал... Тогда тебе придется как-то достать образец. Можно, например, купить одну упаковку. Что для вашей полиции пятьдесят тысяч долларов? У вас же там, судя по прессе, все взяточники и коррупционеры, на «Бентлях» простых нищевродов вроде меня давите.

Она нахмурилась.

— Не умеешь острить — лежи у порога и сопи в тряпку.

— Тогда вариант, — сказал я, — подстеречь счастливого покупателя, дать по башке и выхватить сумку?

— На улице? — спросила она с презрением. — Все фиксируется видеокамерами!

— А-а, — сказал я с облегчением, — а уж боялся, что скажешь, дескать, нехорошо грабить...

Она сказала раздраженно:

— Это само собой. Я напомнила, что все фиксируется.

— Камеры и отключить можно, — сказал я. — Если эту задачу возьму на себя, ты сумеешь отключить свою законопослушность?

— Законопослушность могу, — отрезала она, — а устои — нет. Тебя мама не учила, что воровать нехорошо?.. А вот меня учила.

— Представляю, — сказал я с уважением, — каким ты была ребенком. Моей такое и в голову не пришло бы... Ладно, а забраться тайком в их лабораторию?

— Не получится, — сказала она твердо.

— Почему? Ты ее охраняешь?

Она сказала с резкостью в голосе:

— Там тоже везде наблюдение. И охранные системы! Сразу поднимут тревогу, заблокируют входы-выходы.

Я, чтобы скоротать время до позднего вечера, серфил в Инете, рассматривал самые разные бриллианты. Как мне сообщил мой крайне благожелательный наниматель, алмазы в тысячи раз повышают качество луча, удлиняют его путь, усиливают его яркость, но самое главное, позволяют сосредоточить мощность лазерного луча на самой крохотной мишени.

Я полазил по всему Инету и убедился, сравнивая характеристики, что алмазы вообще в тысячи раз превосходят другие минералы по термическим свойствам, а «мой» алмаз, за которым была такая охота, превосходит остальные тоже в тысячи раз.

Я распечатал один для наглядности и повесил на стену над столом. Мариэтта подошла, фыркнула.

— Ты на что такое странное подсел? — спросила она с подозрением. — Надумал пол сменить? Ах, лазеры... Лузеры запали на лазеры?

— Зачем так неласково, — ответил я с достоинством. — А еще женщина... Лазеры уже вовсю для дома, для семьи... в военном деле.

Она отмахнулась.

— Неэкономичны. И слишком дорогие. Проще всего молотком по голове.

— Это да, — согласился я. — Но все-таки хотелось бы самому посмотреть устройство боевого лазера... Ну любопытный я, любопытный! Люблю все красивое.

Она поморщилась.

— Мужчины никогда не взрослеют. Хочешь, и трусики сниму?

— Снимай, — ответил я великодушно. — У меня в доме двадцать пять по Цельсию на первом этаже и на градус выше на втором по Кельвину.

— Грамотный, — сказала она язвительно. — А у нас в деревне все Фаренгейтом меряют. Даже давление.

— Артериальное или атмосферное?

— А что, — спросила она, — еще какое-то бывает?

— Бывает давление полиции, — сказал я с намеком, — на простых и простодушных, вот как я...

В распахнутую настежь дверь ворвался Яшка, перепачканный землей и с грязными лапами, ринулся ко мне, игнорируя Мариэтту. Я нагнулся, вытер ему конечности, сколько же нор нарыл, вытаскивая таких вкусных дождевых червяков, теперь точно не с чем идти на рыбалку... Правда, еще ни разу не ходил.

Мариэтта рассматривала нас с суровым неодобрением.

— Избаловал ты его, — сказала она сердито. — У твоей жабы должно быть свое запатентованное место!.. Почему лезет к нам?

— Ты сама приучила, — сказал я. — Кто чесал и гладил?

— Просто старалась подружиться.

— Ну вот теперь и терпи. Я же тебя терплю?

— Но-но, — сказала она грозно. — Я при исполнении. И все еще на службе. За это еще и отгулы истребую! Или прибавлю их к отпуску.

Я поинтересовался:

— А я могу пожаловаться на чрезмерное применение полицией силы?

— Можешь, — ответила она великодушно, — но не станешь.

— Почему?

— А не стыдно будет? — спросила она. — Что-то в тебе такое... пещерное, что ли. Мой анализатор твоего поведения твердит, что ты еще не до конца расстался с предрассудками прошлых веков о неравенстве полов. Да я и сама заметила, но рапорт напишу, когда соберу чуть больше данных.

— Что, полиция и этим занимается?

Она ответила с достоинством:

— Я не в полицию готовлю рапорт. Как социально адаптированный житель капну на тебя в Комитет социализации. У него прав, как ты знаешь, больше, чем было у НКВД и КГБ, вместе взятых.

— Жуть какая, — сказал я с содроганием. — Придется удавить тебя во сне. А где труп спрячу, сама увидишь, когда там окажешься. Я нарочито оставлю твои глаза открытыми, а язык высунутым.

Она поморщилась.

— А язык при чем?

— Так смешнее, — пояснил я.

Она вздохнула, красиво повернула руку, глядя на часики.

— Ого!.. Можно выезжать.

— Рановато, — сказал я. — Лучше в полночь.

— В полночь и прибудем, — отрезала она. — Если будем гнать на предельной скорости, нами заинтересуются. Лучше так, словно возвращаемся с вечеринки в коттедже...

Я вздохнул, поднялся.

— Умеешь испортить любое романтическое свидание. Ладно, как-нибудь отомщу страшным образом. Но сперва поедим, а то мне будет грустно.

— Это да, — согласилась она бодро. — Повеселиться ты умеешь.

Ночной город я вообще-то люблю, но только если освещен так, чтобы нигде ни темного пятнышка. Иначе для меня ночной город — это другой мир, я в нем должен ориентироваться как-то иначе. Даже когда здания освещают снизу вверх, я уже смотрю, как баран, для которого солнце светит только сверху, почему мир перевернулся...

Мариэтта вела автомобиль сама, нравится держать по-мужски руль в руках, я посматривал по сторонам, то и дело занырявая во Всемирную паутину, там постоянно сменяются новости науки и техники, впервые я начал просматривать их, а не кто сколько кому забил, и в каком составе «Грассхопперс» намерен выступить в нынешнем сезоне.

Мариэтта благоразумно остановила машину почти за квартал, вышла веселая, с ходу обняла меня за шею и влепила звучный поцелуй, так мы прошли до намеченного здания, где она шепнула:

— Что видишь?

— Моя красавица, — сказал я громко пьяным голосом и добавил шепотом: — Войдем вон там в тень...

Она похохатывала, а в тени я скользнул вдоль стены, вслушиваясь и вчувствуясь, тщательно наметил все выходящие на эту сторону системы охраны и оповещения, отрубил и вернулся к Мариэтте.

— Дураки, — сообщил я, — эта дверь без охраны.

Она прошептала:

— Ловушка?

— Нет, — заверил я, — а вот дальше... да, все может быть.

Она съежилась, когда я открыл дверь, но лишь чуть скрипнуло, никаких сирен, криков «Вторжение!.. Тревога!»

Глава 10

Она шумно перевела за моей спиной дыхание, осмотрелась в запыленном холле, а я сосредоточился, высматривая скрытые системы наблюдения и оповещения,

торопливо отключал до того, как войдем в зону их видимости.

Мариэтта спросила нервно:

— Но ты уверен?

— Да отключил, — заверил я, — еще как отключил!

Даже два раза.

Она дернулась.

— Как это два? Отключил и снова включил?

Я ухватил ее за руку.

— Да успокойся, впереди у нас цветет, за нами все горит... Схема простая, отрубил в два клика. Поскупилась на сложную, а эта так, ерунда. Даже ерундишка. Можно с закрытыми глазами, если нащупать.

— Убери лапы!.. Стой здесь, я пойду первой.

— Не пойдет, — возразил я. — Если там впереди еще какая-то хитрая сигнализация...

— Ты же сказал, что отключил!

— На комнату вперед, — пояснил я, — а вдруг там что-то ишшо страшное за углом? Выскочит и напугает?.. Мне только поскользнуться не хватало!

— Гад, — сказала она с отвращением. — Наглый гад.

Однако отступила, давая дорогу, но чуть, чтобы я задел, и в ответ пнула, показывая, что у нее крепкие мышцы десантницы.

Открыл дверь я достаточно уверенно, уже вижу, никого, обычная комната с дисплеями на столах, куда же без них, прошел к другой двери, Мариэтта двигается следом приставным шагом, напряжена, как тетива на готовом к стрельбе луке, но, надеюсь, если чихну, не станет палить во все стороны...

Я уже протянул руку к дверной ручке, но замер, глядя на слабо светящийся, словно накаленный до багровости, провод внутри стены.

Мариэтта спросила за спиной страшным шепотом:

— Что там?

— Блин, — сказал я, — у них еще и аварийный генератор... Или аккумулятор достаточно емкий...

Она прошептала:

— Уходим?

— Погоди, — сказал я. — Мало ли чего они там того...

А мы подумаем-подумаем, да и...

— ...ничего не придумаем?

— Нет...

— Просто удерем?

Я вытащил мобильник, потыкал пальцем, Мариэтта все равно не поймет, все-таки власть, а власти зачем понимание наших трудностей, на экране высветилась программка, которой никогда не пользовался, их у меня, как и у всех, несколько тысяч непонятно зачем, мы же богатые, я сделал несколько как бы переключений, проговорил тихонько:

— Ну вот и все.

Она шепнула:

— Что... неужели отключил?

— Запросто, — ответил я. — Ты тоже смогла бы, если бы шмогла. У тебя тоже все есть.

Она огрызнулась:

— Мало ли что мне назасовывали!.. Ты отключил сигнализацию или камеры?

— Даже подогрев пола, — сообщил я.

— Вырубил генератор? — спросила она. — Тогда тревожные сообщения придут на мобильники тех, кто уполномочен...

— Значит, — сказал я, — надо управиться раньше. Хотя могут и не прийти. Я же все отключил!

Эта комната втрое крупнее, экраны только на стенах, а на столах приборы и тридешные принтеры последнего поколения, рядом множество банок с ингредиента-

ми, есть даже трехлитровые, но и это не рекорд, я обнаружил еще и чан, откуда зачерпывать можно не ложкой, а ведрами.

— И что тут можно найти? — пробормотала она раздраженно.

— Ищи готовые к продаже, — подсказал я. — Или полуготовые. Нам нужен состав, а не красиво приклеенная этикетка... Вон там не они?

Она метнулась в ту сторону, посмотрела.

— Полуфабрикаты.

— Ничего не найдем, — сказал я, — возьмем и полуфабрикатами. А то и вовсе борзыми щенками. Ищи, где-то должно быть... погоди, вон там еще дверь...

Она с рвением помогла отодвинуть тяжелый стол, я распахнул дверь, оттуда едва не посыпались коробки с неплотно прикрученного к стене стеллажа.

— И здесь... не похоже.

— Ищи, — сказал я, — ищи. Должен быть!..

— Сколько у нас времени? — спросила она пугливо.

Я ответил торопливым шепотом:

— Похоже, вот оно...

Она мигом оказалась рядом, я быстро выдернул из коробки два одинаковых пузырька.

— Точно?

— Не уверен, — признался я, — но похоже. А теперь смываемся.

Спрятав оба в карман, я засунул коробку на прежнее место, Мариэтта зашипела зло, явно по-женски готова забрать все, но я подтолкнул ее к двери.

Она едва не дернула на себя дверную ручку, но со стороны улицы донесся визг тормозов, я ухватил за плечо и придержал. Громко хлопнула дверь автомобиля, хотя и не так уж громко, но у меня сейчас нервы натя-

нуты до предела, чувствую и слышу все так, словно с меня содрали кожу.

— Не успели, — шепнула она.

— Быстро обратно, — велел я.

— Может, — прошептала она, — сразу арестуем?

— А вдруг это простая спортивная добавка, — ответил я шепотом, — чтобы растить бицепс?

Я сжал ей локоть и потащил за собой. Едва успел впихнуть в боковую комнатку, шумно отворилась дверь, вбежали двое мужчин, судя по топоту, а следом еще и еще.

Мариэтта даже дышать перестала, я прошептал ей на ухо:

— Там в машине наверняка еще двое-трое... Следят за выходом.

— Вызывать спецназ?

— Поздно, — сказал я. — Они нас обнаружат раньше.

Пригнись вот за этим диваном...

Она пригнулась, а я, делая вид, что тоже прячусь, обогнул его с другой стороны и выскочил в коридор. Вбежавшие, тихо переговариваясь, поспешили в главное помещение, где один сразу сказал громко и с облегчением:

— Все цело!.. Какая же сволочь ухитрилась...

Второй сказал нерешительно:

— А если просто авария... Провода ветром оборвало?

— У нас запасной генератор! — возразил первый. — Нет, тут кто-то побывал хитрый...

Он насторожился, быстро зыркнул в сторону, вид такой, что смотрит в невидимый мне экран, то ли расширенная реальность, то ли дополненная, но, похоже, меня учуял, ладонь потянулась к рукояти пистолета, а сказал уж чересчур небрежно:

— Хотя ты прав, здесь никого не было. Мне почудилось...

Он начал круто разворачиваться, но у меня из-за дико барабанившего сердца все словно ускорилося, а мир замедлился, я сказал громко, все мы то ли чуточку позеры, то ли не можем просто вот так взять и выстрелить в спину, нам дай хоть липовый, но повод:

— Если почудилось, ляг поспи...

Холодная рукоять пистолета уже возникла в моей ладони, палец я держал наготове, он сразу ударился о скобу, и грянул выстрел. Второй боевик тоже развернулся в мою сторону, пистолет в руке, я всадил в него две пули, а потом выстрелил снова в первого.

Одна из пуль попала ему в живот, я услышал всхлип, вторая тоже угодила бы туда, но боевик резко согнулся от боли, и я увидел как в его блестящей макушке возникла дыра, что моментально закупорилась изнутри толстым кровавым сгустком.

Не прислушиваясь, я бросился вперед, в комнату вбежали двое с автоматами в руках, я изготовился и, задержав дыхание, высунулся из-за угла.

Оба пытались взять меня на прицел, но тяжелые раскаленные пули ударили в их тела, потом достали и головы.

Оба рухнули на пол, я поспешил обратно, что-то шустрой Мариэтты все еще нет здесь, неладно, на нее не похоже...

Острое чувство беды нахлынуло настолько резко, что у меня заныли зубы. Сквозь стену рассмотрел два голубых силуэта, в одном легко угадать Мариэтту, но второй держит ее на прицеле. Чертов шофер, я почти поверил, что все здесь, а он вошел так тихонько...

Если попытаюсь всадить в него пару пуль, то может успеть нажать на курок, все-таки через стену точно не получится...

Я медленно взялся за ручку двери и, стоя сбоку, крикнул:

— Эй, не стреляй... Давай договоримся!

Он крикнул люто:

— Выходи с поднятыми руками!.. Иначе мозги твоей мамзели будут соскребывать со всех четырех стен!

— Выхожу, — сказал я громко. — Мы договоримся. Я не из полиции, клянусь!.. Можешь сразу посмотреть по картотеке...

Я медленно-медленно отворил дверь и почти переплыл через порог, а там Мариэтта, застигнутая врасплох, стоит с поднятыми руками. Крупный парень тут же коротким движением ствола пистолета указал ей на место у двери, где я остановился.

— Мы конкуренты, — сказал я успокаивающе, — а так как оба профи, то нам незачем убивать друг друга...

Он зло ухмыльнулся.

— Группа захвата уже мчится?

— Нет, — заверил я. — Проверь, мы не сдвинемся с места. Мы, как и ты, в одной частной армии... Может быть, у нас даже один шеф.

Он сказал зло:

— Если не из полиции, тем более есть смысл пристрелить вас обоих!

Я всмотрелся, сказал с огромным облегчением:

— А как ты собираешься... с пустым магазином?

Мариэтта посмотрела на меня с недоумением, а боевик сделал ко мне шаг и сказал:

— А вот так!

Он быстро и резко выбросил вперед руку с пистолетом. Я дернул голову в сторону. Холодный металл

скользнул по скуле, чуть задев кожу, а мои руки автоматически перехватили его за локоть и плечо, я задержал дыхание и с силой бросил в стену.

Мариэтта ахнула, массивное тело ударилось с такой силой, что если он и остался жив, то у него переломаны все кости.

— Уходим? — произнес я с усилием, стараясь все время двигаться, вроде бы осматриваясь, а на самом деле пытаюсь скрыть бьющую меня дрожь. — Образцы у меня.

— Д-да, — проговорила она, — он что, такой легкий?

— Как набитый пухом, — заверил я. — Легкий в общении, легкомысленный, голова пустая...

Она поинтересовалась, не глядя в мою сторону:

— Почему решил, что без патронов?

— А ты видела, — поинтересовался я, — как он держал пистолет?

Она спросила с недоверием:

— Ты замечаешь разницу?

— Конечно, — ответил я. — А ты нет?

Она буркнула:

— Меня так не муштровали.

— Меня тоже, — ответил я. — Я интеллигент и эстет. Это так, спонтанно. Травка.

— Накурился?

— Нажевался, — объяснил я. — Тихо!

Она замерла, потом тихохонько повернула в мою сторону голову с испуганными глазами.

— Что?

— Глюк, — произнес я с почтением, — Кристофф Виллибальд Риттер... Как же люблю эту увертюру к «Очарованному дереву»!..

Она прошептала в страхе:

— Что с тобой? У тебя в ушах звенит?

— А ты не слышишь? — изумился я. — Ах да, ты же полицейский детектив... Божественная мелодия. Играют ее во-о-он в том доме... Видишь открытое окно на восьмом этаже?

Она посмотрела в ту сторону.

— Все ты брешешь. Там и окон почти не видно.

— А нас увидеть могут, — сказал я серьезно. — Если через оптический прицел с переменной кратностью Mil-Dot 28С-М. Потому двигайся зигзагами.

Она спросила с подозрением.

— Зачем? Кто за нами охотится?

— Думаю, — ответил я, — никто.

— Тогда зачем?

— А смешно, — пояснил я честно, — хотелось посмотреть, как ты зигзугишь. Мир такой скучный, нужно его раскрашивать...

Она посмотрела зло и растерянно, а я улыбнулся широко, но, пожалуй, чересчур широко, однако она вряд ли заметит, что меня все еще трясет, как медведь попову грушу.

— Дурак, — сказала она с отвращением. — А почему у него пистолет был не заряжен?

Я пожал плечами.

— Я не психоаналитик. Возможно, наркоман, таким не доверяют.

Глава 11

Автомобиль боевиков пуст, так что вся команда осталась в доме, включая шофера. Мариэтта хотела пошарить и в чужом багажнике (полицейская привычка все обыскивать), но я потащил к нашему припрятанному в тени и укромном месте.

— Пусть стоит!.. Это ошарашит и пустит на ложный след. Утренняя смена найдет трупы, вызовет руководство. Но ничего не пропало, в полиции тоже тишина...

Она сказала зло:

— Намекаешь, у нас кто-то работает на них?

Я впихнул ее на правое сиденье, оно ближе, сам быстро обогнул машину и сел за руль.

— Успокойся, посиди смирно. Никаких намеков, но они точно проверят отпечатки пальцев. И если определят, что ты из полиции, решат, что работаешь на их конкурентов. А это значит, вовсе не нужно затевать трудоемкий переезд, чреватый для бизнеса... Просто усилят охрану.

Она сказала решительно:

— Но я обязана доложить в участке!

— Доложи, — согласился я. — Но не прямо сейчас, а чуть позже...

— Ты что? Это нарушение!

— Давай сперва сделаем анализ, — посоветовал я. — А тогда и. А то как-то!..

— Тогда это нужно сделать быстро, — сказала она нервно, — иначе не просто вышвырнут из полиции, но будет что-то похуже. Надо ехать!

— Погоди, — попросил я. — Не может быть, чтобы сейчас не примчались еще. Эти не отвечают, значит, что-то пошло не так... А вообще-то мне наше время начинает нравиться. Больших войн уже нет почти столет!.. Ну чуть меньше, но все равно рекорд. А эти постоянно локальные конфликты... это же песня!.. Раньше в войнах гибли миллионы мирных жителей, да и сами солдаты воевали поневоле, они же мобилизованные, зато сейчас везде только добровольцы! Люди, которым воевать нравится. Это не только деньги, деньги ерунда, а какой адреналин, какой кайф уби-

вать, насиловать и грабить!.. Мы в самом деле сделали мир лучше!

Она процедила зло:

— Издеваешься, гад? Или это у тебя такой странный юмор?

— Какой юмор? — изумился я. — Сейчас хочешь воюй, хочешь не воюй!.. А раньше была обязателька. Сейчас же просто острая приправа к нашей вообще-то скучной жизни. У тебя скучная?

— Нет, — отрезала она. — Совсем не скучная!

— Еще бы, — сказал я с пониманием. — Ты две запасные обоймы с собой носишь, я видел. Наверняка кого-то уже убивала. Приятно, если честно?.. Ты же к психоаналитику не побежишь? А если заглянешь к нему в кабинет, то чтобы похвастаться?

Она дернулась, даже пригнулась, хотя мы далеко и в темноте. Если и увидят, то решат, что парочка совокупляется тайком от ревнивых супругов, такие еще встречаются в нашем не до конца освобожденном от предрассудков мире.

Впереди блеснул свет фар, вскоре на большой скорости подлетели сразу два черных джипа. Выскочили четверо дюжих мужиков и сразу метнулись в здание.

— Успели, — сказал я с облегчением. — Давай подождем чуть, пусть проверят и уедут. А то нас точно засекут.

Она прошептала:

— Может, надо было включить сигнализацию?

— А как объяснишь? — спросил я. — Сейчас они доложат руководству, те велют убрать трупы, выждут немного, а когда ничего не произойдет, начнут спешно наращивать производство, пока конкуренты, заполучившие образец, не наладили свое, более дешевое...

Она посмотрела на меня искоса.

— Значит, все-таки снова трупы?

— Такова жизнь, — вздохнул я с честностью Тартюфа. — Чем ближе к эре бессмертия, тем ожесточеннее схватки... К счастью, не при нем.

Она буркнула:

— Да, как всегда. Ничего, мы тебя прищучим. Слишком уж ты уверенный...

— Раньше ты говорила, — напомнил я, — наглый.

— И сейчас говорю, — сообщила она. — Мерзкий и наглый.

— О, раньше только наглый, а теперь еще и мерзкий...

— Я это уже говорила, — уточнила она, — просто ты, гад, не слушал. Гендерный шовинист!

Четверка копалась в здании долго, потом вынесли нечто в огромных пластиковых мешках, понятно, снова вернулись в здание. Мариэтта, перенервничав, озябла и начала поскуливать, я прижал ее к себе, сразу ощутив пробуждение альфа-питекантропа, защитника таких вот попискивающих.

Наконец все четверо покинули здание, умчались, а я выждал еще несколько минут, Мариэтта начала что-то громко говорить пьяным голосом, сделала вид, что одевается, нам же проезжать ярко освещенную полосу, пусть на камерах мелькнет ее полуобнаженное тело, что сразу снимет все вопросы.

Правда, отъехать далеко не удалось, она перестала прикидываться и агрессивно потребовала, чтобы я не позорил сиденье заслуженного полицейского автомобиля гражданской жопой.

Пришлось припарковаться, поменялись местами, Мариэтта сразу отрубилла автоводителя и повела машину так же агрессивно, как только что разговаривала со мной.

Я вытащил один пакетик, надорвал краешек и высыпал в рот, тут же запив водой из бутылочки.

Мариэтта ахнула:

— Свинья, ты что делаешь?

— Второй оставим на анализы, — напомнил я. — А этот контрольный. Посмотрим, есть ли какие-то... нет, не ощущения, они уже, гадость редкостная, но хоть как-то действует?

Она протянула свободную руку ладонью вверх.

— Сюда.

Голос звучал непререкаемо, я вдохнул и опустил на ладонь второй пакетик.

— Видишь, я сотрудничаю с властью! Думала, загоню за пятьдесят тысяч долларов?

— Есть такие данные, — отрезала она сурово. — Ладно, предположения. Но — веские. А что, мог загнать и за сорок?

— Но я же отдал!

— Под угрозой побоев, — напомнила она. — А это почти сопротивление, полусопротивление, можно сказать... Так что ты по-прежнему под наблюдением.

— Понятно, — сказал я с горечью. — Значит, снова будешь лягаться и стягивать одеяло?

— Точно, — подтвердила она. — А сейчас заскочим в нашу лабораторию. Отдам на анализ. А ты никуда не сбегай, это квалифицируется как сопротивление полиции!.. Иначе буду вынуждена приковать наручниками!

— Но хоть ужин ты приготовишь?

Она фыркнула.

— С какой стати? Ты должен доказать, что сотрудничаешь с полицией!

Из участка выскочила заметно повеселевшая, явно успела и в туалет забежать, сказала, открывая дверцу:

— Ввиду срочности к утру все будет готово. У нас аппаратура почти вся в автоматическом режиме, ошибки и капризы исключены.

— Главное, — сказал я с облегчением, — никто не удивился, что ты и ночью работаешь... Я ни на что не намекаю!

Мотор сразу зарычал, едва опустилась на сиденье, автомобиль круто вывернул колеса, развернулся и помчался к широкой дороге.

Мариэтта к рулю не прикоснулась, бросила взгляд на циферблат часов, где по мысленной команде высветился интерьер ее квартиры.

— Милый, — сказала она, — я сегодня ночью в другом месте. Покорми детей, проверь уроки и не давай Сереже играть до полуночи. Целую!

Связь оборвалась, я помолчал, прикидывая, хорошо это иметь такую жену или ну ее на фиг, у семьи должны быть еще какие-то узы помимо общих детей.

Мариэтта посмотрела на меня в некотором удивлении.

— Ты чего?

Я встрепенулся.

— Я? Ничего.

— Очень уж задумчивый, — уличила она. — Под интеллигента косишь? Коси-коси, но я все равно раскопаю, почему вокруг тебя одни трупы и куда ты их девашь. И вообще... Как себя чувствуешь?

Я поколебался, говорить или не говорить, но смотрит требовательно и с тревогой, я бы даже сказал, если бы охамел еще сильнее, что тревожится за меня...

— Вштыривает, — признался я.

Она радостно напряглась.

— Наркота?

— Все на свете наркота, — сообщил я. — Есть зависимые от кофе и даже от покупки сумочек. Это ноотропил в своем классе. Точнее, рацетам.

— Что такое ноотропил, — прервала она, — знаю, еще в школе им пользовалась, еще фенотропилом, а в институте подсела на пицетарм, еле слезла, хотя вроде бы у него нет привыкания...

— У всех есть, — сообщил я, — даже у пирожных. Все мы пользуемся акселераторами когнитивности. Это тоже акселератор... нового типа. Достаточно мощный. Усиливает кровоток в мозг, но без риска инсульта, как мне кажется...

Она сказала со злостью:

— Ты дурак! Так рисковать...

— Вся жизнь — риск, — сообщил я. — Но, насколько понимаю, вообще-то фигня какая-то... Он же мощно стимулирует окислительно-восстановительные процессы в мозгу, вообще усиливает энергетический потенциал всего организма!.. Да-да, всего. За счет ускорения оборота АТФ и повышения активности аденилатциклоазы и ингибирования нуклеотидфосфатазы. Ткани мозга становятся устойчивыми к гипоксии и всяким разным токсическим, как говорят в полиции, воздействиям... Так говорят?

Она прошипела:

— Ничего не поняла!.. А по-человечески?

— Усиливает синтез ядерной РНК в мозге, — пояснил я. — Ядерной — это не совсем атомной... а как бы сказать подоступнее для полиции, раньше пушки стреляли ядрами, белка жрала ядра «чистый изумруд», а еще ядра бывают...

Она ожгла меня взглядом, словно ударила хлыстом.

— Не хами. Знаю, где еще бывают. Если вещь такая хорошая, почему не продают как стимулятор для работы мозга?

— Не знаю, — признался я. — Не полицейский, увы, а вежливый культурный эстет. Я всем верю, кроме крокодилов и женщин. Хотя насчет крокодилов, думаю, я чересчур, строит пересмотреть отношение...

Она промолчала, но не потому, что не в состоянии ответить, у женщин всегда есть что сказать, даже когда нечего, просто отстраненно смотрит вдаль бессмысленными глазами и шевелит губами, будто выбирает сумочку в супермаркете.

Я ждал, наконец сказала с досадой:

— Ничего не нашла. Ты уверен, что препарат хорош?

— Дико хорош, — признался я. — Мой мозг, не представляешь, стал как у разумного динозавра! Вспомнил даже первый год в колыбели, все задачки, что решал в школе, как на школьной перемене с подружкой курили под лестницей, там нас завуч и застал, хорошо, хоть одеться успели...

— Не продолжай, — прервала она ледяным голосом. — Бесстыдник! Значит, все-таки работает как ноотроп? А что насчет продления жизни?

— А как проверить? — спросил я. — Дрозофилы — это дрозофилы. Что смотришь?.. «Филы» здесь в другом значении.

— Каком? — спросила она. — Как зоофилы? Или некрофилы?

— Еще скажи, — сказал я оскорбленно, — геронтофилы!

— Я знаю, — отрезала она, — что такое дрозофилы! Это такие лягушки, на которых мы в школе проводили опыты по физике. Значит, они продают препарат, который клинически не проверен?

— За это вряд ли сумеешь привлечь, — напомнил я. — Все БАДы хоть и продаются как улучшающие что-то там, но это лишь наша уверенность, а не доказанность. Хотите — покупайте, не хотите — не покупайте. Никто же не заставляет лезть на Эверест, замерзать там, гибнуть под лавинами? У нас свобода!

На ночь есть вредно, но все равно поужинали, хотя время было ближе к завтраку, тут же рухнули в постель. Несмотря на угрозы, она спала крепко и счастливо, одеяло не стаскивала и не лягалась, очень уютно свернувшись в комочек и устроилась в моих руках, как налопавшийся щенок.

Я долго лежал в блаженном оцепенении, страхась сдвинуться, чтобы не разбудить, очень уж сладко сопит, щеки стали розовыми, губы покраснели и вздулись, словно на что-то обиделась, но мордочка очень довольная.

Заснул я не сразу, а пробудился от звяканья посуды на кухне.

— Завтрак готовишь? — спросил я изумленно.

— Это наш Яшка стучит пустой мисочкой, — крикнула она. — Чем-то недоволен.

— Может, тем, — предположил я, — что пустая?

— Скажите пожалуйста, — изумилась она, — он что, каждый день у тебя ест?

— А может и два раза, — сообщил я. — И три. Даже четыре... Думаю, он вообще может жрать с утра до ночи, а ночью тоже... Чем так вкусно пахнет?

— Это я какую-то подливу разлила, — сообщила она. — Стояла у тебя где попало. Кто так ставит, кто так ставит?... Ничего, Яшка все слизал.

— Ты что? — спросил я в испуге. — Он мог бы отравиться! Сама не могла слизать?

— Под стол затекло, — сообщила она. — И под кровать. Смотри не поскользнься... А то прилипнешь...

— Так он же слизал?

— Ну а вдруг...

Я утопал в ванную, оттуда крикнул:

— Анализы еще не пришли?

— Через десять минут будут готовы, — сообщила она. — Как раз закончишь там трудиться. Глазки только побереги, чтоб не лопнули.

— Нет уж, — возразил я, — сперва поем.

Завтрак она изготвила в самом деле восхитительный, вот уж не думал, что десантница что-то может еще, кроме швыряния ножей и ударов ногой в пах.

— Прекрасно, — одобрил я. — Ты вообще-то... женщина!

— Только сейчас заметил? — поинтересовалась она. — Внимательный, как все мужчины.

— Конечно, внимательный, — подтвердил я. — Только Яшки не вижу.

— Налопался и убежал, — ответила она и добавила язвительно: — Как все мужчины. Кофе с сахаром?

— А что, — изумился я, — бывает и без сахара? Без сахара это не кофе! И покрепче. Если сумеешь.

— Я все умею, — похвалилась она. — Мог бы и заметить, внимательный ты наш с Яшкой... Оп, есть сигнал! Анализы готовы. Сперва кофе?

— Одно другому не мешает, — сообщил я. — Давай все. И гренки с сыром. Потолще.

Глава 12

После завтрака она, как ни жаждала ухватить распечатку с анализами, но, чтобы уесть меня и досадить, демонстративно пошла мыть посуду, а я погру-

зился в дебри химических формул, в которых ни уха ни рыла, но зато могу постоянно сверяться в Инете, в первую очередь с теми, кто занимается аналогичными разработками.

Я торопился, но не успел, она посуду помыла раньше, если, конечно, помыла, моя посудомоечная машина все делает сама и не любит, когда у нее перехватывают работу, это оскорбительно, ибо по меньшей мере это проявление недоверия к машинному интеллекту.

Похоже, она хотела запросить своих аналитиков, но я это заметил и в последний момент сказал скромно:

— Нашел.

Она спросила жадно и недоверчиво:

— Что?

— Несостыковочку, — пояснил я с еще большей скромностью, что паче гордыни. — Тот фронт работ, что у них заявлен, не может быть выполнен за неделю.

— Ты... уверен?

— Как и в том, что я красавец. Понимаешь, выделить из крови необходимые элементы можно за несколько секунд, но чтобы найти нужную мишень в генах, уже понадобится с неделю. Но это еще не все! Чтобы перепрограммировать, а проще говоря, поверх намеченного участка записать нужную последовательность генов... это еще пару недель. А потом с месяц ждать, пока ткань разрастется, чтобы пихнуть в капсулу и вручить пациенту. Это я теперь упрощенно, на пальцах, на самом деле все сложнее.

Она спросила с недоверием:

— И ты все понял?

— Запросто, — ответил я, но, посмотрел в ее напрягшееся лицо, сказал легко: — По готовой расчищенной

дорожке любой пройдет без проблем. Это же не творить открытия! В общем, ты поняла?

Она зыркнула быстро, на лице сомнение, что вот так быстро прошла бы и по расчищенной дорожке в саду науки, медленно наклонила голову.

— Если я верно поняла, на все это понадобилось бы больше месяца, а Ширли выдавала эти чудо-капсулы через неделю?

Я кивнул.

— Вот именно. Что в этих капсулах, не знаю, но точно не то, что заявлено. Может быть, что-то хорошее. Знаешь, чтобы не обосра... не опозориться, хорошо бы навестить тех, кто принимает... желательно давно принимает.

Она спросила настороженно:

— Чего-то ждешь?

— Могут быть побочки, — пояснил я. — Если заметим, у тебя будет право арестовать его на месте. Я имею в виду более заметные побочки, чем просто пожелтевшая кожа.

— Так, — сказала она деловито и повеселев, — а если побочка полезная?

Мне показалось, сказала с ехидцей, потому ответил деревянно полицейски:

— Любой препарат должен соответствовать своему описанию. Если от кашля, то должен лечить кашель и ничего больше, а не давать красоту и молодость в придачу! Это нарушение прав потребителя. Ты обязана хватать и не пущать. Или тащить, не помню, что у вас там в инструкции про утопший труп мертвого человека...

Она посмотрела искоса.

— Мне твой юмор непонятен, морда. Но в целом верно: все должно строго соответствовать заявленному

действию препарата. И хотя сейчас хитрецы пишут мелким шрифтом насчет некоторых побочных явлений, но обязаны все перечислить без всяких «...и проч». Если его нет в прилагаемой инструкции, то...

— Поздравляю, — сказал я. — Ты все раскрутила! И распутала.

Она посмотрела на меня с некоторым колебанием.

— Да, сейчас есть за что зацепиться. Ладно, будем великодушны: ты тоже в чем-то помог... по мелочи. Уж и не помню в чем.

— Не мешал, — подсказал я. — Особенно.

— Да, — подтвердила она. — Не мешал слишком уж, не сопел, не капризничал. Ладно, поехали!

Я спросил опасливо:

— А вдруг помешаю?

— Не позволю, — заявила она твердо. — Так что не волнуйся. Чуть что, сразу в ухо.

Я сказал с сомнением:

— Да как-то неловко бить такую хрупкую...

Она фыкнула:

— От меня получишь в ухо!

— В ухо, — повторил я задумчиво, — как интересно...

— Можешь взять с собой пару бутербродов, — разрешила она.

— Твои знают, — поинтересовался я, — что ты не на службе?

Она изумилась:

— Как это не на службе? Я всегда на службе! Кроме как, но и тогда бывает... В общем, уже доложила и получила разрешение. Даже на эксплуатацию домашних животных.

— Его нельзя эксплуатировать, — возразил я. — Он еще маленький, а детский труд запрещен!

— А при чем здесь Яшка? — спросила она. — Насыпь ему корма в мисочку и пойдем. Он мужчина, должен уметь ждать.

Я проворчал:

— Я думал, это женщина должна уметь ждать. А вдогонку махать сопливым платочком. Сейчас бум фитнес-центров, оздоровительных заведений, клиник пластической хирургии и липосакции... Для мошенников просто поле чудес, на котором уговорили Буратино зарыть свои монетки. Бескрайнее и хорошо унавоженное поле. Странно, что это у тебя первый случай.

Она отрезала недовольно:

— Я не родилась детективом!.. Еще полгода назад я высаживалась с десантом на горящую крышу Эмпайр Плэйс билдинг в Дубае, и о работе детектива не думала.

— Ого, — сказал я, — там же острая, как пика, крыша. Как же вы все сто человек поместились!

— Нас было трое, — сказала она еще резче. — А сейчас я занимаюсь делом доктора Ширли Кассеро!

Я сказал поспешно:

— Понял-понял, только не бей. Я понятливый. На меня достаточно топнуть, и я все понимаю. Даже ногой топнуть, как у нас говорят. Можно задней, хотя для тебя все равно какой...

Она уже не слышала, пошла к выходу. Я проводил ее взглядом, а она, взявшись за дверную ручку, оглянувшись, брови взлетели в патетическом изумлении.

— А ты чего стоишь?.. Быстро за мной!

— Слушаюсь, госпожа, — сказал я. — Ох и круты вы, ваше величество...

— Сам ты... Все, пошли! Мой автомобильчик уже роет землю копытом.

— Хватит и тех нор, — сказал я, — что нарыл Яшка.

Передав управление автопилоту, она откинулась в кресле и снова и снова перебирала распечатку, сравнивала данные на листках, то и дело поглядывала на меня озабоченными глазами, хотя когда видела, что я смотрю на нее, морщила нос и капризно оттопыривала губу.

— Правда, — сказал я, — у меня все просто чудо?.. И кишечник в порядке.

Она фыркнула.

— Уверен?.. Шашлычками злоупотреблял, злоупотреблял... А так в целом нормально... нормально... где-то даже терпимо... нормально... а, вот это!.. Смотри, при частом употреблении разовьется глубокое поражение печени... Ты как себя чувствуешь?

Я огрызнулся:

— Я принял только одну дозу!.. Это не совсем то, что ты считаешь частым употреблением. Но, конечно, хорошо бы тех, кто покупает этот препарат активно, предупредить... или хотя бы посоветовать проверить печень.

— Как? — спросила она. — Думаю, у Ширли даже не было списков, кому продавала. А к Марату Хисамовичу стоит еще раз наведаться.

— Может, — поинтересовался я, — сразу брать?

Она поморщилась.

— А что ему предъявим? Улики должны быть железными. Иначе суд не примет. Думаешь, почему до сих пор тебя прищучить не удастся?

— А если взять его, — поинтересовался я, — привести в вашу ментовку... или она теперь полицовка?.. А там вы уже выбьете своими привычными методами. Ну там ногами по ребрам, пальцы в дверь...

Она вздохнула.

— Я тоже, когда смотрю на тебя, мечтаю о таком. К сожалению, у нас в комнате для допросов все пишется со всех четырех сторон. А в суде сперва внимательно смотрят, не было ли давления. Как будто от тебя можно что-то получить без давления!

— Злая ты, — сказал я с одобрением. — Это хорошо.

Автомобиль хоть и полицейский, но умело выбирает самые короткие маршруты, проскакивал через дворы, однажды вроде бы даже проехал через детскую площадку, я покосился на Мариэтту, заметила или нет такие вольности, но, возможно, власти себе и не то позволяют, кто бы из нас ни охамел, окажись у руля.

В участке в мою сторону покосились с некоторым интересом, но посмотрели на хмурую Мариэтту и заговаривать не рискнули. Хотя, конечно, в наше благополучное, каким его считают, время даже тех, кто раньше имел право на оружие, ограничивают и прижимают, так что всякий новенький, получивший право даже на ношение, вызывает внимание.

Мариэтта усадила меня за свой стол, комп включился по ее жесту, на экране вспыхнула заставка «Игры для младших».

— Ух ты, — сказал я, — вот во что режешься на службе?

— Это для тебя, — объяснила она. — У меня комп определяет интеллектуальный уровень того, кто садится в кресло.

— Здорово, — сказал я. — Тебе он ставит тыщу по ай-кью?

— Мы говорим о тебе, — ответила она. — Знаешь, я уже насмотрелась на придурков вроде тебя, что не живут, а существуют, не слезая с дивана, и общаются толь-

ко с себе подобными... И такие остроумные, прикольные, везде хаханьки, смешки, как бы юмор, откатанные словечки и остроты...

Она остановилась, словно споткнулась, я сказал по-ошпрительно:

— Ну-ну, давай фаталити.

— Однако же, — произнесла она с некоторым сомнением и долей изумления, — у тебя в самом деле что-то есть из того, над чем хихикаешь. Не понимаю. Как такое могло случиться?

Она смотрела требовательно, я в самом деле ощутил себя как-то не весьма, развел руками.

— Знаешь... скажу правду, но вряд ли поверишь...

Она ответила очень серьезно:

— А ты рискни. Я вообще-то девушка очень доверчивая.

— Тогда слушай, — сказал я тяжело. — Все так, как ты и сказала. Такой я вот диванный фанат, а это еще хуже, чем диванный стратег, что все на свете знает и указывает правительству, как рулить страной правильно и мудро. А я указывал только, как пройти по краю, кому паснуть, чтобы гол в верхний правый угол... И ничего больше не желал, мне и так было хорошо.

Она кивнула, понимая, таких много, а с заменой автоматизацией таких вот хомячков становится все больше, это понятно, хрюкай дальше.

— И вот однажды, — сказал я несчастным голосом, — является мне Господь... хотя нет, Господь никому не является, явился ангел Исафил и сказал мне трубным гласом, глас — это такой голос, громко и весьма как-то повелительно: «Вручаю тебе Силу, существо!.. И можешь ею пользоваться!»

Она помрачнела.

— Ну-ну.

— Я вскричал тоже трубно, но не так трубно, а менее трубно: «Как? Я Избранный?» Он поморщился, даже скривился, их тоже достали этими избранными, говорит: ни фиги, тебе лишь вручена Сила». И тут же исчез, чтобы я больше ничего не спрашивал. Поняла?

Она покачала головой.

— Поняла, что брешешь. И, как всегда, все сводишь к дурацким шуточкам.

— Какие шуточки, — сказал я тоскливо. — Я никакой не Избранный, даже не избранный, но у меня Сила, которой могу пользоваться, а могу и не. Могу всю жизнь все так же не слазить, а то и не слезать с дивана. И как поступить? Я уже советовался с табуреткой, но для нее вопрос был сложноват...

Она фыркнула.

— Проблема?

— Еще какая, — подтвердил я. — Когда у тебя появляется Сила, то вроде бы как-то оставаться на диване уже не личит. А если все-таки слезешь, то это же не совсем я, потому что настоящий я только на диване!.. Вне дивана я уже ненастоящий.

Она фыркнула.

— А если наоборот? Только вне дивана ты и настоящий?

Я уперся в нее взглядом. Разочарована, ожидала более правдоподобного объяснения, ну там каких-то особых тренировочных лагерей для сверхсекретных агентов особой одаренности, а сейчас просто обрывает крылья моей дурацкой фантазии...

— Настоящий, — пробормотал я. — А что такое настоящий?.. Когда я ненастоящий, то это философству-

ющий сибарит на диване, а когда настоящий... то дикарь с атомной дубиной в руке? Да не просто дикарь, а питекантроп, которого вовсе не ужасают эти убийства и смерти, что должны ужасать современного просвещенного и культурного человека?

Она хотела что-то сказать, явно злое и возражательное, но запнулась и посмотрела как-то странно внимательно.

— А в твоём бреде что-то есть...

— Ой, спасибо!

— Но все равно бред, — отрезала она. — Ангелы ему, видите ли, являются!

— А что?

— Рылом не вышел, — заявила она. — Им стоит увидеть только твою Аню, чтобы больше никогда не смотреть в твою сторону! И вообще вычеркнуть тебя из всех списков и подчистить тэги.

— Да что ты прицепилась к Ане, — сказал я слабо. — У всех мужчин есть эти Ани или Светы... Не ревнуй, они для того, чтобы нам жизнь украшать, а ты — чтобы портить. Вы разные, не пересекаетесь.

Она сказала жестоко:

— Когда я появляюсь, она должна быть в ящике, как Дракула!.. И выключена. Я не любительница триангла.

— Хорошо, — ответил я торопливо, — но тогда ты должна быть и ею... Конечно-конечно, оставаясь и со своим гадким характером.

Она отмахнулась.

— Ладно, проехали. Насчет Исфафила это у тебя магия величия, но ты в самом деле быстро меняешься. Мой психомер придется отключить или перекалибровать, а то зашкаливает, когда на тебя смотрит.

— Может, и мания, — сказал я невесело, — может быть, это был Эсраил или Сарафиил, но проблема в том, что Сила вручена не совсем тому, кому следует! Это я признаюсь тебе честно и пока никто не слышит, а для других я герой на белом коне... конь — это такое животное, на нем в дикую старину ездили.

Она огрызнулась:

— Я знаю, что такое конь!.. Все, я получила результаты, теперь заедем еще к одному человеку. Как он скажет, так и сделаем.

— Такой умный? — спросил я.

— Ум тут ни при чем, — огрызнулась она. — Была бы я умной, стала бы вот так с тобой, когда можно просто придушить?

За столами снова подняли головы, но когда мы оказались на улице, я распылил пистолет и кобуру, мешают на сиденье.

Мариэтта подозвала автомобиль, в нетерпении оглянулась.

— Садись, морда.

Я сел с нею рядом, она снова включила автопилот, перехватывать управление предпочитает только в экстремальных случаях, а сейчас вызвала на панель карту района в реальном времени, у меня там все просто мелькает, и все суетятся, но она в таком хаосе видит нечто осмысленное.

Да, я тоже могу увидеть смысл, но это же трудиться, а разве человек создан не для счастья, как мудро сказал кто-то из великих? А секрет полного счастья знал только Обломов...

Автомобиль на большой скорости понесся между небом и землей, едва касаясь колесами полотна автомагистрали, Мариэтта успевала просматривать и некие

сводки, параграфы изменений и дополнений к уставу, не все нравится, судя по ее хмурому лицу, но в глазах решимость и та злость, которую чаще видишь у мужчин: а гори оно все пропадом, достали все, сейчас оторвусь, а там будь что будет...

Глава 13

Синенко вышел прямо к бровке тротуара, Мариэтта распахнула перед ним заднюю дверь. Он влез, пахнув ароматом хорошо прожаренного мяса с луком, сказал с удовольствием:

— Куда ты его везешь? Думаешь пристрелить за городом?

— А у тебя есть вариант лучше? — спросила она ядовито.

— За городом тоже просматривается, — сообщил он. — Правда, еще не везде...

— Знаешь места?

Он кивнул.

— Знаю, но никому не говори... Хочешь рискнуть?

— Чуть позже, — пообещала она. — Я все перерыла, вижу, улик нам точно не насобирать нашими обычными способами, там дичь не по нашим зубам. Обидно? Но вот этот тип уверен, что если ворваться, то концов там на пятьсот лет тюрьмы найдем!

Он хмыкнул.

— А если не найдем?

— Тогда нас не просто выгонят из полиции, — сообщила она, — но еще и перед судом встанем, как Сивки-Бурки перед травой. За незаконное проникновение, взлом, кражу...

Он повторил с удовольствием:

— И даже кражу?.. А изнасилование можно приписать, чтобы все в участке завидовали?

Я обронил:

— Общественность постарается. Сейчас же везде произвол полиции. И властей... Кстати, кто у нас президент?

Синенко сказал бодро:

— Что ж, пропадать, так с музыкой... Я за.

Она поморщилась.

— Никогда не понимала этой мужской спеси. Значит, рискуем?

— Если этот тип даже тебя убедил, — ответил он, — то меня легче. У нас и самцовая солидарность, и эта, как ты говоришь, безголовость насчет риска... Поехали!

Она медленно пустила машину в крайнем правом, все еще не до конца уверенная, но на лице злость и жажда рискнуть крупно и бесшабашно проступают все заметнее.

— Да, — сказала она с вызовом, — да, я готова!

— А я готов всегда, — ответил Синенко за нашими спинами. — Как пионер, что готов всегда и на все.

Она буркнула:

— Когда человек готов на все — как-то страшно. Когда на все готов полицейский — даже и не знаю...

— Будет трудно, — заверил я с оптимизмом. — Но ты же любишь трудности?

— Нет, — отрезала она. — Не люблю!

— Женщина, — протянул я разочарованно. — Нет в вас романтики и священного безумства и жертвенности во имя чего-нить там. А это так прекрасно и возвышенно! А вы... ты тоже приземленная?

— Я работаю в полиции, — напомнила она ядовито. — Куда уж возвышеннее!.. То трупы, то... такие вот орлы. Так как ты хочешь это довести до конца?

Я указал большим пальцем себе за спину.

— Наш орел готов, а мы что, не демократы?.. Общество нам доверило защищать основы и столпы, так неужели мы не оправдаем? Кое-что нужно делать и не дожидаясь, когда руководство скажет «да». Оно скажет, только оно медлительное и осторожное, а мы — быстрые и шустрые.

— Прибавь, — велел Синенко. — А то остановят, начнут проверять, чего крадемся, что такое везем...

Автомобиль начал переходить с полосы на полосу поближе к левому ряду, все время наращивая скорость.

Выехали, как и в прошлый раз, за полночь. Как ни странно, волновались и мандражировали только Синенко и Мариэтта, а я, как пень, оставался невозмутим, хотя, конечно, это от дурости. Они оба понимают прекрасно, что нарушают, а я пока еще никак не проникнусь, что все всерьез, это со мной, вот в самом деле свалилось на меня... или сам как-то подсуетился, даже не ожидал, а оно возьми и случись...

Остановив машину за пределами видимости камер, мы заново оглядели здание, беспокойство забралось ко мне в душу и выпустило когти.

Здание осталось тем же, но за это время заменили дверь, на окнах уже металлические решетки, а над входом демонстративно смотрит во все стороны камера с множеством объективов, предупреждая, что на экранах вся улица.

— Быстро сработали, — сказала Мариэтта. — Значит, опасаются только конкурентов.

Синенко сказал невесело:

— Похоже, в самом деле не по зубам... Здание еще тех времен, да. Камеры просматривают не только подходы, но и всю улицу на несколько сотен метров. Дверь деревянная только с виду, а на самом деле там внутри стальные листы. Из автомата не пробить, пока с той стороны вас будут рассматривать в глазок...

— Глазок? — переспросил я. — А это куда?

— В очко, — пояснил он. — Так называли видеокамеры нулевого поколения. Можно было дать в очко, что значит — поставить фингал.

— Фингал? — спросила Мариэтта в недоумении.

Он поморщился.

— Ох уж это новое поколение... Таких слов уже не знают. Похоже, мы только облизнемся.

Я посмотрел по сторонам, указал пальцем в соседний двор, это же полиция, они не заметят нарушение культурности.

— А если взять вон тот бульдозер? Чего он там расстоялся? По-моему, он почти в неподобающем месте.

— И что ты предлагаешь? — спросил он.

— Как служители порядка, — сказал я, — если вы в самом деле порядку служите, то вы просто обязаны отодвинуть его хотя бы на пару метров дальше от дороги. А то, ишь, раззагораживался!

Мариэтта промолчала, Синенко сказал скептически:

— Чужого не послушается. К тому же.... Ну отодвину, что толку?

— Не справишься с управлением, — пояснил я. — Разгонишься и со всей дури... ладно, отваги, врежешься своим стальным бараньим лбом в стену.

— А допуск?

— Старая модель, — сказал я. — Тогда, как мне чужется, еще не ставили сенсорной защиты.

— Точно? — спросил он. — Вообще-то я водил бронетранспортер, даже танком могу, так что с бульдозером справлюсь не хуже Марвина Химейера в Грэнби...

Мариэтта содрогнулась.

— Не вздумай!

Синенко ухмыльнулся.

— Какой же мужчина не обожает все ломать и рушить?.. Просто я не знаком с современными технологиями, могу ошибиться и в самом деле проехать лишние пару метров. Или пару сотен, у меня ж реакция с возрастом замедленная.

Продолжая держаться в тени, мы пробрались к брошенному бульдозеру, Синенко проверил систему управления, все работает и даже слушается, антиквариат рулит, Мариэтта на соседнее сиденье влезла первой, мне пришлось сесть ей на колени, она протестующе взмекнула, но Синенко уже врубил двигатель, старинный, дизельный, дал команду поднять ковш и сразу врубил максимальную скорость.

— Держитесь за что-нить...

Стена приближается, бульдозер уже мчит так, что дым из двигателя, как хвост за кометой. Я охнул, всегда считал, что эти стальные чудовища должны передвигаться только медленно и по-королевски важно.

Мариэтта уцепилась за поручни, я тоже напрягся за момент до удара ковшом в дверь.

Тряхнуло, но вовнутрь здания влетела не только дверь, но и кирпичные блоки с обеих сторон.

Мариэтта с силой ударила меня в бок.

— Чего сидишь?

— Уж и побалдеть нельзя, — ответил я.

Мы торопливо вбежали вовнутрь, уже знаем где что, Синенко ахнул:

— Да тут целый склад!.. Какой склад, здесь и цех...

Мариэтта, сразу ожив, прокричала:

— Все, вызывай спецназ!.. И весь наш участок!..

Синенко сказал зло:

— Опоздали!.. Да не они, это мы провозились.

На большом экране видно, как две машины на большой скорости подлетели к зданию со двора, из каждой выскочили по два человека и сразу же метнулись к двери.

— Не высовываться, — велел Синенко. — Они еще не видели, что мы сделали с их парадным. Потому можно бы попытаться даже арестовать...

Но в голосе звучало сильнейшее сомнение, да и Мариэтта только поморщилась..

— Иди за автомобилем, — сказала она, — мы выскочим, как только подгонишь.

— Это я мигом, — ответил Синенко. — Сидите тихо! Они до вас доберутся не скоро.

Он потихоньку отступил, я даже не заметил, когда он выскользнул из помещения, сердце мое колотится часто и сильно, я ощутил с предельной ясностью, что даже без разгону легко перепрыгну вот те столы, хотя размером с пинг-понговые, а когда пронесусь по зеленой ковровой дорожке к двери, что заперта, чувствую, смогу вышибить ударом ноги...

...и что вышибать придется.

Мариэтта оглянулась, лицо злое, как у готовой к смертельной схватке волчицы.

— Не двигайся, — велела она жестко. — И держись за мной.

— Ты альфа-самец? — спросил я в изумлении. — А я, дурак, считал что это я самец.

— Я полиция, — сообщила она высокомерно. — И вооружена.

— Я тоже, — сообщил я скромно.

Она распахнула глаза.

— Чем? Наглостью?

— Наглость тоже оружие, — согласился я. — Но у меня настоящий, а не твоя пукалка.

Она отшатнулась, пистолет в ее руке дернулся, я ощутил себя не очень, когда черное дуло взглянуло мне точно в переносицу. Сама Мариэтта выглядит потрясенной, глаза как у молодой совы, но ствол пистолета не сдвигается ни на миллиметр.

— Это, — прошипела она, — что... за?

— Потом пробьешь по базе, — сказал я нетерпеливо. — А сейчас держись за моей широкой, надеюсь, спиной. Могу чуточку вздуть крылья, чтоб тебе было спокойнее.

Она с ужасом смотрела на пистолет в моей руке, массивный и грозный, из таких на короткой дистанции с легкостью пробивают стандартные бронежилеты и даже кирпичные стены.

— Откуда он у тебя?

— В лотерею выиграл, — похвастался я. — Первый приз, как ты наверняка слыхала, семьсот миллионов долларов, второй — «Бентли» с золотыми дисками, а мне досталась эта мелочь... Конечно, трансчеловеку пистолет ни к чему, но гуманисту просто необходим, а так как я еще тот гуманист, то мне бы еще и автомат в руки да побольше... крупнокалиберные бывают?

Она прошипела с мукой на лице:

— Куда мир катится... Лотереи дурацкие... Миллионы долларов...

— Сотни, — уточнил я. — Но нужно давать людям надежду, верно?.. Чтоб не думали о переворотах. Богатому перевороты не нужны. А вот человеку с пистолетом в руке...

Она сразу насторожилась.

— Но-но! Я те дам перевороты. Но как... почему я не заметила... Покажи, где носишь!

Я повернулся, показал кобуру скрытого ношения.

— Видишь? У мужчин за века эволюции выработался инстинкт прятать от жены заначку во внутреннем кармане, не слыхала? Так что это просто наше врожденное.

Она сказала зло:

— Ладно, потом разберемся. Но все равно держись сзади. Я при исполнении, а ты темная конячка.

— Я лев, а не конячка. Что-то наш сержант задерживается...

Она буркнула:

— Что-то случилось. Если успели зайти и с этой стороны, то и мы попадем под огонь. Держись за мной!

— Шас, — ответил я. — Вот так прямо и пойду за твоей заячьей спинкой.

— Пойдешь!

— Моя шире, — напомнил я.

— Заткнись, — прошипела она и, открыв дверь, быстро вошла в комнату, держа пистолет наготове.

Помещение заставлено плотно набитыми бумажными мешками, но одновременно с нами с той стороны тоже распахнулась дверь, вошел мужчина с небольшим чемоданчиком в руке.

Мариэтта крикнула звонко и страшно:

— Стоять!.. Полиция!

Он дернулся, другой рукой моментально выхватил пистолет. Я видел, что Мариэтта, хоть и держит его на мушке, может не успеть, но все-таки ее выстрел грянул раньше.

Две пули отбросили его обратно в коридор, там раздался вскрик, в проеме появился крупный мужик с автоматом в обеих руках.

Я выстрелил, как самому показалось, еще раньше, чем боевик выскочил из-за дверного косяка, но пуля, отколов древесную щепку, ударила его в закамуфляженный бок.

Боевик изогнулся от боли, нашарил меня взглядом, но Мариэтта, зло оскалившись, всадила в него три пули. Он рухнул лицом вниз, она ринулась было перепрыгнуть и бежать дальше, я рявкнул:

— Стоять!..

Она невольно остановилась, я сам не думал, что у меня окрик настоящего фельдфебеля, торопливо пояснил:

— Там в коридоре двое присели за диваном!

Она прошипела:

— Откуда такие сведения?

— По конфигурации помещения, — пояснил я. — Стандартная планировка от фирмы «Маэстро». Там обязательно диван с благородной коричневой обивкой.

— Тогда нужен спецназ, — крикнула она.

— Ты права, — согласился я. — Вызывай!

Глава 14

Она прижала подбородком кнопку вызова, глаза следят за мной, а пальцы намертво вцепились в рукоять пистолета.

— Код четыре-два!.. Срочно!.. Ведем бой!

Я сказал быстро:

— А я имею право, как сознательный гражданин, поддержать нашу родную полицию?.. В смысле, огневой поддержкой?

Она отрезала:

— Нет!

— А защищая женщину?

Она прошипела:

— Я те дам женщину!.. Я особь.

— А как особь особи? — спросил я. — Будем считать, что в твоём лице я поддерживаю власть и голосую за президента и наше счастливое детство.

— Заткнись, — сказала она.

— Понял, — ответил я. — Значит, можно. Я так и подумал. Нападать нельзя, но защищать родную власть я просто обязан, как авторитарный демократ с человеческим лицом.

— Заткнись!

— Это я от нервов, — объяснил я. — Когда говорю, я как бы при деле, и не так страшно. В общем, ты жди спецназ...

Она прошипела:

— А ты куда, гад, намылился?

— Наверх, — ответил я, — пока не унесли самое ценное. Зачем-то они все еще здесь, хотя понимают насчет спецназа. Если не остановить, то неважно, что унесут нечто ценное и способное погубить человечество, хрен с ним, но у тебя не будет оправдания, чего вдруг вломились!

Она прошипела:

— Тогда я впереди!

— Хорошо, — согласился я, — иди впереди, но только за мной.

— Ну ты и сволочь...

Я выскочил, сразу же прижался к стене, прячась за выступом стены, эти архитектурные излишества бывают и полезны, а когда бегущий выскочил и увидел половинку моего лица, то хоть автомат и смотрит в

мою сторону, но на спусковую скобу я успел нажать первым.

Пуля в лоб запрокинула ему голову, мертвый палец все же дернулся на спусковом крючке, очередь прозвучала короткая и неприцельная.

Я огляделся быстро, ощущение такое, что нас постепенно берут в клещи, хотя путь для отступления еще остался, правда, быстро сужающийся.

Мариэтта выскочила следом, сразу взвизгнула:

— Где взял второй пистолет?

Я указал пальцем в сторону оставленной комнаты.

— У того, которого ты подстрелила.

— Почему не автомат?

— Пистолеты точнее, — сообщил я для нее новость.

Он стегнула по мне огненным взглядом, я как бы сразу признался, что умею стрелять точно, а еще ко мне потянется ниточка насчет стрельбы по-македонски. И хотя доказательств все равно не будет, однако подозрение окрепнет.

— Дождемся здесь?

Я буркнул:

— Им стоит бросить сюда гранату, а укрыться нигде.

Она не успела открыть рот, я перебежал помещение, выстрелил дважды сразу из двух стволов. Мариэтта, перекошенная и озверелая, как защищающая котят кошка, осматривалась с оскаленными зубами, готовая стрелять во все, что шелохнется, но я стрелял и через дверь, как только там мелькнет синий силуэт, и стрелял даже, когда по ту стороны стены пройдет нечто голубое.

Выскочив за мной, она охнула, увидел распростертых в крови троих с автоматами в руках, а я вскочил в комнату напротив, это больше похоже на лабораторию, судя по аппаратуре, с той стороны коридор, там пока-

зались сразу четверо, один сделал характерное движение руками, словно в одной держит гранату, а другой выдергивает чеку.

Его соратник подбежал к двери и уже почти коснулся кончиками пальцев рукояти, как я поспешно всадил в него четыре пули из двух пистолетов. Тот, что с гранатой, уже успел отбросить чеку и приготовился швырнуть гранату в раскрытую для него дверь, сейчас на миг застыл в растерянности, но еще до того, как сам попытался прыгнуть к двери, я всадил и в него четыре пули.

Он рухнул, и, судя по раскрытой ладони, невидимая для меня граната выкатилась.

— Ложись! — крикнул я на той случай, если Мариэтта выскочит из-за укрытия и ринется ко мне.

Она вроде бы упала или пригнулась, а с той стороны сухо рванула граната. Дверь тряхнуло, но устояла, только низ посекло осколками.

— Пока нас не окружили, — сказал я твердо и красиво, — пробуй выглянуть взад, что там с Синенко. Мы все их силы оттянули на себя, но к ним, как видишь, прибыло подкрепление. Может быть, наш brave сержант горит в подбитой машине?

— А ты?

— Я выберусь. Позже.

Она возразила:

— Нет! Это наш долг защищать гражданских. Я на службе.

— Я вывернусь, — пообещал я.

— Как?

— Пока военная тайна...

Она вскрикнула:

— Что? Военная? Так ты не гражданский?

— Гражданский, — заверил я. — Но я самец. Вроде бы еще, ага.

— И что?

— Самцы, — изрек я патетически, — всегда на службе. Даже если в жопу пьяные на диване, потому что мы — самцы!

— Не увиливай, — прошипела она, — и признавайся! Если гражданский, то останусь и буду тебя защищать, а если из отряда особого назначения...

— Да, — сказал я, — из отряда. Давай, беги! Еще секунда — и будет поздно!

Я подтолкнул ее в задницу, как только она, пригибаясь, отбежала, я неслышно на цыпочках скользнул к двери в коридор, продолжая наблюдать за двумя голубыми силуэтами по ту сторону стены.

Они стоят с автоматами в руках ко мне спинами, я ощутил по их стойкам годы выучки и молниеносную реакцию, с этими разговаривать не получится, откроют стрельбу сразу. А у меня нет шансов, в тире тоже стрелял хуже всех дружанов, хотя то время было так дико далеко...

Я сжал рукоятки покрепче, что-то у армейских пистолетов зверская отдача, как бы не забылся, тогда вообще вывернет из ладоней, приготовился к стрельбе в упор и сделал еще шаг.

Оба резко повернулись в мою сторону. Я торопливо нажал на спусковые скобы. Выстрелы грянули оглушающе громко, стиснул челюсти и нажал снова, и потом еще раз, чуть сдвинув в сторону второго.

Его отбросило на стену, а когда сполз по ней на пол и остался сидеть, на расписной отделке медленно опускается широкая красная полоса, не оставляя следа.

— Ты... — проговорил он, — не зачитав прав...

Я покосился на первого, ему пула разнесла череп, ответил оскорбленно:

— Я что, похож на полицаю?

— А кто... ты...

— Конкурент, — объяснил я. — А что, в полиции в самом деле права зачитывают? Я думал, это кино.

Он криво ухмыльнулся.

— Зови неотложку быстрее... Я истекаю кровью...

— На планете вас девять миллиардов, — сообщил я, — так что не волнуйся за человечество. Убыль не совсем уж катастрофическая...

Я говорил, а сам прислушивался, когда я вот в таком мандраже, то четко почти вижу, что в соседних комнатах, что этажом выше, а что внизу. То ли мои ноздри ловят проникающие откуда молекулы запахов и срочно рисуют картинки, то ли уши ловят любые шорохи и потрескивание половиц, тут же перекодируют в понятные мне, такому тупому, сигналы, но я уже знаю, где сейчас Мариэтта, где Синенко и как мне действовать.

Он пробормотал:

— Мы же оба профессионалы...

Я сказал громко:

— Связь. Нужен медик, у нас раненый. Правда, он с другой стороны.

Голос дежурного прозвучал достаточно громко:

— Высылаю. Что значит, стороны?

— Не знаю, — ответил я. — С Темной, наверное...

Мы на Светлой или как?.. Эй ты, какой стороне служишь?

Раненый простонал:

— Светлой, понятно...

Я сказал:

— Говорит, Светлой. А мы тогда на какой?

Дежурный оператор ответил бодро:

— Темную извели под корень! Теперь только Светлые против Светлых. Так даже интереснее.

Раненый сказал стонуще:

-- Было бы интереснее Темные против Темных...

Вдали раздался быстро приближающийся вой полицейских сирен. Я сказал быстро:

— Все, сейчас тебе помогут. А я ухожу, извини.

Он проводил меня понимающей улыбкой, дескать, все понятно, никто не хочет попадаться на глаза полиции с оружием в руках.

Мариэтта встретила меня на крыльце, выпалила:

— Синенко ранен, но не серьезно. А ты у нас дальтоник!

Я изумился:

— Ты чего?

— Обивка, — сказала она еще злораднее. — Там у дивана не коричневая, а желтая!

Я отмахнулся.

— Была коричневая, но кошка изодрала, пришлось натянуть новую. Уже желтую. Посмотри внимательнее.

— Какая... кошка?

— Мейн-кун, — ответил я. — Мерзость, конечно. Кошка должна быть не крупнее цыпленка. Хуже мейн-куна только саванна, она еще и крупнее. Еще рэгдоллы довольно противные....

Она смотрела вытаращенными глазами, совершенно ошалев, но ответить не успела, от группы омоновцев бодро подбежал один весь в защитной броне, крикнул торжествующе:

— Наконец-то раскололи!

Я оглянулся.

— А-а-а, капитан... Драсьте. И в чем вы как бы раскололи?

Он вперил в меня пронизывающий взгляд.

— Вам пришлось признаться нашему сотруднику, что вы боец отряда особого назначения!

Я охнул.

— Вы что, всерьез?

Он ответил с ехидцей:

— Аппаратура нашего сотрудника все записала. Включить для освежения памяти?

Я огрызнулся:

— Это вам ее нужно освежить! Для вас это просто сотрудник, а вы хоть замечаете, что у вашего сотрудника сиськи третьего размера?.. И что ваш сотрудник вообще-то самочка? Весьма даже?.. Которых в старое доброе первыми с тонущего корабля спасали!

Он спросил с недоверием:

— Что, по размеру сисек?..

— В точку, — сказал я. — С третьим и четвертым — в первую очередь.

Он хмыкнул.

— Сейчас женщина за такой сексизм вас по судам затаскает. Настоящая феминистка скорее утопнет, чем позволит и себе подобное унижение!.. Так что вы с такими заявлениями поосторожнее, это я вам как самец самцу из чувства классовой солидарности...

— Благодарю, — ответил я утрюмо. — В общем, я ей соврал. А вы что, женщинам никогда не врете?.. Я вот всегда. Ибо консерватор, сейчас это снова модно, элитарно и гламурно.

Он сказал разочарованно:

— А зачем врать? Это чревато...

— А я люблю чреватости, — ответил я. — Когда нет футбола, то хоть хоккей, а если и хоккея нет, что ж, остаются женщины... Правда, рекомендую собаку завести. Она и любит бесплатно, и требований поменьше.

— Это да, — подтвердил он. — У меня были жена и взрослая дочь, а после развода приобрел две собаки. Такие милые и обе преданные... Значит, вы не боец?

— Никаким боком!

— А то видео, что нам прислали из пригорода Парижа, фальшивка?

— Откуда я знаю? — ответил я с осторожностью. — Во всяком случае, меня там нет. Хотя, конечно, мне самому хочется сказать, что там я... это ж как хоть на минуту ощутить себя героем! Но, увы, я демократ и гуманист, по мне хоть все друг друга поубивайте, лишь бы мой домик и мой диван не трогали. И меня на диване...

Он помрачнел, сказал со вздохом:

— Да, свой домик и диван... Я себе уже купил там бассейн, теннисный корт и площадку для вертолета. Осталось только дослужить еще три месяца — и на пенсию! Дожить бы только... Ладно, у меня больше нет вопросов.

— Спасибо, — сказал я.

Он крикнул вдогонку, когда я отошел на пару шагов:

— Но это не значит, что у других их не будет.

— Отбрешемся, — заверил я.

Прибыли еще два микроавтобуса с экспертами и аналитиками, потом еще машина с чинами из управления города. Началась нервная суeta, я оставался в сторонке, а Мариэтта, отыскав меня взглядом, подошла и встала рядом.

Из здания начали выносить в ящиках готовую и расфасованную продукцию.

Мариэтта подошла хмурая и чем-то раздосадованная.

— Из управления сообщили, — сказала она негромко, — Марат Хисамович не замешан. Обвинить его можно только в халатности, да и то с натяжкой. Том Фолкнер исчез без следа, явно был готов к такому варианту. Точно так же нет и следа еще троих, которые могут быть замешанными.

Я пробормотал:

— Даже не знаю, огорчаться или радоваться.

Она сказала зло:

— Сбежали преступники!

— Мы вошли в новый мир, — напомнил я. — Даже, если точнее, нас внесло и тащит по подводным камням все дальше и быстрее. Старые нормы далеко не все действуют, сама знаешь... как в морали, так и в Уголовном кодексе, а новые мы еще не сформулировали...

— Из-за той сволочи могли погибнуть люди!

— То был их выбор, — возразил я. — Да, знаю, закон защищает и дураков... но почему-то дураков не отстраняют от выборов президента, так что и такой мелочью, как свое здоровье, имеют право распоряжаться. Эвтаназию разрешили во всех странах!

Она сказала растерянно:

— Ничего уже не понимаю...

— Законы не успевают за нами, — напомнил я. — Ну и что, если Уголовный кодекс не пересматривали и там все еще полно статей за конокрадство?... Зато нет для таких случаев. Это все на усмотрение таких, как мы.

— Я против!

— Я тоже, — признался я. — Не люблю ответственности. Мне и свою на кого-нить переложить... Но он ушел, а я ловить не стану. Он по-своему прав. Если передо мной встанет выбор проголосовать ли за убийство десяти человек, чтобы спасти от неминуемой гибели миллион... то я знаю, как ты поступишь. И как все демократическое сообщество. А я вот не стану прикидываться больным или тряпочкой у порога! Я с болью в сердце проголосую.

Она отвела взгляд.

— Даже не говори, как проголосуешь. Не хочу даже слышать. Но куда он может прятаться в нашем насквозь просматриваемом мире?

— Догадайся с трех раз.

Она посмотрела в мою сторону зло.

— Заткнись.

— А что я сказал такого?

— Некоторые, — отрезала она с нажимом, — некоторые хитрые жуки как-то ухитряются.

Я сказал с безнадежной ноткой:

— Опять за рыбу гроши... Ему ж не только прятаться надо.

— Вот-вот, — ответила она сердито. — Ему работать восхочется. Продолжать! Хочешь сказать, покровители найдутся?

— Судя по всему, — сказал я, — уже нашлись. Давно. А у таких людей всегда есть запасные норы для бегства. Пришло время, в дело вступил план «Б». Ни одного дня не потеряно.

— Убийство Ширли Кассеро все еще не раскрыто, — напомнила она.

— Когда-то раскроется, — ответил я. — А пока, знаешь ли, я пас, советую и тебе завязать с этим.

— Что-о?

— На время, — пояснил я. — Есть же, как говорят политики, более неотложные вызовы. Карельдегин если и убивает в конце концов, то дает сперва годы вообще-то великолепной жизни!.. А другие просто убивают сразу, чтобы забрать кошелек.

Она фыркнула.

— Какая образность!.. Кошелек ты имеешь в виду не тот, что в облаке, а такой, какие носили всякие там маркизы?

— И глерды, — подтвердил я.

Она несколько мгновений смотрела зло, потом лицо расслабилось, а в глазах появилась усталость.

— Да, конечно. В нашем сумасшедшем мире есть угрозы более. Да, более. А это дело... не закрываем, а отложим.

Я обнял ее за плечи, слегка сжал.

— Все не успеть, мир слишком быстро меняется.

— Слишком, — повторила она, голос дрогнул, я в изумлении услышал в нем жалобную нотку. — Уже ничего не понимаю... И даже то, как ты здесь, гад, оказался!

Я напомнил вежливо:

— Ты меня притащила. Силой.

Она покачала головой, глаза стали совсем непонимающими.

— Нет уж, все не так... Ты не должен был здесь. Это что-то даже не знаю... И ты не тот, кто ты... Колись, гад полосатый!

— Я диванный лежун, — ответил я, — но пришлось вот встать.

— Ну да, — сказала она со злой иронией, — теперь на тебе ответственность — Яшка!.. Хотя о ком-то заботиться надо. Сперва о Яшке, потом о людях...

«Точно», — ответил я про себя. Яшка, а еще Аня Межелайтис, что на самом деле искусственный интеллект первого уровня, но почему-то ну никак не вижу в ней машину, что дико и опасно.

Кроме того, как ни хочется отвертеться, еще и королевство Нижних Долин... как и другие в том наивном и детском мире.

И пора посмотреть, что задумал король Антриас.

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	140
Часть третья	281

Литературно-художественное издание

ЮДЖИН — ПОВЕЛИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Орловский Гай Юлий

ЮДЖИН — ПОВЕЛИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Книга 5

ЛЮБОВНЫЕ ЧАРЫ

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Тагирова*

Художественный редактор *А. Стариков*

Технический редактор *И. Гришина*

Компьютерная верстка *В. Андриановой*

Корректор *Е. Захарова*

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 24.06.2015. Формат 84x108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Newton». Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 13000 экз. Заказ 4322.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-81084-0

9 785699 810840 >

В электронном виде
www.eksmo.ru

ЛитРес:
ОДНА КЛИК ДО КНИГ

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: International@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
International@eksmo-sale.ru*

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.
E-mail: Ivanova.ey@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д.46.
Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

- В Санкт-Петербурге:** ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: Филиал ООО ТД «Эксмо» в г. Н. Новгороде, 603094, г. Нижний Новгород, ул.
Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).
В Ростове-на-Дону: Филиал ООО «Издательство «Эксмо», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 305-09-13/14.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 207-55-56.
В Екатеринбурге: Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Екатеринбург,
ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.
В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru
В Киеве: ООО «Форс Украина», 04073, Московский пр-т, д.9. Тел.: +38 (044) 290-99-44.
E-mail: sales@forsukraine.com

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: Imarket@eksmo-sale.ru

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

shop.eksmo.ru

shop.eksmo.ru

Э К С М О

The background of the page is a dark, atmospheric illustration of a ruined city. In the foreground, there's a stone wall with a circular window on the left. A wooden barrel sits on the ground. In the middle ground, a stone bridge or walkway leads towards a large, dark building with a tower. The sky is dark with some birds flying. The overall mood is somber and mysterious.

«Ну тупые они, тупые!..
Глерды, бароны, герцоги, даже короли.
А вот я весь в белом, да еще и колдовать подучился...»
Но это проклятое превосходство, кроме понятных
и ожидаемых радостей, почему-то переполняет
тягостным чувством: дескать, если можешь больше,
то и обязан... чего-то там больше.

А глерд Юджин, как и все,
очень уж не любит
отвечать даже по мелочам.

ISBN 978-5-699-81084-0

9 785699 810840 >